

ISSN 0042-8779

ИВИ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

11

2018

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

11/2018 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)..... 3

СТАТЬИ

С.В. Рыбаков — Представления об историческом процессе и их роль в событиях 1917 года 10

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

А.А. Непомнящий — Арсений Иванович Маркевич 29

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

В.В. Алексеев — Размышления над проектом «Россия — моя история» 49

СООБЩЕНИЯ

Х.-М.А. Сабанчиев — Государственная политика в отношении депортированных народов в первые послевоенные годы 54

К.В. Богатырёва, С.И. Реснянский — Переписка Н.А. Семашко с органами ВЧК в начале 20-х гг. XX в. 61

С.Е. Виноградов — Британская компания «Виккерс» и производство 14-дюймовых орудий для России в 1914—1916 гг. 70

Выходит
с 1926 года

ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- М.М. Паникар, Д.Р. Троице** — Уинстон Черчилль о европейской интеграции 85

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- А.А. Ерёмин, О.К. Петрович-Белкин** — Философия истории Джамбаттисты Вико: истоки, сущность и наследие 97

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- П.А. Искендеров** — Мюнхенское соглашение 1938 г.: пролог к новой мировой войне 120

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- О.Д. Попова** — Специфика ментальности советских граждан 1960-х гг. через призму продовольственного дефицита 128

- С.Г. Веригин** — Преследование агентуры финской разведки после выхода Финляндии из второй мировой войны 137

- С.Р. Чеджемов** — Взгляды К. Маркса на присоединение народов и территорий к Российской империи 144

- Сечжин Чжун** — Два аспекта Кавказской войны: генерал Ермолов и газават 150

- Р.Э. Агаев** — Сведения арабоязычных первоисточников о санарах 158

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Е.В. Кунц** — Л.Ю. Посохова. Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII — начало XIX в.) 167

- Г. Ластовский** — И.Б. Бабулин. Смоленский поход и битва при Шепелевичихах 1654 года 172

Хроника Великой Победы (1941—1945 гг.)

Планы Гитлера (1941 г.)

Аннотация. Документы, представленные в настоящей подборке, относятся к марту 1941 г. и находятся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Среди них — материалы оперативного совещания у Гитлера, состоявшегося 30 марта 1941 г. и посвященного различным аспектам предстоящей войны против СССР. Второй документ — директива Гитлера от 5 марта 1941 г. «О сотрудничестве с Японией».

Ключевые слова: СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации

Abstract. Presented documents are related to March of 1941. First one — information about Nazi Germany's leadership meeting on 30 March 1941. The second one — Hitler's directive on cooperation with Japan issued on 05 March of 1941. The documents are presented by Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Keywords: USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation.

Нападению нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. предшествовала тщательная проработка Гитлером и его окружением различных аспектов предстоящей операции и последующей германской политики на оккупированных территориях. О характере указанной проработки можно судить по материалам совещания у Гитлера, состоявшегося 30 марта 1941 года. Его содержание нашло свое отражение в хранящемся в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации дневнике генерал-полковника вермахта Франца Гальдера:

«11.00. Большое совещание у фюрера. Почти 2,5-часовая речь следующего содержания. Обзор положения после допущенной Англией 30.6.40 г. ошибки, заключавшейся в отказе от возможности заключения мира. Описание дальнейших событий. Острая критика итальянской дипломатии и военного руководства. Выигрыш Англии от неудач Италии.

Англия возлагает свои надежды на Америку и Россию.

Публикацию подготовил П.А. Искендеров.

Продолжение. Начало см.: Вопросы истории. 2018, № 5—10.

Максимальный уровень производства в Америке будет достигнут только через четыре года. Транспортная проблема в России. Роль и возможности Германии. Обоснование необходимости разрешения русской проблемы. Мы сможем оказаться в состоянии выполнить стоящие перед нами задачи (в отношении техники и личного состава) в воздухе и на море в течение двух лет только лишь в том случае, если мы окончательно и полностью разрешим сухопутные проблемы. Наши задачи в отношении России — разбить вооруженные силы, уничтожить государство.

Высказывание о русских танках (заслуживает уважения), 47-мм пушка, хороший тип тяжелого танка, но в основной своей массе — устаревшие типы. По численности танков русские сильнее всех в мире. Однако они имеют лишь небольшое количество новых гигантских танков с длинноствольной 105-мм пушкой (танки-гиганты весом в 42—45 тонн).

Русская авиация очень велика по количеству, но имеет очень много самолетов устаревших типов и лишь незначительное количество современных типов.

Проблема русской территории. Бескрайние просторы района делают необходимой концентрацию сил на решающих участках. Массированное использование авиации и танков на решающих направлениях. Авиация не сможет одновременно обработать этот гигантский район. В начале войны она сможет установить свое господство лишь на отдельных участках этого колоссального фронта. Поэтому ее использование должно проводиться в теснейшей связи с операциями сухопутных войск. Русские не выдержат массированного удара танков и авиации.

Никаких иллюзий по отношению к союзникам. Финны будут храбро сражаться, но по численности они слабы и еще не оправились от поражения. От румын вообще ничего ожидать нельзя. Возможно они окажутся в состоянии лишь обороняться под прикрытием сильной преграды (реки), да и то только там, где противник не будет атаковать. Антонеску увеличил свою сухопутную армию вместо того, чтобы уменьшить ее и улучшить. Судьба крупных германских соединений не может быть поставлена в зависимость от стойкости румынских соединений.

Вопрос о Пинских болотах: охранение, оборона, минирование.

Вопрос об отходе русских войск. Отход маловероятен, так как иначе теряется связь с Прибалтикой и Украиной. Если русские намереваются отойти, то они должны это сделать заблаговременно, иначе больше не смогут привести себя в порядок.

После разрешения задач на Востоке будет достаточно оставить 50—60 дивизий (танки). Часть наземных войск можно будет распустить для работы на производстве для авиации и флота, часть потребуется для других задач, например для Испании.

Борьба двух идеологий. Уничтожающий приговор большевизму, который равносителен социальному преступлению. Огромная опасность коммунизма для будущего. Мы должны исходить из принципа солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не станет нашим товарищем. Речь идет о борьбе на уничтожение. Если мы не будем так смотреть, то, хотя мы и разобьем врага, но через тридцать лет снова возникнет коммунистическая опасность. Мы ведем войну не для того, чтобы законсервировать своего противника.

Будущая картина политической карты России. Северная Россия принадлежит Финляндии, протектораты в Прибалтике, Украина, Белоруссия.

Борьба против России. Нашей первостепенной задачей является уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства будут социалистическими государствами, но без собственной интеллигенции. Не следует допускать, чтобы образовалась новая интеллигенция. Здесь будет достаточно лишь примитивной социалистической интеллигенции. Следует вести борьбу против яда деморализации. Это далеко не военно-судебный вопрос. Командиры частей и подразделений должны знать цели войны. Они должны руководить в борьбе. Войска должны защищаться теми же средствами, какими на них нападают. Комиссары и лица, принадлежащие к ГПУ, являются преступниками, и с ними следует поступать, как с преступниками. Поэтому командиры должны прочно держать войска в своих руках. Командир должен отдавать свои приказы, учитывая настроение войск.

Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом для будущего. Командиры должны пойти на жертвы и преодолеть свои колебания.

В середине дня. Общий завтрак.

Во второй половине дня. Совещание у фюрера».

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 23, оп. 916 345, д. 6.

За несколько недель до вышеуказанного совещания Гитлер подготовил директиву № 24 от 05.03.1941 «О сотрудничестве с Японией», которая представляет интерес в контексте детализации планов нацистской Германии на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. В документе, на котором стояла подпись начальника Главного штаба вооруженных сил Германии Вильгельма Кейтеля, говорилось:

«Для сотрудничества с Японией Гитлер приказал следующее:

1. Целью сотрудничества, установленного пактом трех держав, должно быть стремление привести как можно быстрее Японию к активным действиям на Дальнем Востоке. Тем самым сковать крупные силы англичан и перенести центр тяжести интересов С.Ш.А. на Тихий океан.

Ввиду пока еще неполной подготовленности ее противника к войне, Япония может рассчитывать на успех тем больше, чем раньше она перейдет к наступательным действиям. Операция «Барбаросса» для этого создаст особенно благоприятные политические и военные предпосылки.

2. Для подготовки сотрудничества требуется усилить всеми средствами военную мощь Японии. Для этого командование частями вооруженных сил должно по возможности полнее удовлетворить желания Японии — передачу военного и боевого опыта и оказание поддержки в военно-экономическом и техническом отношениях. Взаимность конечно желательна, но она не должна затруднять переговоры. Конечно в первую очередь надо выполнять те просьбы японцев, которые помогут в наикратчайшее время перейти к активным боевым действиям.

В обоих случаях решение принимает Гитлер.

3. Согласования обоюдного плана оперативных действий. Входят в обязанность верховного командования военно-морским флотом.

При этом надо руководствоваться следующими директивами:

а). Общей целью ведения войны должно быть установлено быстрое подавление Англии и вместе с тем удержание вне войны С.Ш.А. В остальном Германия на Дальнем Востоке не имеет ни политических, ни военно-экономических интересов, которые бы делали оговорку по поводу планов Японии;

б). Крупные успехи, достигнутые Германией в торговой войне, показывают, что к такой же цели должны быть направлены большие японские силы. При этом надо использовать все, что сможет оказать поддержку немецкой торговой войне;

в). Положение с сырьем у держав пакта требует того, чтобы Япония имела у себя те области, которые будут необходимы для продолжения войны, особенно если вмешаются Соединенные Штаты. Поставка каучука должна будет производиться и после вступления Японии в войну, т.к. это является жизненно важным для Германии;

г). Захват Сингапура, который является «ключевой» позицией Англии на Дальнем Востоке, обозначал бы крупный успех совместного военного руководства трех держав.

Кроме того должны проводиться наступления на систему других опорных пунктов англо-американских военно-морских сил (если не удастся помешать вступлению С.Ш.А. в войну), это расшатает систему противника и, при атаках на морские коммуникации, скует значительные силы всех родов оружия (Австралия).

Время начала оперативных переговоров пока еще установить нельзя.

4). В созданной, после заключения пакта трех держав, военной комиссии должны разбираться только такие вопросы, в которых одинаково заинтересованы каждая из трех держав.

В первую очередь она будет заниматься вопросами экономики в войне.

Окончательное решение в отдельных случаях принимает «главная комиссия» при участии главного штаба вооруженных сил Германии.

5). Об операции Барбаросса Японии не следует делать никаких заявлений».

Центральный архив Министерства обороны,
ф. 500, оп. 12 462, д. 8.

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941–1945)

Hitler's plans (1941)

The attack of Nazi Germany on the Soviet Union on June 22, 1941 was preceded by a thorough study by Hitler and his entourage of various aspects of the upcoming operation and the subsequent German policy in the occupied territories. On the nature of the specified study can be judged by the content of the meeting with Hitler on 30 March 1941. Its contents are reflected in data stored in the Central archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation, the diary of Colonel General of the Wehrmacht Franz Halder:

"11.00. Big meeting at the Führer"s. Almost 2,5 hour speech with the following content. Overview once admitted England error of 30.6.40 consisting in the rejection of the possibility of peace. Description of further events. Sharp criticism of Italian diplomacy and military leadership. The winning of England from the failures of Italy.

England places its hopes on America and Russia.

The maximum level of production in America will be reached only in four years. Transport problem in Russia. The role and capabilities of Germany. Justification of the need to resolve the Russian problem. We will be able to meet the challenges we face (in terms of equipment and personnel) in the air and at sea for two years only if we fully and completely resolve the land problems. Our tasks with regard to Russia are to break up the armed forces and destroy the state.

The statement of the Russian tanks (worthy of respect), 47-mm gun, a good type of a heavy tank, but for the most part — obsolete types. By the number of tanks the Russians are the strongest in the world. However, they have only a small number of new giant tanks with a long-barreled 105-mm gun (giant tanks weighing 42–45 tons).

Russian aviation is very large in number, but has a lot of outdated types of aircraft and only a small number of modern types.

The problem of Russian territory. The vast expanses of the area make it necessary to concentrate forces on critical areas. Massive use of aircraft and tanks in critical areas. Aviation can't handle this giant area at the same time. At the beginning of the war, it will be able to establish its dominance only in some parts of this colossal front. Therefore, its use should be carried out in close connection with the operations of the land forces. The Russians will not withstand a massive attack of tanks and aircraft.

No illusions about the allies. Finns will bravely fight, but in number they are weak and have not yet recovered from defeat. You can't expect anything from Romanians. Perhaps they will be able to only defend under the cover of a strong barrier (river), and even then only where the enemy will not attack. Antonescu increased his land army, instead of reducing it and improving it. The fate of large German compounds cannot be made dependent on the strength of Romanian compounds.

The question of Pinsk swamps: protection, defense, mining.

The question of the withdrawal of Russian troops. Withdrawal is unlikely, as otherwise lost connection with the Baltic States and Ukraine. If the Russians intend to withdraw, they must do so in advance, otherwise they will no longer be able to put themselves in order.

After resolving the task in the East would be enough to leave 50—60 divisions (tanks). Part of the ground troops can be disbanded to work in production for the aircraft and Navy, some will be required for other tasks, such as in Spain.

The struggle of two ideologies. Destroying the sentence of Bolshevism, which is tantamount to a social crime. The great danger of communism for the future. We must proceed from the principle of soldiers' partnership. The Communist has never been and will never be our friend. We are talking about the struggle for destruction. If we won't stare, even though we split the enemy, but after thirty years the Communist danger will appear again. We are not waging war to preserve our enemy.

The future picture of the political map of Russia. Northern Russia belongs to Finland, protectorates in the Baltic States, Ukraine, Belarus.

Fight against Russia. Our primary task is to destroy the Bolshevik Commissars and the Communist intelligentsia. The new States will be socialist States, but without their own intelligentsia. We should not allow the formation of a new intelligentsia. Here is just a primitive socialist intelligentsia. It is necessary to fight against the poison of demoralization. This is not a military or judicial issue. Commanders and units must know the objectives of the war. They must lead the fight. Troops must be protected by the same means as they are attacked. Commissioners and persons belonging to the GPU are criminals, and they should be treated as criminals. So commanders must firmly keep troops in their hands. The commander must give his orders, given the mood of the troops.

War will be very different from war in the West. In the East, cruelty is a boon to the future. Commanders must make sacrifices and overcome their hesitations.

At midday. Common breakfast.

In the second half of the day. Meeting at the Fuhrer”.

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 23, op. 916 345, d. 6.

A few weeks before the aforementioned meeting, Hitler prepared the Directive No. 24 of 05.03.1941 “On Cooperation with Japan”, which is of interest in the context of detail of the plans of Nazi Germany in the Far East and in the South East Asia. The document, which was signed by Chief of Staff of the German armed forces Wilhelm Keitel, said:

“For cooperation with Japan, Hitler ordered the following:

1. The purpose of the cooperation established by the Pact of the three Powers should be to bring Japan to action in the Far East as soon as possible. Thus to tie down large British forces and to shift the center of gravity of the interests of the U. S. A. to the Pacific Ocean.

In view of the still incomplete preparedness of its enemy to war, Japan can count on the success of the more than before it will move to offensive action. Operation Barbarossa creates particularly favorable political and military conditions for this.

2. For the preparation of the cooperation requires further strengthening by all means the military power of Japan. To this end, the command of parts of the

armed forces should fully satisfy the wishes of Japan — the transfer of military and combat experience and support in military-economic and technical relations. Reciprocity is certainly desirable, but it should not impede negotiations. Of course, first of all it is necessary to fulfill the requests of the Japanese, which will help in the shortest possible time to move to active hostilities.

In both cases the decision taken by Hitler.

3. Approval of the mutual plan of immediate action. Included in the duty of the Supreme Command of the Navy.

The following guidelines should be followed:

a). The common goal of the war should be the rapid suppression of England and at the same time keeping out of the war the USA. Above that Germany in the Far East has neither political nor economic interests that would make a reservation about Japan's plans;

b). Major successes achieved by Germany in the trade war, show that the same goal should be directed large Japanese forces. At the same time, we must use everything that can support the German trade war;

c). Raw material situation of the Powers of the Pact requires Japan to have the areas that will be needed to continue the war, especially if the United States intervenes. Supply of rubber will have to be made after Japan's entry into the war, because it is vital for Germany;

d). Capture of Singapore, which is England's key position in the Far East, would mark a major success for the joint military leadership of the three powers.

In addition, there will be an attack on the system of other reference points of the Anglo-American naval forces (if it is not possible to prevent the entry of USA in the war), it would undermine the system of the enemy and during the attack on sea communications, will forge a considerable force of all sorts of weapons (Australia).

The time for the commencement of operational negotiations cannot yet be determined.

4. The military Commission established after the conclusion of the Pact of the three Powers should deal only with issues in which each of the three Powers is equally interested.

First of all, it will deal with the economy in the war.

The final decision in some cases is taken by the «Main Commission» with the participation of the General Staff of the German armed forces.

5. No statements should be made to Japan about Barbarossa operation".

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 500, op. 12 462, d. 8.

* * *

Представления об историческом процессе и их роль в событиях 1917 года

С.В. Рыбаков

Аннотация. В статье рассматриваются особенности представлений об историческом процессе, присущих основным участникам событий 1917 г. в России; выявляется влияние этих представлений на политическое поведение ключевых фигур того времени и стоящих за ними общественных сил.

Ключевые слова: события 1917 г., исторический процесс, представления об истории, фатализм, детерминизм, свобода исторического творчества.

Abstract. The articles considers the features of the views on the historical process that were characteristic of the main participants in the events of 1917 in Russia; reveals the influence of these views on the political behavior of key figures of the time and the social forces behind them.

Key words: events of 1917, historical process, ideas about history, fatalism, determinism, freedom of historical creativity.

В отечественной историографии события 1917 г. представляют собой одну из наиболее дискуссионных тем. Историки очень часто расходятся в их оценках. Однако это не мешает большинству из них принимать мысль о том, что сюжетная ось происшедшего в 1917 г. выстраивалась в соответствии с определенным алгоритмом. В исследовательской практике этот алгоритм отображается чаще всего в виде причинно-следственных связей, соединяющих коллизии 1917 г. единой или общей логикой. Устоявшаяся в исторической науке методика ассоциирует комплекс причинно-следственных связей с механизмом, моделирующим исторический процесс и не позволяющим ему превратиться в произвольную игру случайностей.

Стало правилом увязывать каузальность с теми сторонами исторического процесса, которые именуются «объективными факторами». Под ними понимаются внешние условия общественного развития, которые никак не зависят от сознания и воздействия людей. При

Рыбаков Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор Уральского федерального университета. Екатеринбург. E-mail: istoric-ek@mail.ru.

Rybakov Sergey V. — doctor of historical sciences, professor at the Ural Federal University. Ekaterinburg. E-mail: istoric-ek@mail.ru.

освещении некоторых тем этим факторам уделяется особое, приоритетное внимание. Это касается и событий 1917 года. При их объяснении апелляция к объективным факторам стала привычной нормой, хорошо усвоенным методологическим принципом.

В историко-научной литературе объективные факторы, оказавшие влияние на развертывание событий 1917 г., систематизированы с исчерпывающей полнотой. В их перечень принято включать недостаточные темпы социальной и экономической модернизации страны в начале XX в., социально-правовые противоречия того времени, бедность значительной части населения, узость внутреннего рынка, заметную долю иностранного капитала в промышленности и в банковском секторе, напряжение во взаимоотношениях власти и бизнеса, обострение международной обстановки. Первая мировая война добавила к этому перечню низкие возможности для быстрого перевооружения армии, коррупцию, инфляцию, финансовый кризис, бытовые трудности гражданского населения, психологический дискомфорт солдат на фронте и т.п.

Было бы ненаучно игнорировать объективные стороны исторического развития России в начале XX в. и их связь с предпосылками революционного катаклизма 1917 года. Однако признание такой связи не означает, что методы исторических исследований должны удерживаться в строгих рамках объективизма. Доминирование объективных факторов в исследовательском арсенале отнюдь не служит гарантией безупречной научной объективности. Избыточное акцентирование внимания на них может вылиться в концептуально-теоретический схематизм, а он на прежних этапах развития исторических знаний зарекомендовал себя не с самой лучшей стороны.

Если говорить в целом, сегодня схематизация исторического материала не находит широкого отклика. В то же время еще сохраняется пиетет перед теоретическими формами, которые в пору господства формационно-классовой доктрины порождали аксиомы об «императивных закономерностях исторического процесса». Некоторые историки доныне сохраняют приверженность этим аксиомам: «Революция характеризуется как качественный переход от исторически исчерпавшего себя общественно-экономического строя к более прогрессивному... Чтобы представить себе всю масштабность и значимость революции, стоит обратиться к ее классическому пониманию, выработанному в лоне марксистской теории — именно она наиболее точно и глубоко определяет содержание революционного процесса»¹.

Отдельные исследователи предпринимают попытки заменить формационно-классовую парадигму событий 1917 г. иными концептуальными схемами. Одной из них является теория модернизации, ставящая в центр исторического процесса потребности технологического развития. Согласно ей, природу революционных потрясений в России начала XX в. наилучшим образом объясняет тезис о так называемой «догоняющей модернизации»². Его приверженцы приходят к выводам, в ключевых моментах перекликающимися с формационно-классовыми построениями: «Февраль 1917 года можно считать abortивной буржуазной революцией... Большевистский режим смог удержаться у власти и приступить к новой общественной сборке лишь за счет того, что вынужден был реализовывать несостоявшуюся историческую миссию русского капитализма»³.

Приведенные примеры иллюстрируют устойчивость представления об «объективной непреложности» хода исторических событий, подразумевающей их автономность или даже изолированность от воли людей. Но реальная человеческая история не может находиться в тотальной изолированности от субъектов исторического действия; и то, что названо «объективными факторами», всегда в той или иной мере отражало состояние общественного сознания. Этот тезис в полной мере относится и к событиям 1917 года.

При развертывании тех событий объективные факторы тесно взаимодействовали с обстоятельствами и мотивами субъективного свойства. Такое взаимодействие усложняло общую логику происходящего, лишая ее тождественности «императивным закономерностям». Ход событий проецировал кипучую драматургию, включавшую в себя эмоции, ошибки, сомнения, прозрения конкретных людей — все то, без чего практический и ментальный опыт человеческих сообществ едва ли может считаться вполне аутентичным. Этот живой, неформальный опыт является непременным сегментом людского бытия. Все, что с ним ассоциируется, в терминах современной философии именуется «субъективной реальностью»⁴.

Наличие субъективной реальности само по себе не позволяет абсолютизировать объективные факторы, относиться к ним как к единственному универсальному ключу для расшифровки алгоритмов истории. Субъективная реальность корректирует ритм и порядок выстраивания закономерностей, соединяя каузальность с противоречивыми мотивациями участников исторических событий, в том числе — и революций, которыми, как отметил академик Ю.А. Поляков, «историю не удивишь»⁵. Ни одна революция не являлась буквальной проекцией теоретических моделей, ни одна не обошлась без субъективных начал. Время революций соединялось с выплеском мощной психической, эмоциональной энергии и характеризовалось необычайной плотностью, концентрированностью событий.

В 1917 г. плотность событий на российской исторической арене обрела небывалую величину. В них отражалось много непредвиденного и случайного, каждый сюжетный поворот порождал новые коллизии, умножал возможные варианты дальнейшего развития событий. Историческое время «спрессовывалось», определяя «сценографию» исторического действия, участники которого раз за разом не успевали оперативно реагировать на вызовы реальности, быстро менявшейся под воздействием не столько объективных, сколько субъективных факторов.

События 1917 г. подтверждают тезис о том, что история творится конкретными людьми с присущими им особенностями мышления, с их приверженностью различным идеям, постулатам, предрассудкам, мифам. Выбор политического поведения главных действующих лиц во многом зависел от их интеллектуальных ресурсов, немаловажным элементом которых являлись представления о смысловых векторах истории. Мера концептуального осмысления истории у центральных персонажей исторической драмы не совпадала, но между ними выявилось и нечто общее: каждый из них в чем-нибудь заблуждался. Намерения, замыслы, проекты, вынашиваемые главными участниками тех неординарных событий, достигали отнюдь не тех результатов, на которые были нацелены.

В канун революционных событий ключевой фигурой российской исторической сцены являлся, бесспорно, Николай II, олицетворявший собой верховную власть и государственный строй. Властные prerogatives позволяли императору не только контролировать ход событий, но и определять судьбу страны. В том, что он не сумел ими распорядиться, отразилось, кроме прочего, и состояние его исторического кругозора.

Николай II не был обделен знаниями об истории патронируемой им страны, получив их в более или менее систематизированном виде еще в пору юношеского обучения. Занятия по русской истории с ним вели государственные мужи, занимавшие высокое положение в окружении его отца — Н.Х. Бунге, Н.К. Гирс, К.П. Победоносцев, Н.Н. Обручев, М.И. Драгомиров, А.Р. Дрентельн. Они, по замыслу Александра III, должны были приобщить наследника престола к отечественной истории, истолкованной с государственных позиций и свободной от школярских штампов. Подразумевалось, что полученные знания послужат будущему царю добротным инструментом при принятии как стратегических, так и каждодневных практических решений.

После восшествия на престол Николай Александрович должен был распрощаться с ролью прилежного ученика и взять на себя полноту ответственности за происходящее в стране. Однако реальная действительность не совпадала с уроками наставников, постоянно ставя перед Николаем II новые и все более сложные задачи. Их решение связывалось со способностью мыслить творчески, нешаблонно. Царю, по мнению большинства подданных, надлежало демонстрировать ясность и определенность в подходах к государственной политике. От человека, называемого «самодержцем», ждали умения безошибочно и искусно воздействовать на развитие страны, на ход российской истории. Однако такие ожидания оказались завышенными.

В силу воспитания Николай II был вполне добропорядочным человеком, не переступавшим границ благонамеренности, являвшим себя прекрасным семьянином и склонным к скромности, но как личность он был лишен масштабности, соизмеримой с задачами, стоявшими перед правителем гигантской империи. Его политическое поведение выглядело стертым, лишенным яркого своеобразия. Недостаток харизматических, лидерских качеств понижал его репутацию в глазах общества. По свидетельству современников, «определенность целей и готовность к их выполнению тяготили и стесняли вечно неготовую, робкую мысль императора»⁶. Николаю II приходилось принуждать себя заниматься делами государственного управления. Его окружение видело, что «они его не захватывали, пафос власти был ему чужд, стремление к творчеству у него отсутствовало, живого интереса к широким вопросам государственного масштаба он не испытывал»⁷. Несоответствие Николая Александровича образу самодержца, «хозяина страны» смущало многих его подданных и подогревало рост оппозиционных настроений в разных слоях общества.

Находясь в зависимости от сторонних мнений, Николай II часто колебался в выборе между суждениями людей, с которыми ему приходилось контактировать. Больше других на настроения и действия царя влияла его супруга Александра Фёдоровна, урожденная Алиса Гессен-Дармштадтская. Она напоминала благоверному: «Ты — само-

держец, ты — владыка и повелитель, ты — глава Церкви»; «Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя,... не позволяй другим забывать, кто ты»⁸. Царица была поборницей незыблемого абсолютизма и проявляла подозрительность к тем, чья деятельность могла бы поставить под сомнение прерогативы ее венценосного мужа. Николай II неизменно соглашался с супругой, не пытаясь в чем-либо ей перечить. С.Д. Сазонов, министр иностранных дел в 1910—1916 гг., писал об этой стороне жизни царя: «Пребывание в Царском Селе, в ненормальной по своей непроницаемости семейной атмосфере, в которую его замкнула болезненная воля императрицы Александры Фёдоровны, против которой он никогда не боролся, действовала на его нравственное состояние угнетающим образом»⁹.

На образ мышления императрицы накладывалась религиозная экзальтированность, возраставшая вместе с переживаниями, вызванными болезнью сына Алексея, наследника престола. Мироощущение Александры Фёдоровны окрашивалось в гностические тона, пропитывалось тяготением к мистицизму, суевериям, поискам знамений, пророчеств, чудес. В свой ближний круг она подбирала людей с подобными же наклонностями. П.Н. Милюков сравнивал его с «неприступной крепостью, доступной лишь воздействию потустороннего мира в формах юродства и мистики»¹⁰.

Вслед за супругой пристрастием к мистицизму и суевериям проникся и Николай II. На этой почве у него возникла предрасположенность к фатализму — представлению об истории как о процессе бес- субъектном, который не зависит от человеческих возможностей и не подвластен им. В фаталистических представлениях место субъектов истории занимают провиденциальные силы, находящиеся вне сознания и понимания людей. У оказавшихся в плену фатализма парализуется воля, подавляется чувство ответственности за результаты их практической деятельности.

Фаталистическое мировосприятие Николая II осталось бы частным вопросом, если бы касалось только его личной и семейной жизни. Однако оно распространилось на сферу государственного управления и внешнюю политику. Так, во время русско-японской войны после известия о потере Порт-Артура царь написал в дневнике: «Получил ночью потрясающее известие о сдаче Порт-Артура японцам... Тяжело и больно, хотя оно и предвиделось... На то значит воля Божья!»¹¹

Царь не скрывал своего умонастроения, откровенничая в частных беседах: «Я стараюсь ни над чем не задумываться и нахожу, что только так и можно править Россией»¹². Убежденность в предначертанности, предрешенности всего, что бы ни происходило, превращала Николая II в фигуру, устранившуюся от реалий бытия и нечувствительную к внешним импульсам. Священник Георгий Шавельский, служивший в годы мировой войны в Ставке Главнокомандования, писал, что в бесчувственности царя «было, несомненно, нечто патологическое, зловещее»¹³.

Ссылки на фатальную предопределенность всего происходящего позволяли Николаю II оправдывать нежелание вникать в логику исторического процесса, «сотрудничать» с ней. Ему, по-видимому, казалось, что подобное отношение к истории соответствует духу христианской религии. Однако новозаветная традиция ясно и недвусмыс-

ленно связывала движение истории с осознанным и свободным выбором людей: «Что посеет человек, то он и пожнет» (Гал. 6:7). Такой взгляд на историю, требовавший от людей энергичных, волевых усилий, начал усваиваться на Руси еще со времен княгини Ольги и распространился при ее внуке Владимире Святославовиче, придавшем христианству статус государственного вероисповедания.

В истории нет статической неподвижности, любое явление подвержено изменениям во времени. Русское православие не осталось исключением из этого правила. В результате церковного раскола и упразднения патриаршества православие в России испытало трансформацию, связанную с нарастанием западно-христианских влияний и затронувшую, прежде всего, официальную Церковь, во главе которой был поставлен Синод, являвшийся частью бюрократического аппарата. По словам церковного историка Д.В. Поспеловского, синодальная религиозность пропитывалась духом «католического клерикализма»¹⁴. Под влиянием мировоззренческих интенций, проникавших из западного христианства, среди части иерархов Русской церкви укоренился взгляд на богословие как на систему догматов, не нуждающуюся в развитии и совершенствовании. Нарастала тенденция к «окостенению веры». Синодальный клир стал проповедовать окрашенную мистическими тонами модель жизнеустройства, «чуждую всяких земных видов и побуждений»¹⁵.

«Инославное пленение» Русской церкви коснулось и подходов к осмыслению истории. Они подчинялись свойственным западному богословию униформистским стереотипам, представлявшим историю процессом, подчиненным провиденциальным силам, мало считающимся с волей людей. Такие стереотипы находили противников не только в светских кругах, но и в самой Церкви. Один из них, архимандрит Феодор (А.М. Бухарев), призывал священников и верующих «не допускать до себя мертвого и рабского духа фарисейства, фальшивой духовности»¹⁶. Синод противодействовал этим призывам с помощью административно-дисциплинарных мер.

Когда обер-прокурором Синода стал Победоносцев, один из наставников будущего императора Николая II, были предприняты шаги к освобождению православия от клерикального начетничества. Но полностью решить эту задачу было непросто, поскольку уже сформировался особый вариант религиозности, в котором сочетались схоластика, мистицизм и гностический фатализм. Под воздействие такой религиозности и попал Николай II. Фатализм царя носил пессимистичный и депрессивный характер, иллюстрацией к чему служит его высказывание в разговоре с П.А. Столыпиным: «Мне ничего не удастся в моих начинаниях. У меня нет удачи. Да и, кроме того, человеческая воля бессильна... в этом у меня не только предчувствие, но и внутреннее убеждение»¹⁷. Отношение Николая II к ходу событий и историческим перспективам как к фатальной неотвратимости означало отсутствие волевых решений там, где они были насущно необходимы.

К февралю 1917 г. авторитет царя был непоправимо подорван. Серия неудачных решений в кадровой сфере, вылившихся в пресловутую «министерскую чехарду», проникнутое формализмом и потому малооправданное решение взять на себя функции Главнокомандующего, невразумительная позиция по отношению к идее «прави-

тельства доверия» — все это отражало отсутствие у Николая Александровича стремления к энергичным и волевым действиям. Те, кому в то время приходилось взаимодействовать с царем, воспринимали его отношение ко всему происходившему как пассивную отстраненность от действительности. Такое отношение вызывало недоумение у чиновников и военных, озадачивая и раздражая даже сторонников монархии.

10 февраля 1917 г. в разговоре с Николаем II председатель Госдумы М.В. Родзянко изрек: «Вы и Ваше правительство все испортили, революция неминуема»¹⁸. Не менее показательны слова, обращенные к царю его родственником — великим князем Александром Михайловичем в декабре 1916 г.: «Я хочу, чтобы ты понял, что грядущая русская революция 1917 года явится прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа»¹⁹. Николай II не внял этим предостережениям, войдя в явный диссонанс с реалиями времени. До его отречения от престола оставалось две недели, когда он, демонстрируя отсутствие интуиции, «чутья реальности», заявил, что «не боится революции», что «ее вообще не может быть»²⁰.

К тому моменту и в Петрограде, и в других местах признаки грядущего революционного всплеска обозначились уже вполне отчетливо. История подвела Николая II к критической черте, ставя перед выбором: предпринять решительные шаги для стабилизации обстановки или «перепоручить» исход дела «провиденциальному жребию». Венценосец выбрал второе.

К концу февраля 1917 г. недовольство верховной властью стало всеобщим. Теперь даже монархисты говорили, что есть лишь один способ сохранить династию — отстранить царя от власти. 2 марта Николай Александрович согласился подписать акт отречения от престола. При этом он попытался пустить в ход юридическую уловку, отрекаясь от власти не только за себя, но и за своего сына Алексея, а делать это, согласно закону, принятому еще Павлом I, он не имел права. Судя по всему, Николай II рассчитывал, что позднее сможет воспользоваться этой уловкой. Но перехитрить историю ему не удалось...

В начале марта 1917 г. власть перешла к Временному правительству, в котором преобладали кадеты, своим главным приоритетом провозглашавшие обеспечение конституционных прав и свобод граждан. Партийная программа партии отражала либеральные идеи в их позитивистско-рационалистической редакции. Идеологической и ментальной основой тогдашнего российского либерализма явился западноцентризм — система представлений, базирующихся на идее исторического превосходства западной цивилизации над другими сообществами.

По убеждению кадетов, исторически сформировавшиеся на Западе модели политико-юридического и социально-экономического устройства должны были служить безусловным образцом для России. Ей предписывался только один вариант полноценного развития — следовать по пути, пройденному странами Запада. Авторитетный среди кадетов правовед А.С. Алексеев писал: «Если прежде политический строй народа слагался лишь из элементов, вырабатывавшихся на его родной почве, то в новое время этот строй нередко искусственно насаждается по

образцу конституций других народов и сразу дает народу то, что другим доставалось веками многотрудной исторической жизни»²¹.

В 1905 г. инициаторы создания конституционно-демократической партии опубликовали проект российской конституции, где указывалось, что Основной закон Российского государства должен быть «основан на вековом опыте Западной Европы и приспособлен к нуждам России»²². Лидер кадетов П.Н. Милюков, писал, что «европеизация России неизбежна»²³. По словам современников, он и держался как «типичный европеец, не любящий самобытности»²⁴.

Смысловым кодом кадетского истолкования истории явилось слово «прогресс». Под ним понималась однолинейная эволюция человечества, подчиненная единым для всех стран и народов закономерностям исторического развития. Ища черты внешнего подобия между Западом и Россией, они уделяли мало внимания отличиям России от западных стран, не ставили вопросов о природе этих отличий. Когда речь заходила о несходстве Запада и России, кадеты трактовали его как наличие разных степеней «просвещенности» или как разницу между «просвещенностью» и «невежеством», «косностью», «примитивностью культуры»²⁵. В таких трактовках Россия представлялась страной с «догоняющим», «запаздывающим» типом развития. В логике либералов «запаздывание» ассоциировалось с необходимостью «наверстать упущенное историческое время», что предполагало рационалистическое конструирование хода истории, направленное на его «ускорение», «подстегивание» посредством масштабного внедрения «прогрессивного западного опыта».

Отношение кадетов к историческому времени характеризовалось некоторой парадоксальностью. Допуская возможность «форсировать» время, они при этом наделяли его способностью разворачиваться в соответствии с автономной от воли людей логикой, продиктованной наличием неких универсальных шаблонов развития. Такие представления содержали в себе противоречие, высвечиваемое вопросом: возможно ли подталкивание к «ускорению» процесса, являющегося автономным?

Слабыми местами кадетского либерализма являлись невнимание к стратегическим ресурсам отечественной культуры и малый интерес к самостоятельному историческому творчеству. Надо сказать, что эти недостатки не означали заведомого нигилизма по отношению к России: патриотическая риторика была не чужда кадетам. Их западноцентризм чаще всего проявлялся как безоговорочное доверие к западноевропейской философии истории и носил, в первую очередь, методологическую окраску. Концептуальный словарь кадетов состоял из терминов, заимствованных из теоретических трудов западноевропейских либеральных философов.

Партийная программа кадетов ретранслировала все основные идеи западноевропейского либерализма: незыблемость индивидуальных прав и свобод, равенство граждан перед законом, всеобщее избирательное право, разделение властей, свободу политической и экономической конкуренции и т.п. Вожди кадетской партии признавали, что в российских конкретно-исторических реалиях начала XX в. эта программа имела мало шансов на успешную реализацию. Они оценивали ее как «обращение к суду потомства» и «первую для России

попытку претворить интеллигентские идеалы в осуществимые практические требования, взяв из литературных деклараций все, что может быть введено в политическую программу»²⁶.

Название «конституционно-демократическая» было призвано характеризовать кадетскую партию как «партию в европейском смысле слова»²⁷. Рассчитывая привлечь к себе российских избирателей, кадеты решили воспользоваться вторым названием: «Партия народной свободы». На самом деле они защищали не столько «народную свободу», сколько свободу отдельно взятых индивидуумов. Для кадетских верхов менталитет широких народных масс оставался закрытой темой, а массы, в свою очередь, были равнодушны к политической риторике кадетов, воспринимая их призывы к свободе как демагогическую «барскую причуду». Милюков позднее признавал: «У нас не было языка, которым мы могли бы поднять народ»²⁸. По словам историка Ф.А. Гайды, «кадеты как представители освободительной идеологии были обречены в России на маргинальность»²⁹.

Слабость кадетов проявлялась и в том, что они делали упор не на средства и методы, а на принципы и постулаты. Милюков прямо говорил, что программа кадетской партии нацелена не на «исполнимость», а на «принципиальность»³⁰. При этом он не связывал «принципиальность» с моралью, характеризуя приоритет морали над политикой как «подозрительную формулу, скрывающую в себе реакционные настроения»³¹.

Иллюстрацией того, как либерально-западнические принципы входили во взаимодействие с российскими реалиями, стало участие кадетов в создании и деятельности Временного правительства. Идея Временного правительства являлась одним из центральных пунктов кадетской партийной программы, принятой в 1905 году. В марте 1917 г. кадеты, добившись преобладания в первом составе Временного правительства, с немалым воодушевлением приступили к реализации этой идеи. По их логике, временный характер правительства призван был отразить специфику переходного периода, которому надлежало длиться до созыва Учредительного собрания и «составления кабинета из представителей большинства»³².

В марте 1917 г. эта схема казалась кадетам столь же привлекательной, как и в 1905 г., однако ее практическое внедрение оказалось непростым делом. Проповедуемый кадетами схематизм ставил Временное правительство в условия, неудобные и с психологической, и с политической точки зрения. Объявив правительство «временным», кадеты вместе со своими союзниками октябристами попали в ментальную ловушку: в массовом сознании это название ассоциировалось с недостатком легитимности, эфемерностью статуса, заставляло считать министров «временщиками», малозначимыми, проходными фигурами. Спустя годы, вспоминая об условиях существования Временного правительства, лидер октябристов А.И. Гучков говорил о «состоянии его заброшенности, изоляции, шаткости»: «Временное правительство висело в воздухе — наверху пустота, внизу бездна»³³.

С Гучковым соглашался Милюков: «Нам нужна была, во что бы то ни стало, сильная власть»³⁴. Однако этот тезис Милюкова расходился с другими его словами: «В социальных, национальных и конституционных вопросах партия конституционных демократов требо-

вала, чтобы правительство не превосходило решений Учредительного собрания»³⁵. Эти слова высвечивали одну из главных причин, по которым Временное правительство оказалось малоинициативным и неэффективным.

Разъяснения по поводу того, что структуры с постоянными полномочиями появятся сразу после выборов в Учредительное собрание, доходили не до всех слоев общества. Вдобавок к этому, Временное правительство не сумело придать подготовке к выборам в Учредительное собрание организационную четкость. Она стала «пробуксовывать» еще на стадии составления избирательных списков. Ускорить дело могла бы ставка на административные методы, но либеральному кабинету, испытывавшему особый пиетет к слову «свобода», это казалось неприемлемым.

Если под термином «свобода» понимать осознанный, творческий выбор между возможными вариантами принятия решений, то нужно признать, что свобода исторического творчества является важнейшим фактором человеческой истории, внутренним источником ее движения. Но в философских представлениях российских либералов свобода отождествлялась не столько с творчеством или с регулярно осуществляемым адресным выбором людей, сколько с некоей «перспективной целью». Российская либеральная интеллигенция повторяла постулаты почитаемого ею Гегеля, декларировавшего, что обретение «свободы, нашедшей себе опору», является делом нескорого будущего, «целью всемирной истории»³⁶.

Воспринимая свободу в качестве величественной, сакральной «цели истории», либералы из Временного правительства соответствующим образом относились к декретированным ими гражданским правам и свободам, считая недопустимым их малейшее ущемление. Возникшее в столичном Петрограде двоевластие они поначалу расценивали не иначе как «торжество свободы». Вторым центром власти провозгласил себя Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, где вплоть до октября 1917 г. доминировали эсеры и меньшевики, которых кадеты воспринимали как «союзников слева».

Двоевластие создавало множество управленческих проблем. Однако избавления от них министры-либералы искали не в практических решениях, а в интеллигентской риторике. Глава Временного правительства князь Г.Е. Львов не скупился на велеречивые сентенции: «Мы все бесконечно счастливы, что нам удалось дожить до этого великого момента, что мы можем творить новую жизнь... Свобода русской революции проникнута элементами мирового, вселенского характера... Свобода, пусть отчаются другие, я никогда в тебе не усомнюсь!»³⁷ В этих словах было много пафоса, но мало стремления к ответственности за все происходившее в стране.

Обезоружив себя собственными декларациями о «торжестве свободы», кадеты не смогли точно оценить угрозу со стороны усилившегося анархического брожения. Более того, они способствовали его усилению, вытесняя из управленческой системы все прежние государственные структуры, в том числе и не утратившие дееспособность. Согласившись с отменой единоначалия в армии, распустив полицию, демонтировав судопроизводство, «зачистив» управленческий аппарат, Временное правительство нанесло удар не только по государственно-

му механизму, но и по своему властному потенциалу. Философ П.И. Новгородцев писал: «В той системе свободы, которая признавалась здесь за норму государственного управления, идея государства, власти и права, в сущности, упразднилась. Революция отдавалась на произвол стихийных сил, для которого впоследствии было найдено украшающее наименование “правотворчества снизу”. В своем стремлении как можно меньше походить на старую власть Временное правительство и вовсе перестало быть властью. Это была не столько демократия, сколько “узаконенная анархия”»³⁸.

Кадеты говорили о своем стремлении сделать Россию самой свободной страной в мире. Нельзя сказать, что они не преуспели в этом, и неслучайно В.И. Ленин в апреле 1917 г., призвав большевиков взять власть в свои руки, приводил такой довод: «Россия сейчас самая свободная страна, и надо этим воспользоваться»³⁹. Соратники Ленина искушались этой мыслью: действительно, если открывается благоприятная возможность для взятия власти, то почему бы не попытаться ею воспользоваться? Получалось, что кадеты, независимо от того, хотели они этого или нет, создавали условия для наступательной активности большевиков.

Министерские инициативы кадетов несли в себе противоречия между насущными нуждами страны и либеральными принципами. В июле 1917 г., видя собственную неспособность влиять на действия ставшего коалиционным Временного правительства, они вышли из него, по сути дела, признав свое политическое поражение.

Пришедшие в правительство эсеры и меньшевики не ставили под сомнение его временный статус. Первый съезд Советов, где они имели численное преобладание, отказался от лозунга «Вся власть Советам», признав его «преждевременным». Это означало, что руководители эсеров и меньшевиков не спешили брать на себя полноту ответственности за ситуацию в стране. В части революционно настроенных низов такая позиция вызвала недовольство. Милюков описал, как в июле 1917 г. толпы рабочих и матросов осаждали Таврический дворец, где дислоцировался Петросовет. Они окружили эсеровского вождя Виктора Чернова, и «какой-то рослый рабочий иступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: “Принимай, сукин сын, власть, коли дают!”»⁴⁰ Но Чернову не хотелось пересматривать свое отношение к вопросу о власти.

Политические позиции эсеров и меньшевиков впрямую определялись их взглядами на историю как на процесс, который подчинен безусловным закономерностям, связанным со сменой формаций. Подобно кадетам, эсеровские и меньшевистские активисты черпали представления об истории из западного обществоведения, но, в отличие от кадетов, они отдавали предпочтение не либеральным, а левореволюционным теориям. В соответствии с формационной концепцией, эсеры и меньшевики рассматривали переживаемый Россией исторический момент как буржуазно-демократическую революцию и считали, что на этом этапе политическая инициатива должна оставаться в руках буржуазных партий, а социалистам нужно дожидаться следующей, социалистической стадии исторического процесса. Меньшевик Н.Н. Суханов утверждал: «Мы сейчас совершаем не социальную, а буржуазную революцию, а потому во главе ее должны сто-

ять и делать ее буржуазное дело люди из буржуазии». Эсер М.А. Гендельман доказывал: «Нельзя давать авторитета мерам, которые носят буржуазный характер, нельзя брать на себя власть — ни целиком, ни частично»⁴¹.

У части левореволюционной интеллигенции возникали сомнения в правильности эсеро-меньшевистской политической линии. Особенно много вопросов вызывала позиция эсеровских вождей. До 1917 г. эсеры являлись самой радикальной партией, но после падения монархии их политическое поведение существенно изменилось. Верхи партии отошли от прежнего боевого девиза эсеров: «В борьбе обрешь ты право свое!» Под влиянием идеи Учредительного собрания они считали излишним как-либо форсировать ход событий. Став к лету 1917 г. самой крупной и влиятельной партией, эсеры не без оснований могли рассчитывать на то, что выборы принесут им большинство голосов избирателей, а значит и большинство мест в Учредительном собрании.

Предвкушение «запрограммированного» успеха усыпляло политическую бдительность эсеров, расслабляло и обезоруживало их. Будучи уверенными, что «у революции нет оппонентов слева», эсеры не воспринимали всерьез воинственность большевиков, считая их составной частью «революционной демократии». Большевистский актив охотно подыгрывал эсерам, поддерживая их не слишком дальновидную позицию, предоставлявшую большевикам максимум политических выгод. Взаимодействуя с эсерами в тактических вопросах, Ленин и Троцкий отвергали стратегическое партнерство с ними.

Стратегия большевистских вождей базировалась на убежденности в «неуклонном приближении европейской пролетарской революции»⁴². Ленин заявлял: «... у нас есть великий резерв — армии более передовых рабочих в других странах». Он не сомневался: если в России совершится левореволюционный переворот, то он «неминуемо ускорит назревающую» в западных странах «рабочую, социалистическую революцию». Ленин повторял: «Неизбежность всемирной социалистической революции не подлежит сомнению»⁴³. Главной движущей силой этой революции ему виделся западноевропейский пролетариат. По логике Ленина, эсеры и меньшевики, став «соглашателями», идущими на сделки с буржуазной кадетской партией, собственноручно вычеркнули себя из участия в предстоящем событии планетарного масштаба.

Ленин был прав в том, что о «европейской пролетарской революции» эсеро-меньшевистские верхи в тот момент не помышляли. Эсеровские вожаки В.М. Чернов, Н.Д. Авксентьев, Г.А. Гершуни, А.Р. Гоц, Б.В. Савинков и ведущие российские социал-демократы Г.В. Плеханов, Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан, И.Г. Церетели заявили о себе как об энергичных политиках в период, предшествовавший 1917 году. Теперь же, уверовав в безусловную логичность хода событий, они не демонстрировали прежней активности, тем самым благоприятствуя выдвижению новых политических деятелей. На этом фоне «лицом революционной демократии» сделался А.Ф. Керенский — единственный, кто в марте 1917 г. вошел одновременно и во Временное правительство, и в Петроградский совет.

В воображении Керенского история представляла цепью деяний выдающихся личностей. Бывший адвокат проникся уверенностью в

том, что и сам относится к их числу. Заняв посты министра юстиции и заместителя председателя Петросовета, Керенский много времени стал уделять выступлениям на митингах и собраниях, постепенно входя в роль главного режиссера и постановщика русской революции. Обладая ораторскими способностями и расположением к лицедейству, он добился популярности у митинговой массовки. Не только эсеро-меньшевистские, но и либеральные газеты принялись славословить Керенского, называя его «народным министром», «народным трибуном», «неустанным борцом за идею», «спасителем Отечества», «рыцарем революции», «вождем русской демократии», «солнцем свободы» и т.п. Поток льющих на Керенского похвал изрядно повысил его самооценку, побуждая воспринимать митинговые успехи достаточным условием для претензий на политическое лидерство в стране.

Ораторские технологии Керенского сводились к многократному повторению слов «революция», «демократия», «свобода». Его выступления походили на череду заклинаний, с помощью которых он стремился не только воздействовать на сознание митинговых масс, но и вступать во взаимодействие с исторической действительностью, влиять на нее, «убеждая» в правильности произносимых лозунгов и в своих собственных достоинствах.

Лозунговый диапазон Керенского включал в себя не только меньшевистско-эсеровские, но и кадетские определения, касающиеся «торжества свободы». В его выступлениях находили отражение даже большевистские мотивы, связанные с мировой революцией: «Энтузиазм, которым охвачена русская демократия, проистекает... даже не из идеи отечества, как понимала эту идею старая Европа, а из идеи, что мечта о братстве народов всего мира претворится в действительность»⁴⁴.

Милюков, хорошо знавший Керенского по совместной работе в правительстве, говорил о нем как о человеке, обожавшем внимание публики, склонном к «самовозвеличиванию» и «симулировавшем сильную власть»⁴⁵. По свидетельству Милюкова, в выступлениях Керенского отсутствовала забота о состоянии российской государственности, его фразеология нацеливалась на «разнуздание народных страстей, разрушение армии, разрыв национальных уз, конец русского государства»⁴⁶.

В мае 1917 г. Керенский занял пост военного министра, хотя до этого момента не имел никакого отношения к военной службе. Его непрофессионализм стал одной из причин провала июньского наступления русских войск на фронте, однако уже в июле Керенский возглавил Временное правительство. Став первым лицом в государстве, он продолжал тратить энергию на публичные речи. Выразительную характеристику Керенскому дал английский писатель Сомерсет Моэм, являвшийся в 1917 г. агентом британской секретной службы в Петрограде: «Он произносил нескончаемые речи. Возникла угроза немецкого нападения на Петроград. Керенский произносил речи. Нехватка продовольствия становилась все серьезнее, приближалась зима. Топлива не было. Керенский произносил речи. За кулисами активно действовали большевики... Он произносил речи»⁴⁷.

Большевики, нацелившись на взятие власти, усиливали пропаганду, направленную на подрыв позиций Временного правительства. Керенский решил найти противовес большевикам и назначил Глав-

нокомандующим генерала Л.Г. Корнилова, полагая, что он сможет навести порядок в Петрограде. Но после того как Корнилов начал подготовку к вооруженному походу на столицу, Керенский заволновался, усмотрев в действиях генерала угрозу собственной власти. Он встал перед выбором, от которого зависел дальнейший ход событий. Этот выбор был сделан в пользу личной власти. Объявив Корнилова «мятежником», Керенский в разосланной им радиограмме провозгласил «необходимость скорых и решительных мер», призванных «в корне пресечь все попытки посягнуть на верховную власть в государстве»⁴⁸.

Войдя в конфликт с Корниловым, пользовавшимся авторитетом среди офицерства, Керенский оттолкнул от себя значительную часть армии, а затем, провозгласив себя Главнокомандующим, окончательно испортил отношения с военными. Керенский полагался на свою «харизматичность» и популярность в обществе. Однако к осени 1917 г. его риторика уже не вызывала в массах былого отклика.

Назвав действия Корнилова «покушением на завоевания революции», Керенский обратился за поддержкой к левым партиям. Востребованными оказались и большевики. По распоряжению Керенского, были освобождены из-под стражи большевистские активисты во главе с Троцким, Луначарским, Коллонтай, арестованные месяцем раньше по обвинению в государственной измене. Керенский отменил свой прежний приказ о разоружении большевистских боевых групп. Большевиками перемена обстоятельств была воспринята как «крайне неожиданный и прямо-таки невероятно крутой поворот событий»⁴⁹.

В это время эсеры и меньшевики под флагом защиты революции и помощи правительству создавали в Петрограде рабочую милицию. Большевики активно вливались в нее, но отнюдь не для помощи Временному правительству. Ленин инструктировал единомышленников: «С фразами об обороне страны, о едином фронте революционной демократии, о поддержке Временного правительства надо бороться беспощадно»⁵⁰. Задачей дня, по Ленину, являлось совсем иное — подготовка условий для международной пролетарской революции.

Эсеры и меньшевики воспринимали большевистскую фразеологию о мировой революции снисходительно, надеясь, что их революционная горячность будет неплохим подспорьем в борьбе с «генеральской контрреволюцией». На таком фоне инициатива переходила к большевикам. Рабочая милиция была взята ими под контроль и превратилась в Красную гвардию, которой Ленин и Троцкий отводили ведущую роль в подготовке переворота.

После этого большевики отвернулись от эсеров и меньшевиков. Те не сразу осознали, что Ленин и Троцкий всего лишь использовали их в своих тактических целях. У эсеров и меньшевиков были собственные военные организации, но в ночь с 24 на 25 октября, когда произошло большевистское восстание, они сохраняли «нейтралитет». О степени благодушия эсеро-меньшевистского актива свидетельствовал такой эпизод: восстание было уже в разгаре, а меньшевик Ф.И. Дан пытался доказать Керенскому, что оно вспыхнуло «помимо воли» большевиков, и если с ними договориться, они могут его погасить, а противодействие им лишь «раздражает массы»⁵¹.

Достаточных ресурсов для того, чтобы переломить ситуацию, сложившуюся после 25 октября, у эсеро-меньшевистских вождей не ока-

залось. Спустя годы, осмысливая драматургию 1917 г., Керенский писал: «В те времена политическим богохульством считалась мысль, что из числа “левых” могут выйти мракобесы... В начале сентября 1917 года никто, конечно, и представить себе не мог ту форму политического садизма, в которую переродится большевистская диктатура после уничтожения демократической системы»⁵².

Действительно, «демократической системе», упомянутой Керенским, в стратегии большевиков места не находилось. Ленин отождествлял демократию с «диктатурой буржуазии» и противопоставлял ей систему власти, названную «диктатурой пролетариата»: «Не может быть ничего среднего между диктатурой буржуазии и диктатурой пролетариата. Всякая мечта о чем-либо третьем есть реакционная lamentация мелкого буржуа»⁵³. Он был уверен, что идея демократии не может быть реализована до тех пор, пока существует государство: «Уничтожение государственной власти есть цель, которую ставили себе все социалисты, Маркс в том числе и во главе. Без осуществления этой цели истинный демократизм, т.е. равенство и свобода, неосуществим»⁵⁴.

Упразднение государства и замену его всеобщим самоуправлением Ленин связывал с победой мировой пролетарской революции. Октябрьский переворот представлялся ему только первым шагом на пути к этой победе. Использованный большевиками во время переворота революционно-демократический лозунг «Вся власть Советам!» был нужен им всего лишь в тактических целях: переворот осуществлялся для того, чтобы «разбудить» революцию в других странах, «проделать переход от нашей революции, как узконациональной, к мировой»⁵⁵. Ленин подчеркивал: «Мы взяли дело в руки одной партии, будучи убеждены, что революция зреет во всех странах... Наше спасение — во всеевропейской революции»⁵⁶. «Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды основаны на этой уверенности и на этом научном предвидении»⁵⁷. Об этом же говорил и Троцкий: «Всю надежду свою мы возлагаем на то, что наша революция развяжет европейскую революцию. Либо русская революция поднимет вихрь борьбы на Западе, либо капиталисты всех стран задушат нашу революцию»⁵⁸.

Эти признания означали, что большевики брали власть не для управления Россией, а для превращения ее в «опорную базу» международной революции. По словам одного из большевистских вождей Г.Е. Зиновьева, после прихода к власти Ленин и его соратники «считали буквально часами казавшееся неизбежным начало решающих революционных битв в европейском масштабе». Зиновьев делился откровениями: «Мы в то время были убеждены, что социалистическая революция в международном масштабе будет развиваться бешеным галопом»⁵⁹. В калейдоскопе планов, замыслов, мотиваций, определявших событийную канву 1917 г., эти упования оказались очередным заблуждением.

«Научное предвидение» большевистских теоретиков не оправдалось. Европейский пролетариат, которому они отводили роль «авангардной силы исторического процесса», проявил себя в этой роли не слишком ярко. Не ускорили дело подаваемые ему примеры большевистской революционности, вылившиеся в политику военного ком-

мунизма, в красный террор и гражданскую войну, которую большевики истолковывали как необходимый и неизбежный этап смены общественно-экономических формаций, как «естественное, неизбежное продолжение, развитие и обострение классовой борьбы». Ленин писал: «Кто признает борьбу классов, тот не может не признавать гражданских войн... Отрицать гражданские войны или забывать о них — значило бы впасть в крайний оппортунизм и отречься от социалистической революции»⁶⁰. По его убеждению, «искры» гражданской войны должны были переброситься из России в другие страны и слиться в «пожар» мировой коммунистической революции.

Представления большевистских лидеров о смысле и направленности истории определялись их апологетическим отношением к теоретическому наследию К. Маркса и Ф. Энгельса. Ленин подчеркивал свое «непреклонное убеждение»⁶¹ в безупречной правильности концептуальных формул марксизма. В своих статьях и брошюрах он много и часто цитировал Маркса и Энгельса, наделяя их даром исторического предвидения, способностью «прозреть» будущее.

Большевики верили в безупречность марксистского объяснения истории. Оно подкупало их ясностью ответов на вопросы о направленности и движущих силах исторического процесса: движение истории марксизм связал с чередованием социально-экономических формаций, а главным ее двигателем объявил борьбу классов. В восприятии большевиков Маркс и Энгельс вошли как пророки и мудрецы, разгадавшие тайну истории. Благоговейный пиетет Ленина и его товарищей перед масштабом теоретической мысли Маркса походил на религиозное поклонение. Именуя марксизм «подлинно научным учением», они готовы были превратить его в неприкосновенную догму, в незыблемый канон, требующий бдительной защиты от разного рода «оппортунистов» и «уклонистов».

Большевики были убеждены, что главным звеном марксизма является учение о классовой борьбе. Себя они называли «партией пролетариата», подразумевая под «пролетариатом» революционно настроенный общественный слой, «не имеющий отечества» и готовый к разрушению всех основ «старого мира»: «Законы, мораль, религия — все это для него не более как буржуазные предрассудки»⁶². Эта формула Маркса и Энгельса использовалась большевиками как критерий прогрессивности различных групп.

К непролетарским слоям населения большевистские теоретики относились как к «социальному материалу», которому требуется «перековка», соответствующая императивам общественного прогресса. Такой образ мышления открывал простор для социальных проектов, осуществляемых с помощью насилия. Оно рассматривалось как безотказный инструмент социальной инженерии. Право пользоваться этим инструментом большевики оправдывали взятой ими на себя «исторической миссией» по формированию идеального общества, где будут созданы необходимые условия для достижения «всеобщего счастья». Большевистские активисты ощущали себя людьми особого склада, помогающими истории вливаться «в правильное русло».

Контрастное разделение социума по классовому принципу отразилось на отношении большевиков к различным политическим партиям, «маркируемым» в соответствии с этим принципом. Так, в декабре

1917 г. большевистский Совнарком принял декрет, объявивший кадетов «врагами народа» и предписавший арест кадетских руководителей⁶³. Кадеты, ставшие по большевистской классификации «партией буржуазной контрреволюции», подверглись политическим и административным преследованиям.

Между тем, взгляды большевиков на исторический процесс в некоторых аспектах были похожи на представления кадетов или даже совпадали с ними. Прежде всего, это касалось западнцентристского постулата о прогрессе как об однолинейном векторе истории в соответствии с едиными для всех стран закономерностями социально-экономического развития. Как и либеральная теория, марксистское учение создавалось на основе западноевропейского ментального опыта. Маркс и Энгельс говорили о «резко различающихся ступенях цивилизации», разделяя народы на «передовые» и «отсталые»⁶⁴ и противопоставляя «цивилизованный Запад варварскому Востоку»⁶⁵. Хотя в лице кадетов и большевиков столкнулись два варианта западнцентризма — либеральный и левореволюционный, и те, и другие были убеждены, что культурно-исторические особенности России должны быть нивелированы по западным меркам.

Также как у кадетов, у большевиков присутствовала тяга к форсированию хода истории. Разница между кадетами и большевиками в данном случае заключалась в том, что одни ориентировались пусть и на чужой, но реально существующий опыт, а другие в качестве идеального ориентира использовали теоретический прожект, никогда в реальности не существовавший. Высшей фазой исторического процесса большевики считали коммунистический строй. Он ассоциировался у них с международным глобальным сообществом, в котором вслед за государственными структурами исчезнут товарно-денежные отношения и восторжествует принцип всеобщего равенства.

Характерной особенностью большевистской трактовки истории являлось утверждение об относительности морали. Ранний большевизм ответственность за все происходящее перекалывал на «непреложные закономерности»: «Идея детерминизма отнимает почву у мещанской морали, отвергает вздорную побасенку о свободе воли»⁶⁶. Считалось, что мораль «всегда имеет классовый характер» и поэтому должна служить политическим целям. «Категоричный нравственный императив» объявлялся «лишенным всякого смысла вне классового анализа»⁶⁷. В свете этих аксиом социум лишался субъектных характеристик: «Объяснение исторических судеб надо искать не в головах людей, а в их экономике, в производственных отношениях, от воли людей не зависящих»⁶⁸. Объективация социума распространялась и на отдельных индивидов, отождествляемых с их социальными функциями и классовыми признаками.

Увлечение большевиков теоретическими абстракциями несло им многочисленные проблемы и разочарования. Многообразие реальной истории, отражавшее различные стороны живой социальной практики, не вмещалось в доктринерские шаблоны и схемы. После 1917 г. большевикам пришлось встать на путь корректировки своих представлений об историческом процессе, постепенно освобождая их от крайностей утопизма и прожектерства. Этот путь был непростым, неоднозначным и весьма противоречивым...

Примечания

1. СПЕРАНСКИЙ А.В. Русский путь к единению: от революции к контрреволюции. — Уральский исторический вестник. 2017, № 3, с. 52—53.
2. ЗУБКОВ К.И. Модернизирующаяся империя и истоки русской революции 1917 года. — Там же, с. 61.
3. Там же, с. 68—69.
4. АЛЕКСЕЕВ В.П., ПАНИН А.В. *Философия*. М. 2017, с. 254.
5. ПОЛЯКОВ Ю.А. *Историческая наука: люди и проблемы*. Т. 2. М. 2004, с. 23.
6. МИЛЮКОВ П.Н. *Воспоминания*. Т. 1. М. 1990, с. 322.
7. ГУРКО В.И. *Царь и царица*. Париж. 1927, с. 5—6.
8. Николай II: *Воспоминания*. *Дневники*: Сб. материалов. СПб. 1994, с. 369, 372.
9. САЗОНОВ С.Д. *Воспоминания*. М. 1991, с. 138.
10. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 1, с. 387.
11. *Дневник Николая II за 1904 год*. URL: <http://www.rusky.com/history/library/diaris/1904.htm>.
12. Николай II: *Воспоминания*. *Дневники*, с. 118.
13. Там же.
14. ПОСПЕЛОВСКИЙ Д.В. *Русская православная церковь: испытания начала XX века*. — *Вопросы истории*. 1993, № 1, с. 42.
15. СОЛЯРСКИЙ П. *Нравственное православное богословие*. СПб. 1869, с. 61.
16. АРХИМАНДРИТ ФЕОДОР (БУХАРЕВ). *О современности в отношении к Православию*. В кн.: *Православие: pro et contra*. Осмысление роли Православия в судьбе России со стороны деятелей русской культуры и Церкви: Сб. статей. СПб. 2001, с. 81.
17. Николай II: *Воспоминания*. *Дневники*, с. 6.
18. РОДЗЯНКО М.В. *Крушение империи*. Харьков. 1990, с. 212.
19. РОМАНОВ А.М. *Книга воспоминаний*. М. 2009, с. 36.
20. *Письма чиновника А.А. Клопова царской семье*. — *Вопросы истории*. 1991, № 2—3, с. 207.
21. АЛЕКСЕЕВ А.С. *Русское государственное право*. М. 1895, с. 10.
22. *Основной Государственный закон Российской империи*. Париж. 1905, с. 1.
23. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 1, с. 158.
24. ТАЛИН В.И. *Русский интеллигент*. — *Последние новости*. 1929, 4 марта, с. 2.
25. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 1, с. 223.
26. Там же, с. 313.
27. Там же, с. 308.
28. Там же, с. 401.
29. ГАЙДА Ф.А. *Что русского в русском либерализме?* В кн.: *История русской мысли*: Сб. статей. М. 2005, с. 146.
30. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 1, с. 249.
31. Там же, с. 266.
32. *Постановление съезда конституционно-демократической партии от 14 октября 1905 г.* В кн.: *Первый штурм*: Сб. документов. М. 1990, с. 475—476.
33. Александр Иванович Гучков рассказывает. — *Вопросы истории*. 1991, № 12, с. 171—172.
34. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 2, с. 280.
35. Там же, с. 318.
36. ГЕГЕЛЬ Г.В.Ф. *Сочинения*. Т. 8. М.-Л. 1935, с. 152.
37. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 2, с. 281, 288, 293.
38. НОВГОРОДЦЕВ П.И. *Об общественном идеале*. М. 1991, с. 562.
39. *Совещание представителей социал-демократической партии по вопросу объединения*. — *Единство*. 1917, 11 апреля, № 10, с. 2.
40. МИЛЮКОВ П.Н. *Ук. соч.*, т. 2, с. 334.
41. Там же, с. 322.
42. ЛЕНИН В.И. *ПСС*. Т. 35. М. 1974, с. 170; ТРОЦКИЙ Л.Д. *К истории русской революции*. М. 1990, с. 373.

43. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 34. М. 1969, с. 224, 226.
44. МИЛЮКОВ П.Н. Ук. соч., т. 2, с. 304.
45. Там же, с. 381.
46. Там же, с. 306.
47. МОЭМ У.С. Сочинения. Т. 4. М. 1993, с. 275.
48. Радиограмма А.Ф. Керенского с обращением к народу 27 августа 1917 года. — Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917, 28 августа, с. 1.
49. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 34, с. 119.
50. Там же, с. 121.
51. КЕРЕНСКИЙ А.Ф. Россия на историческом повороте. — Вопросы истории. 1990, № 7—8, с. 157.
52. Там же, с. 141—142.
53. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 37. М. 1969, с. 498.
54. Там же, с. 501.
55. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 36. М. 1974, с. 8.
56. Там же, с.11.
57. ЛЕНИН В.И. ПСС, т. 35 с. 245.
58. ТРОЦКИЙ Л.Д. Ук. соч., с. 110.
59. ЛЕНИН В.И., ЗИНОВЬЕВ Г.Е. О Коминтерне: Сб. статей и документов. М. 1924, с. 42—43.
60. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 30. М. 1973, с. 133.
61. Там же. ПСС. Т. 18. М. 1968, с. 65—66.
62. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 4. М. 1955, с. 434, 446.
63. Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции. В кн.: Декреты Советской власти. Т. 1. М. 1957, с. 162.
64. МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 6. М. 1957, с. 290—291.
65. Там же. Т. 8. М. 1957, с. 56.
66. ЛЕНИН В.И. ПСС. Т. 1. М. 1967, с.158—159.
67. Малая советская энциклопедия. Т. 10. М. 1931, с. 340—341.
68. Там же. Т. 6. М. 1929, с. 556—557.

Арсений Иванович Маркевич

А.А. Непомнящий

Аннотация. На основе обширного корпуса личных документов воссоздана разноплановая работа в Крыму в досоветский период историка, основателя научного крымоведения, председателя Таврической ученой архивной комиссии Арсения Ивановича Маркевича (1855—1942). Восстановлены межличностные коммуникации в среде крымоведов данного периода. Продемонстрирована ведущая роль Маркевича в организации научного общения «провинция — центр».

Ключевые слова: крымоведение, Таврическая ученая архивная комиссия, охрана культурного наследия.

Abstract. The diverse work in the Crimea in the pre-Soviet period of the historian, the founder of the scientific Crimean local history, the chairman of the Taurian scientific archival commission Arsenija Ivanovicha Markevicha (1855—1942) based on an extensive body of personal documents, the basis of which was the epistolary, was recreated. The interpersonal communication among the Crimean researchers of this period were restored. The leading role of Markevich in the organization of scientific communication “province — center” was demonstrated.

Key words: Crimean local history, Taurian scientific archival commission, protection of cultural heritage.

Имя Арсения Ивановича Маркевича (1855—1942) — члена-корреспондента АН СССР (1927 г.), автора наиболее известного универсального библиографического указателя о Крыме «TAURICA», с которого, без сомнения, начинает свой путь в крымоведение любой историк, организатора краеведческого движения в Крыму, автора более 200 публикаций, связанных с историей и культурой полуострова, прочно вошло в российскую региональную историографию.

Источником информации об основных этапах жизненного пути Арсения Ивановича являются автобиографии ученого. Первой из них стал текст, датированный 1934 г.¹ (издан в 1988 году). При публика-

---

Непомнящий Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Симферополь. E-mail: dr.aan@mail.ru.

Непомняшчы Андрей А. — doctor of historical sciences, professor, head of the department at the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Simferopol. E-mail: dr.aan@mail.ru.

ции ошибочно указана архивная легенда этого документа. Рукопись находится в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Выявленная в личном архивном фонде академика С.Ф. Платонова, хранящаяся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки, «Моя автобиография» А.И. Маркевича 1925 г. была опубликована в 1997 году ². Этот документ — самая краткая из всех известных рукописных жизнеописаний ученого — не вносит ничего нового в изучение его жизни. Из помещенного предисловия трудно понять, в связи с какими событиями Маркевич выслал Платонову свое жизнеописание. Наибольший научный интерес представляет выявленная в личном архивном фонде академика Н.С. Державина в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН самая обстоятельная из автобиографий Маркевича, направленная сверхштатным профессором Крымского педагогического института им. М.В. Фрунзе в Ленинград «для справок» в связи с ходатайством о назначении ему персональной пенсии ³.

Информация из автобиографий дублируется материалами из формулярных списков. В Государственном архиве Республики Крым сохранились формулярные списки за разные годы службы Маркевича. В фонде 104 (Симферопольская мужская гимназия) их несколько ⁴, но наиболее информативным является список из фонда 49 (Таврическое губернское дворянское депутатское собрание), датированный 5 марта 1916 года ⁵.

Изучена объемная переписка Маркевича с многочисленными деятелями исторической науки, библиографоведения, антикварами, литературоведами, редакторами различных изданий.

Судьба личного архива Арсения Ивановича печальна. В разное время по частям он передавал свой эпистолярный архив в музей Таврической ученой архивной комиссии. Так, протокол заседания Комиссии от 19 мая 1920 г. фиксирует, что «А.И. Маркевич пожертвовал для музея Комиссии 106 писем к нему разных лиц и 40 приглашений и почетных билетов на разного рода торжества». 1 февраля 1925 г. Маркевич передал в дар Таврическому обществу истории, археологии и этнографии письма председателя Московского археологического общества П.С. Уваровой (18 единиц), археолога-любителя, секретаря Военно-исторического общества по разряду военной археологии и археологии Н.М. Печёнкина (18 писем) и нумизмата, сотрудника Эрмитажа О.Ф. Ретовского (9 писем).

Однако судьба архива Таврической ученой архивной комиссии после установления советской власти неясна. В фонде ТУАК, отложившемся в Госархиве Республики Крым (ф. 161), этих документов нет. Гораздо более репрезентативны документы ТУАК, хранящиеся в фондах Центрального музея Тавриды (Симферополь). Среди анкет по обследованию археологических памятников, списков членов Комиссии, протоколов заседаний сохранилась и разнообразная переписка. Но это лишь крохи бывшего архива историка. Дочь Маркевича Екатерина Арсеньевна Кошлякова вспоминала: «У нас в семье говорили: “У папочки папочки”. На каждого члена Комиссии (ТУАК. — А.Н.) и вообще знакомых ему людей папа заводил отдельную папку, в которой лежали автобиография, письма к нему и в конверте — фотографии. После первых расстрелов, произведенных красной губчека в ноябре 1920 года, папа начал жечь собранный им за многие годы мате-

риал. Жег со слезами на глазах, приговаривая: “Жгу патриотов России”. Последние папки он сжег в 1937 году».

В этой связи сохранившиеся записи историка являются основой для реконструкции не только биографии, но и масштабной работы по научному крымоведению, организатором которой являлся Маркевич.

Арсений Иванович Маркевич родился 30 марта 1855 г. в Брест-Литовске в семье священника — законоучителя местного дворянского уездного училища. Его мать, урожденная Серно-Соловьевич, была дочерью протоиерея, настоятеля собора в Бресте, дед по отцу — магистром богословия Виленского университета. Таким образом, юноша рос в среде, где чтись образование, книга, нравственные нормы.

Из ранних воспоминаний ученого известно, что на всю жизнь в его памяти отложились впечатления раннего детства, когда после окончания Крымской войны в Брестскую крепость переводили на службу бывших участников обороны Севастополя: «Многие из них посещали родителей, между проч[им] врачи, две сестры милосердия, привлекавшие мое внимание медалями на груди..., с большим вниманием я слушал их рассказы» ⁶. Образование Арсений Иванович получил в Брестском дворянском уездном училище, а затем в прогимназии. Старшие классы гимназии он прошел в г. Бела Седлецкой губернии и позже вспоминал: «Состав многих учителей и в Бресте, и в Беле был хорош, и многим из них я очень обязан в своем развитии» ⁷, при этом выделяя директора гимназии Е.М. Крыжановского и ее инспектора П.Г. Рублевского.

В 1872—1876 гг. Арсений Иванович продолжил свое образование на историко-филологическом факультете (славяно-русское отделение) Варшавского университета. В автобиографических заметках он называет различный состав профессоров этого вуза, оказавших на него наибольшее влияние. Среди них историк Н.Я. Аристов (1834—1882), филолог, профессор русского языка и словесности М.А. Колосов (1839—1881), славист, профессор по кафедре славянской литературы В.В. Макушев (1837—1883), историк А.И. Никитинский (1842—1886), славист О.О. Первольф (1841—1911), профессор философии Г.Е. Струве (1840—1912), профессор русской словесности И.В. Цветаев (1847—1913), филолог, биографист, профессор кафедры русского языка и словесности В.А. Яковлев (1840—1896). Именно в это время профессором Варшавского университета был археолог, архивист, историк русского права Д.Я. Самоквасов (1843—1911), который устроил там музей из находок своих археологических раскопок, а этнограф, доцент Ф.И. Иезбера (1829—1901) открыл Русский этнографический музей при университете. Именно эти преподаватели, по воспоминаниям Маркевича, «укрепили» в нем интерес к изучению памятников древности и старины.

Выпускное кандидатское сочинение Маркевича — историко-литературный очерк «Юрий Крижанич и его литературная деятельность» — было признано одним из лучших. Работа была опубликована в «Варшавских университетских известиях» ⁸, а также выпущена отдельной книгой типографией Варшавского учебного округа. Данный труд стал первой в славяноведческой литературе монографией о Ю. Крижаниче. Автор использовал все опубликованные к тому времени сведения о жизни и деятельности славянского ученого. Несмотря на то,

что сочинение носило компилятивный характер, некоторые выводы были новы, в частности о том, что «Крижанич писал не только в России, но и для России». Арсений Иванович отмечал в воспоминаниях, что, окончивая университетский курс, «работал много и... имел основания думать об ученой карьере». Однако эти планы не осуществились «из-за материальных обстоятельств», что привело его на учительскую стезю⁹.

Среди прочих своих наставников Арсений Иванович особенную симпатию испытывал к Макушеву, который более других сделал для развития у Маркевича-студента научных задатков. «Смотря на студентов, как на своих младших братьев по науке, обращался с ними по-братски и старался услужить им и помочь советами, указаниями, книгами. Для приучения к самостоятельным трудам он вел с ними практические занятия и обязывал каждого из них представить в течение года письменную работу на одну из задаваемых тем. В числе представленных работ попадались иногда очень замечательные и выдающиеся»¹⁰.

После окончания университета Маркевич в 1876 г. получил место преподавателя русского языка, словесности и истории в Холмском (Люблинской губернии) Мариинском училище, где служил в течение трех лет. Спустя полстолетия он писал: «Служба здесь имела для меня интерес, главным образом, в том отношении, что дала мне возможность хорошо познакомиться с бытом и идеологией населения, русского точнее украинского по происхождению и языку, и я его горячо полюбил»¹¹. Вместе с тем, распределение в глушь, где он оказался после крупного культурного центра, каким была Варшава, не давало возможности для продолжения ученой карьеры.

29 октября 1876 г. Маркевич решил обратиться к профессору Макушеву. Арсений Иванович писал: «Еще в прошлом году я заявил Вам однажды, что лекции Ваши по истории польской литературы XVI века возбудили во мне большой интерес и что я имею искреннее желание заняться серьезно золотым веком польской литературы.

Это желание не покидает меня и теперь, несмотря на то, что обстоятельства принудили меня забраться в глушь, где почти нет средств и возможности заниматься наукой. Увы, не имея возможности и помышлять в настоящее время о продолжении своих научных занятий с целью напр[имер] достижения высшей ученой степени и т.д., я желал бы, как можно производительнее употребить то время, которое остается от моих служебных занятий... Я осмеливаюсь обратиться к Вам, Викентий Васильевич, за искренним советом: находите ли Вы совместным с моим теперешним положением заняться серьезной научной работой по истории польской литературы XVI в. и, если находите, то не предложите ли мне тип вопросов, которые более других важны и исследовать которые принесло бы хотя некоторую пользу науке. Я, конечно, вполне понимаю, что у меня здесь под руками не будет многих даже самых необходимых пособий, которые я мог бы проштудировать на каникулах в Варшаве, имея в виду труд серьезный, на который я употребил бы не один год. Я собственно желал бы специально заняться Скаргой, но конечно полагаясь вполне, на Вас: посоветуете ли мне заняться им, и им только, или в связи с другими писателями публицистами того времени и каким именно»¹².

Однако университетская карьера Маркевича тогда не сложилась, и он продолжил трудиться на ниве просвещения.

В Литве Маркевич прослужил четыре года. Позднее он вспоминал: «Работа здесь была тяжелая, так как учащиеся состояли, главным образом, из жмудинов, плохо знавших русский язык»¹³. Спокойное течение провинциальной жизни позволяло молодому преподавателю заниматься самообразованием. В местном епархиальном издании появилась еще одна его публикация, посвященная игумену Брестскому Афанасию Филипповичу¹⁴.

Как отмечал Арсений Иванович в автобиографиях, поводом к его переводу на службу в Крым стало резкое ухудшение здоровья из-за местного климата. Но не исключено, что положительный ответ на приглашение попечителя Одесского учебного округа П.А. Лавровского, знавшего Маркевича по Варшавскому университету, был связан с навеванной еще в детские годы романтикой полуострова. Итак, Арсений Иванович «предложением попечителя Одесского учебного округа от 1 марта 1883 года за № 1278 назначен на должность учителя русской словесности в Симферопольскую гимназию с 1 июля 1883 года»¹⁵. Позже он вспоминал: «Крым пленил меня не только природой и возродившим меня климатом, но еще в большей степени своей историей и древностями. Я стал усердно изучать их и литературу о Крыме»¹⁶.

Летом 1884 г. Маркевич совершил путешествие в Константинополь, Грецию, Египет, Палестину и Малую Азию — земли, непосредственно связанные своим прошлым с историей Крыма. В 1884 г. в варшавском журнале «Русский филологический вестник» была опубликована его библиографическая заметка «Письма И.С. Тургенева».

Арсений Иванович вспоминал, что в первое время после переезда в Крым приходилось работать очень много. Уже 20 декабря 1885 г. «За отличную и усердную службу и особые труды» он был награжден орденом Св. Станислава III степени¹⁷. В 1885 г. вышла его первая крупная печатная работа, написанная в Крыму. Очерк «Святые Кирилл и Мефодий, их жизнь, деятельность и заслуги» опубликовали «Таврические губернские ведомости»¹⁸. Постоянно совершенствуя свои знания, Маркевич являлся неперенным членом различных просветительских обществ и комиссий. В августе-сентябре 1903 г. он участвовал в съезде славянских филологов и историков в Санкт-Петербурге. На средства гимназии (150 руб.) в июне 1906 г. был делегирован на Первый съезд по педагогической психологии, устроенный Педагогическими курсами при Педагогическом музее военно-учебных заведений.

Произошедшее у Арсения Ивановича в 1907 г. кровоизлияние в глаз стало основной причиной прекращения службы в гимназии. Со 2 июня 1907 г. он уволился в связи с выслугой лет. 1 января 1908 г. за заслуги перед Министерством народного просвещения Маркевич был награжден орденом Св. Владимира IV степени. С 8 октября 1907 г. он — почетный член Таврического губернского попечительства детских приютов, а с 13 июля 1911 г. — директор симферопольского детского приюта имени графини А.М. Адлерберг¹⁹.

В семье Маркевичей было трое детей: сыновья Владимир (родился 29 сентября 1889 г.), Георгий (родился 5 апреля 1891 г.) и дочь Екатерина (родилась 4 октября 1894 г.)²⁰.

Наиболее значимой деятельностью, принесшей Маркевичу и научный авторитет, и общероссийскую известность как организатора кримведения, стала его работа в Таврической ученой архивной комиссии, где Арсений Иванович прошел путь от рядового члена (одного из учредителей) до председателя этого наиболее известного и авторитетного из крымских краеведческих обществ. Он сумел не только сделать эту организацию одной из самых дееспособных в России, но и объединить вокруг ТУАК практически всех подвижников изучения археологии, истории, этнографии Крыма как местных, так и из академических центров России и Западной Европы.

Статус губернских ученых архивных комиссий определялся «Положением об учреждении архивных комиссий и губернских исторических архивов», утвержденным 13 апреля 1884 года. Комиссиям давалось задание по разбору документов, предназначенных к уничтожению в губернских и уездных архивах разных ведомств, и по выбору из них тех материалов, которые в научном отношении подлежали передаче для хранения в исторические архивы. Краеведы должны были также составлять описания, восстанавливать карточки дел данных архивов там, где их не было, и приводить их в порядок, чтобы они были доступны для научных исследований²¹. Определелись два основных направления деятельности комиссий: архивное (образование исторических архивов) и археографическое (описание и публикация наиболее интересных документов).

Эти задачи были особенно актуальными для Таврической губернии. Время существования архивов здесь едва превышало сто лет, однако их сохранение вызывало тревогу в кругах просвещенной интеллигенции. Много ценных материалов к концу XIX в. было уже навсегда утеряно. Архивы значительно пострадали во время Крымской войны. Много документов погибло при ликвидации различных ведомств в связи с реформами 60-х гг. XIX века. «За ненадобностью» на вес на местном рынке продавались дела ликвидированных Таврических палат гражданского и уголовного суда, городских ратуш. Оставшиеся бумаги не были систематизированы, а местом их хранения, как правило, являлись подвалы. Вместе с тем, действующие в губернии архивы были зачастую переполнены массой несущественных бумаг.

Многочисленные памятники разных эпох, находившиеся в Крыму, давали местным краеведам богатый материал для исследования истории и этнографии полуострова. Все это поясняет тот энтузиазм, с которым крымская просвещенная интеллигенция поддержала инициативу главы Таврической губернской земской управы А.Х. Стевена о создании ученого исторического общества в Симферополе, которое было торжественно открыто 24 января 1887 года²². Стевен был избран председателем ТУАК.

Состав Таврической ученой архивной комиссии не был постоянным. Из сохранившихся в фондах Центрального музея Тавриды «Алфавитных списков» ее членов явствует, что общая численность членов организации составляла около трехсот человек. Ее ядром в 1887 г. помимо Маркевича стали краеведы А.В. Иванов, И.И. Казас, А.О. Кашпар, Ф.Ф. Лашков, А.И. Сеницкий, Х.П. Яшуржинский. С годами Комиссия пополнялась новыми поколениями крымских краеведов, среди которых были: А.Л. Бертъе-Делагард, Л.П. Колли,

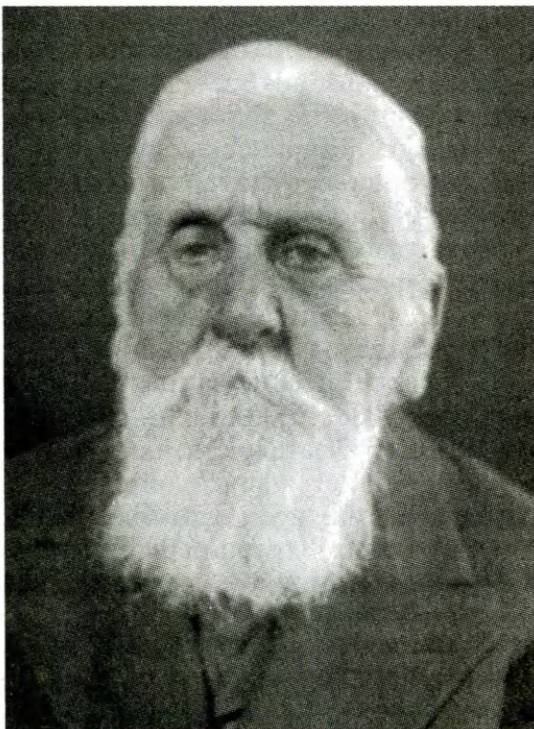
В.М. Кузьменко, Н.А. Маркс²³. Членами ТУАК являлись столичные академики и профессора — историки, археологи, литературоведы, лингвисты, искусствоведы: Д.И. Багалей, В.В. Бартольд, Б.Д. Греков, В.С. Иконников, Д.И. Иловайский, В.В. Латышев, Ал.И. Маркевич, Н.Я. Марр, С.Ф. Платонов, Н.И. Ростовцев, А.Н. Самойлович, Б.В. Фармаковский, А.А. Шахматов и другие.

После переезда Стевена на службу в Санкт-Петербург в 1895 г. на короткий срок (с 22 февраля по 3 апреля 1896 г.) главой Комиссии стал В.В. Олив, а после его смерти в 1896 г. — А.Н. Ильин (с 11 апреля 1896 по 13 декабря 1907 г.). 5 ноября 1908 г. председателем Таврической ученой архивной комиссии был избран Маркевич²⁴. К этому времени он уже играл ключевую роль в работе объединения краеведов, так как с 31 октября 1891 г. являлся правителем дел ТУАК.

В первые годы существования Комиссии краеведы занялись рассмотрением дел и документов, предназначенных к уничтожению в губернских и уездных архивах разных ведомств, и выделением из них наиболее ценных и интересных. Трудно с абсолютной точностью перечислить все учреждения, архивы которых были исследованы непосредственно Маркевичем. Арсений Иванович разбирал архивы Таврической палаты уголовного суда и Симферопольского окружного суда, Старокрымской городской ратуши, Феодосийского мещанского управления, Бессарабской и Екатеринославской казенных палат, Симферопольского и Перекопского уездных полицейских управлений, Кутаисского и Мелитопольского казначейств. За разбор архива упраздненных судебных учреждений Министерство юстиции в 1890 г. назначило 200 руб., которые были вручены Маркевичу. Арсений Иванович пожертвовал их на нужды Комиссии²⁵.

За первые 25 лет существования ТУАК ее исторический архив стал наибольшим в Крыму хранилищем документальных материалов, ценных для науки. Значительное пополнение архива Комиссии состоялось за счет дел, касающихся Таврической губернии, которые пересылались из Сенатского архива в Петербурге.

Основной корпус публикаций Маркевича размещен в «Известиях Таврической ученой архивной комиссии», где им были обнародованы многочисленные документы, которые он выявлял в местных архивах: «Материалы архива канцелярии Таврического губернатора, относящиеся к путешествию Екатерины II в Крым в 1787 году», «К истории Екатерининских миль в Крыму», «К истории ханского Бах-

чисарайского дворца», «Ордер князя Зубова 1895 года по поводу просьбы наследников преосвященного Дорофея, епископа Феодосийского и Мариупольского», «Освобождение крестьян Таврической губернии (по архивным материалам)», «К столетию Отечественной войны: Таврическая губерния в связи с эпохой 1806—1814 годов: исторический очерк: по архивным материалам», «Неизданные письма и прошения графа Н.С. Мордвинова», «Дело о похищении губернаторской дочери» и многие другие. Одной из наиболее фундаментальных работ Маркевича, основанных на архивных документах, стало исследование «Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам»²⁶.

Первая опубликованная библиографическая работа краеведа датируется 1888 г., когда на страницах пятого номера «ИТУАК» он поместил «Указатель сочинений, касающихся древнего Херсонеса»²⁷. Другой библиографической работой Маркевича, появившейся в этот период, стал список крымоведческих трудов выдающегося подвижника изучения Крыма первой половины XIX в. П.И. Кёппена, помещенный в историко-краеведческом сборнике «Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности»²⁸.

В 1894, 1898 и 1902 гг. вышли в свет три выпуска самого известного из трудов Арсения Ивановича — универсального библиографического указателя печатных материалов о Крыме — «TAURICA»²⁹, который до сегодняшнего дня остается единственным универсальным библиографическим пособием по крымоведческой литературе. Всего в указателе 10 811 пронумерованных названий. При работе над справочником Маркевич использовал фонды специализированных крымских библиотек, где на протяжении многих лет собиралась крымоведческая литература: библиотеки им. А.Х. Стевена, личные книжные собрания Бертье-Делагарда и Н.А. Султан-Крым-Гирея³⁰.

Современники отмечали, что по полноте и систематизации собранных библиографических единиц подобного указателя в Крыму еще не было³¹. За его написание министр народного образования России выразил Маркевичу «сердечную благодарность»³². Создание этого фундаментального труда является научным подвигом Маркевича и выделяет его из среды коллег-краеведов Крыма конца XIX — начала XX века³³. Вместе с тем, уже современники замечали в данном указателе ряд недоработок. Так, этнограф Н.Н. Харузин, отмечая «серьезное значение единственного по своей обширности и полноте указателя по различным областям крымоведения», в то же время обратил внимание на «его сравнительную бедность»: «Мы найдем лишь незначительное количество сочинений, посвященных описанию современных обычаев и обрядов разнохарактерного населения полуострова»³⁴. Автору также указывали на то, что источники в его справочнике не отделены от литературы, отмечали, что общие труды по истории Крыма правильнее было бы выделить в особый отдел, а классификацию разделов сделать дробной, что облегчило бы поиски. Недоработкой признавалось отсутствие алфавитного указателя³⁵.

На практике получилось так, что масштабная работа деятелей Таврической ученой архивной комиссии сразу после ее создания вступила в противоречия с задачами, поставленными перед ними «Поло-

жением» от 13 апреля 1884 года. Ведь суть задач, сформулированных там, была сугубо архивная: создание источниковедческой базы для изучения местной истории. А между тем, в среде крымской интеллигенции и чиновничества в 90-е г. XIX столетия, как и во многих других российских регионах, проявлялся большой интерес непосредственно к изучению местной истории. И собственно архивная работа Комиссии по сбору документов, связанных с краеведением, способствовала тому, что Комиссия быстро трансформировалась в полноценное историческое общество, взяв на себя издание «Известий». Такая практика имела место и в других губерниях.

На заседании ТУАК 30 мая 1887 г. было принято решение начать работы по обследованию древностей Крыма, особенно тех, которые требовали немедленных охранных мер. На этом же заседании было инициировано издание «Известий Таврической ученой архивной комиссии» и создание библиотеки Комиссии.

Охрана памятников старины и разъяснение местному населению их значения были тем более важны, что многочисленные остатки древностей в Крыму варварски расхищались и уничтожались. Ценнейшие предметы, в первую очередь золотые вещи и монеты, переправляли в Стамбул, где ими открыто торговали.

Важнейшее значение для координации совместных усилий различных столичных и провинциальных ученых обществ по охране культурного наследия в Российской империи сыграли археологические съезды. Собиравшиеся во второй половине XIX — начале XX в. раз в три года по инициативе Московского археологического общества, они стали наиболее авторитетными научными форумами ученых-историков Российской империи. Академик, председатель Археографической комиссии и директор Библиотеки Академии наук СССР С.Ф. Платонов вспоминал: «... уже сошедши со студенческой скамьи, на Археологических съездах, мы наблюдали необычно скромную фигуру серьезного и вдумчивого Маркевича, умевшего сочувственно слушать как ученые доклады, так и простую беседу, и на всякий вопрос о Крыме дававшего неизменно точный и всегда высококомпетентный ответ»³⁶.

На всероссийских археологических съездах представители ТУАК Лашков, Маркевич, О.Ф. Ретовский, Ящуржинский неоднократно говорили о необходимости действенной охраны археологических памятников вплоть до отчуждения земель, на которых они находились, и определения на основании закона способов наказания за их разграбление и уничтожение. Таврическая ученая архивная комиссия считала, что эти меры особенно необходимы для Таврической губернии, где кроме многочисленных курганов существовали и другие редкие памятники прошлого: остатки античных и средневековых крепостей, пещерные поселения, некрополи, храмы. Причем, как правило, находились они в частных владениях.

В числе первых мер, связанных с охраной культурного наследия, было обследование Комиссией руин Неаполя Скифского в Симферополе. Маркевич обходил близлежащие дома, беседовал с местными жителями, разъясняя им важность для науки археологических находок. Речи авторитетного гимназического учителя подействовали, и жители Петровской Балки приняли деятельное участие в раскопках и охране памятников скифской столицы. Члены Комиссии обследовали

археологические памятники и в других районах Крыма. Была составлена специальная картотека памятников старины, где учитывались все древности, имевшие культурное значение. Члены ТУАК, отправляясь на места для исследования памятников и борьбы с их уничтожением, никогда не получали денег на командировки для этих поездок ³⁷.

Не только настойчивость, но и большой дипломатический такт помогли Маркевичу преодолевать безразличие губернских властей в деле охраны культурных ценностей. Благодаря ему Комиссии удалось получить от Министерства внутренних дел в 1898 г. 800 руб. для приведения в порядок руин византийской крепости в Алуште ³⁸. Вот только некоторые примеры заботы Комиссии о сохранении исторических памятников: реставрация известной мечети Узбека в Старом Крыму, древней церкви в селе Козах Феодосийского уезда, а также Екатерининских миль. Были обследованы окрестности Бахчисарая, Карасубазара, Алушты и другие. Из-за недостатка денег собственных раскопок было проведено немного: около подножия Мангупа и в урочище Ханлы-дере.

Итоги изысканий крымских краеведов и вопросы охраны исторических памятников постоянно находили отображение в издававшихся с 1887 г. «Известиях Таврической ученой архивной комиссии». Было выпущено 57 номеров этого издания (10 241 страница научного текста), напечатано более 400 научных докладов, статей и монографий исторического и археологического характера и большое количество документального материала по истории Крыма. В первые годы издания «Известия» ТУАК являли собой небольшие по объему журналы, которые выходили нерегулярно. Печаталось 350 экземпляров. Авторам сообщений делалось 100 оттисков их статей ³⁹.

Сохранившееся эпистолярное наследие Маркевича позволяет очертить значительный список вопросов развития исторического краеведения, которым ежедневно занимался ученый, восстановить научные контакты российского провинциального краеведа конца XIX — начала XX века. Например, его переписка с коллекционером, историком-беллетристом С.Н. Шубинским (1834—1913), который, как известно, с 1879 по 1913 г. редактировал в издательстве «Новое время» журнал «Исторический вестник». Тон писем свидетельствует о том, что они являлись добрыми знакомыми. 30 января 1885 г. Арсений Иванович выслал Шубинскому «заметку для “Исторического вестника” об иконе, свидетельнице церковной унии 1596 года в г. Бресте-Литовском» ⁴⁰. Уже из следующего письма становится ясным, что статью приняли в печать. «Благодарен за согласие поместить в “Историческом вестнике” заметку о брестской иконе, — написал крымский краевед и добавил, — ... пришлите мне 10—15 оттисков» ⁴¹. 3 августа 1885 г. он вновь отправил в «Исторический вестник» свои материалы: «Посылаю при сем свою статью библиографического характера о вышедшем недавно VIII выпуске “Памятников русской старины в Западных губерниях”» ⁴².

Интересно также письмо Арсения Ивановича к Шубинскому от 4 ноября 1904 г., где сообщалось: «Старожил г. Симферополя чиновник акционерного общества Всеволод Николаевич Смирнов обратился ко мне на днях за советом, где поместить составленную им

статью “Соляное царство: бытовой очерк”: он излагает, как очевидец, организацию соляного дела в Перекопе в 50—60 гг. прошлого века, деятельность бывшего соляного правления, личность последнего управляющего озерами.

Очерк написан довольно живо и посвящен малоизвестному вопросу. Я посоветовал автору отправить этот труд Вам в “Исторический вестник”. Старик обрадован возможностью видеть свой труд напечатанным в Вашем почтенном издании, и просил меня обратиться к Вам...»⁴³

Ближайшим соратником Арсения Ивановича по работе в ТУАК, инициатором создания новых проектов (например, перевода и изданий на русском языке наиболее содержательных записок иностранцев о Крыме) и организатором различных премий за лучшие сочинения в различных областях крымоведения был археолог, нумизмат, краевед Крыма Бертье-Делагард (1842—1920). Переписка между учеными за 1903—1917 гг. содержит разнообразный материал по топонимике Крыма, характеристику архивных материалов, связанных с путешествиями по полуострову в первой половине XIX в. (в том числе и об А.С. Пушкине), материалы по истории виноделия в Крыму и, главное, оценки Маркевича трудов Бертье-Делагарда⁴⁴, по рекомендации которого 7 февраля 1894 г. Маркевич был принят в действительные члены Одесского общества истории и древностей⁴⁵.

Арсений Иванович много делал для привлечения к сотрудничеству в Комиссии исследователей, занимавшихся различными аспектами крымоведения. Среди них был секретарь недавно образованной Археографической комиссии Московского археологического общества, историк М.В. Довнар-Запольский (1867—1934). С 1895 г. он работал помощником архивариуса в архиве Министерства юстиции в Москве, где занимался изучением Литовской метрики. Маркевич писал ему 30 октября 1896 г. после выхода в Симферополе тиража оттисков статьи Довнар-Запольского «Заметка о Крымских делах в Метрике Литовской»⁴⁶: «Вчера выслал Вам оттиски (100) Вашей статьи о крымских делах в Литовской Метрике. Присмотревшись к Вашему почерку, я, кажется, не испортил Вашей рукописи. Если же заметите ошибки и неточности — напишите. Выпуск “Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии” ожидается в конце года... Я имею честь представить Вас в члены нашей Комиссии и в следующем заседании состоится Ваше избрание»⁴⁷. В этом же письме Арсений Иванович оговаривал возможность издания в «ИТУАК» еще одного интересного документа, связанного с крымско-литовскими торговыми и дипломатическими отношениями, — «Скарбовой книги Метрики Литовской».

Довнар-Запольский вскоре передал для публикации в «Известиях» ТУАК и рукопись «Литовские упоминки татарским ордам», сохранившую текст «Скарбовой книги Метрики Литовской».

Интересны научные контакты в эту эпоху Арсения Ивановича с археологом, искусствоведом, общественным и государственным деятелем, директором Киевского городского художественно-промышленного и научного музея императора Николая II Н.Ф. Беляшевским (1867—1926). Сотрудничество двух выдающихся краеведов той эпохи связано с поисками Маркевичем следов личного архива крупнейшего краеведа Крыма XIX в. В.Х. Кондраки (1834—1886)⁴⁸.

Арсений Иванович вовлек в работу в Таврической ученой архивной комиссии профессора Историко-филологического института князя Безбородко в Нежине М.Н. Бережкова (1850—1932), который разрабатывал источники московско-крымских дипломатических отношений. 25 апреля 1892 г. Маркевич писал в Нежин: «Учительская ляжка очень тяжела. В настоящее время все свободные от службы часы я посвящаю здешней ученой архивной комиссии, которая держится на плечах весьма немногочисленных лиц, как и все, впрочем, наши провинциальные общества»⁴⁹.

Переписка двух краеведов проливает дополнительный свет на некоторые аспекты биографии и мировоззрения Маркевича. 13 мая 1892 г. он сообщал в Нежин: «... рад, что Вы намерены побывать в Крыму и осмотреть его достопримечательности... Эпоха владычества в Крыму дикой татарской орды меня интересуется разве только со стороны внешней политики, дипломатии. Более интересным нахожу историю Крыма от начала христианства до татарского нашествия, хотя этот период представляет еще много неясного.

Я в Крыму живу всего 9 лет и не думаю доживать здесь дней своих,— но Крым очень люблю за то, что он научил меня любить природу, или точнее — развить любовь к ней и заставить задумываться теми отдельными эпохами нашей истории, а еще более за то, что красоты здешней природы и древностей Крыма отвлекали и отвлекают меня до сих пор от житейской грязи и суеты, от всяких дрязг, которых так много вокруг»⁵⁰.

В 1892 г. Бережков прислал для размещения в «Известиях» ТУАК свой материал «Крымские дела в Старом царском архиве XVI в.»⁵¹, который был опубликован в 1893 году⁵². 4 марта 1894 г. Арсений Иванович сообщал ему: «... примем с благодарностью Ваши статьи, которые всегда будут лучшим украшением нашего скромного издания. В настоящее время у нас чувствуется недостаток материалов для “Известий”»⁵³. В конце 1896 г. нежинский историк отправил для публикации в Симферополь рукопись историко-биографического очерка «Нур-Салтан, царица Крымская»⁵⁴. Получив ее, Арсений Иванович сразу же ответил: «Первое мое слово — слово к Вам и слово благодарности за Вашу статью о Крымском ханстве, которую Вы прислали для наших “Известий”. В декабрьском заседании Комиссии нашей она была выслушана с большим вниманием и интересом. Напечатанная, она, несомненно, вызовет фурор среди здешних мурз и мулл. Выпуск 26-ой “Известий” скоро выйдет из печати, а Ваша статья украсит уже 27-ой, который выйдет в свет, надеюсь, к Пасхе, и обещает быть в высшей степени интересным. Состав его почти совсем определен. Слава и благодарение Господу, — пока наша Комиссия еще работает для науки»⁵⁵.

С 1892 г. началось непрерывное эпистолярное общение Маркевича с крупным российским нумизматом, сотрудником Исторического музея в Москве А.В. Орешниковым (1855—1933). Кроме обсуждения корректуры статей московского историка, присланных им для размещения в «ИТУАК», досоветская часть этой переписки содержит перечень каталогов монет, связанных с Крымом, оценки Маркевичем трудов Орешникова, характеристику местного краеведческого сообщества⁵⁶.

Увлечение крымско-татарской фонетикой привело в Крым и известного востоковеда А.Н. Самойловича. Когда у молодого ученого появилась потребность непосредственных поездок по краю, он воспользовался приглашением Таврического губернского земства в 1912 и 1913 гг. для организации курсов для крымскотатарских учителей. Тогда же он познакомился с Маркевичем, который, в свою очередь, ввел петербургского коллегу в круг краеведов Крыма, занимавшихся изучением тюркского фольклора. В 1912 г. Самойлович стал членом Таврической ученой архивной комиссии. На ее заседаниях он неоднократно выступал с сообщениями о результатах своих исследований в Тавриде.

В отчете о командировке в Крым в 1912 г. Самойлович с теплотой вспоминал о постоянной помощи, которую оказывал ему председатель ТУАК. Маркевич неоднократно сопровождал Александра Николаевича во время его поездок по Крыму⁵⁷. Именно по рекомендации Маркевича во время пребывания в Симферополе в 1912 и 1913 гг. Самойлович ознакомился с собранием восточных рукописей Таврической ученой архивной комиссии. В «Известиях» Комиссии он поместил подробное описание, анализ и перевод на русский язык крымско-татарской рукописи «Дестан-Эхвали-Крым» — песни о крымских событиях 1855—1856 гг., связанных с массовой эмиграцией крымских татар в Турцию⁵⁸.

Дружба Арсения Ивановича с видным украинским историком Н.Д. Полонской-Василенко (1884—1973) только недавно стала предметом изучения. Под руководством профессора Университета Св. Владимира Довнар-Запольского Полонская занималась изучением истории Новороссии конца XVIII века. Конечно, в круг ее научных интересов попала и Таврида, исторические судьбы которой были тесно переплетены с Новороссийским краем. Подробную информацию о пребывании исследовательницы в Симферополе, а затем в Феодосии, содержат ее письма к отцу и матери, а также выявленная на страницах симферопольской газеты «Южное слово» от 30 сентября 1916 г. статья Маркевича, скрывшегося под псевдонимом «М.», «Пребывание в Симферополе Н.Д. Полонской»⁵⁹. В публикации дана краткая характеристика ее документальным находкам, касающимся деятельности Г.А. Потёмкина по преобразованию Тавриды, и обрисованы планы дальнейших архивных разысканий в Феодосии.

Знакомство Полонской с Маркевичем не было случайным. Как и любой ученый, начинавший работу с крымскими архивами, она обратилась в местную ученую архивную комиссию. Крымские краеведы, имевшие к 1916 г. за плечами опыт почти тридцатилетней работы, хорошо ориентировались в сохранившемся документальном материале. Консультации Наталье Дмитриевне давали председатель ТУАК Маркевич и один из ведущих историков досоветского Крыма — Лашков, с которыми «толковали долго об архивных делах»⁶⁰.

По совету Маркевича Полонская совершила поездку в Феодосию, где работала с архивными фондами Феодосийской карантинной заставы и феодосийской таможни⁶¹. Именно Арсений Иванович настоял, чтобы на страницах «Известий Таврической ученой архивной комиссии» были опубликованы доклады киевской коллеги, сделанные на заседаниях Комиссии⁶². Уже находясь в эмиграции, Полонс-

кая тепло вспоминала своего «большого друга профессора Арсения Ивановича Маркевича»⁶³.

Отдельную страницу научно-организационной деятельности Маркевича составляет его сотрудничество с киевским историком, профессором Университета Св. Владимира Ю.А. Кулаковским (1855—1919). В Таврической ученой архивной комиссии Юлиан Андреевич объективно видел «единственный центр, куда могли бы стекаться разного рода важные сведения, которые ускользают от наезжающих на время в Крым исследователей»⁶⁴. Хотя в «Известиях» и в протоколах заседаний Комиссии не выявлено его публикаций и сообщений, свидетельством его непосредственных контактов с крымскими краеведами являются обзоры результатов раскопок киевского археолога (например, доклад Кашпара «О раскопке курганов в деревне Тавель Симферопольского уезда, произведенных Кулаковским», озвученный на заседании ТУАК 8 октября 1897 г.).

Совместно с Маркевичем Кулаковский занимался подготовкой справочно-энциклопедической работы о крымских древностях. Еще в конце 1894 г. историк обратил внимание Археологической комиссии на важность разработки и издания специальной «Археологической карты Крыма», создание которой он взял на себя. Материалы собирались в течение 1895—1912 годов. Проект поддерживали Академия наук и Археологическая комиссия. Однако финансирование было даже не недостаточным, а остаточным⁶⁵. Активную помощь в работе Юлиану Андреевичу оказывал Маркевич. Он постоянно сообщал в Киев о выполнении поручений Кулаковского по сбору материала для данного издания⁶⁶. Интерес вызывали не только остатки археологических сооружений различных эпох, но и сохранившиеся в среде местного населения исторические сведения о памятниках древности. Особенно детально были исследованы остатки храмов с надписями XIV—XVI вв. в селениях Шуры и Лаки, о которых не было упоминаний в специальной литературе. Осмотрены были «пещерные» города и монастыри Таврики. Новый этап сбора материалов начался в 1897 г., когда Кулаковский продолжил собирать материалы вблизи Карасубазара и Симферополя. В 1898 г. ученый посетил Старый Крым, Коктебель, Топлы, Коккоз, Отузы и другие места Восточного Крыма. Вариант «Археологической карты Крыма» в преддверии первой мировой войны был совместно подготовлен Кулаковским и Маркевичем. Однако на издание не нашлось средств. Выявить рукопись этой работы в архивных фондах не удалось, хотя в переписке Маркевича с Кулаковским, а после его смерти и с другими исследователями археологии Крыма, прямо говорится о ее существовании. В личном архивном фонде Кулаковского сохранилась лишь рукопись работы «Объяснительная записка к археологической карте Крыма» (не датирована), подготовленная киевским археологом, где представлена общая характеристика археологических эпох и описание выявленных памятников⁶⁷.

Свидетельством гигантской организационной работы, которую проводил Арсений Иванович, являются его письма к филологу-слависту, историку В.И. Ламанскому⁶⁸; антиковеду М.И. Ростовцеву⁶⁹; профессору Санкт-Петербургского университета, ориенталисту В.Д. Смирнову⁷⁰; председателю Московского археологического общества

П.С. Уваровой ⁷¹. В них — сухие строки о посылке или получении крымоведческих изданий, корректуры статей. Кроме этого, Арсений Иванович никогда не отказывал своим коллегам из столиц в подготовке для них различных историко-краеведческих и библиографических справок и постоянно информировал представителей академических центров о дальнейших разработках интересующих этих ученых проблем. Ярким образом такого общения является долголетняя (1909—1917) переписка Маркевича с археологом, филологом-классиком В.В. Латышевым, отложившаяся в личном архивном фонде последнего в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. В этих письмах, кроме обсуждения корректуры статей Латышева в «ИТУАК» ⁷², руководитель крымского краеведения постоянно пересылал столичному антиковеду выявленные при раскопках Херсонеса новые рисунки надписей, советовался по поводу сделанных местными археологами вариантов их переводов ⁷³.

12 февраля 1912 г. при Русском историческом обществе была учреждена «особая» комиссия для рассмотрения положения местных правительственных архивов и находящихся в них исторических материалов. По ее инициативе в мае 1914 г. в Санкт-Петербурге прошел съезд представителей губернских ученых архивных комиссий. ТУАК представлял Маркевич. В выступлении он ознакомил собравшихся краеведов с ходом работ по разбору местных архивов и формированию исторического архива Комиссии. Историк отметил, что отсутствие специального помещения, предназначенного для архива, замедляет и затрудняет эту работу ⁷⁴.

Участие в работе съезда Арсений Иванович использовал для работы в Библиотеке Академии наук. С просьбой о помощи в получении пропуска он обратился 8 мая 1914 г. к историку литературы, археографу, библиографу В.И. Срезневскому (1867—1936), который знал его благодаря указателю «TAURICA» ⁷⁵. Срезневский с 1900 по 1931 гг. руководил Рукописным отделением БАН.

Неизвестной страницей деятельности Маркевича на посту председателя ТУАК является попытка организации всероссийского археологического съезда в Крыму. О месте проведения XVI Археологического съезда, который планировали созвать в 1914 г., существует разноречивая информация. Предлагались Москва, Псков (назывался на предыдущем съезде в качестве наиболее вероятного города), Севастополь и Симферополь. Маркевич писал в Одессу профессору Новороссийского университета И.А. Линниченко 27 августа 1908 г.: «Устройство археологического съезда в Симферополе, по моему мнению, решительно невозможно... Город наш крайне неинтересен... Занять массу гостей в течение двух недель было бы крайне трудно. Преимущества на стороне Севастополя, там, на бульваре, можно проводить свободное время ... Там и море, и простору больше, и организовать экскурсии в Инкерман, Балаклаву и в пещерные города... гораздо удобнее, чем из Симферополя... Алексей Иванович Соболевский предлагает дать съезду в Крыму экскурсионный характер» ⁷⁶.

В 1912 г. Таврическая ученая архивная комиссия заявила, что берется за организацию очередного археологического съезда ⁷⁷. Крым, по мнению столичных историков, давно уже нуждался в том, чтобы стать местом проведения подобного форума. Вопрос «О желательности уст-

ройства в Крыму археологического съезда» обсуждался на заседании ТУАК 7 ноября 1913 года ⁷⁸. Когда Московское археологическое общество все-таки местом проведения очередного всероссийского конгресса историков определило Псков, крымские краеведы решили провести областной археологический съезд. Об этом свидетельствует письмо Маркевича от 27 января 1914 г. сотруднику Исторического музея в Москве Орешникову: «Мы здесь затеваем устроить местный археологический съезд в Крыму... в августе 1915 г.» ⁷⁹. Первая мировая война сорвала проведение и всероссийского и областного археологических съездов.

Благодаря усилиям Арсения Ивановича и его соратников — краеведов Крыма — Таврическая ученая архивная комиссия считалась одной из авторитетных в стране. Сам же председатель ТУАК являлся действительным членом Витебской, Воронежской, Оренбургской, Саратовской, Тамбовской, Черниговской и почетным членом Смоленской ученых архивных комиссий. Он был также избран членом-сотрудником Петербургского археологического института (1901 г.), Родословного общества в Москве (1906 г.), что свидетельствовало о признании его заслуг не только как историка, но и как организатора науки. Арсений Иванович так вспоминал об этих годах напряженной работы по становлению научного крымоведения: «Я старался привлечь к участию в “Известиях” Комиссии крупные ученые силы, и в этом отношении мне особенно помогло участие в Археологических съездах и личное общение со многими учеными. Я старался поддерживать авторитет Архивной Комиссии в глазах местной власти и земства и развивать и укреплять не только в обществе, но и среди учащихся и в широких кругах любовь к родному прошлому, и в том числе, к памятникам истории и древности Крыма. Успехи в этом отношении меня особенно утешали и удовлетворяли. 57 книг “Известий” Комиссии, из которых 50 вышли под моей редакцией, являются доказательством, что скромные труды мои в интересах познания прошлого Крыма находили сочувствие и не пропали даром. Смущает меня одно, что личные труды мои не внесли серьезного вклада в науку о Крыме. Уж слишком пестра и нервна была моя работа: приходилось самому и протоколы заседаний писать, и отчеты составлять, и вести огромную переписку, быть редактором и корректором статей и пр.» ⁸⁰.

В отличие от других регионов бывшей Российской империи революционные события 1917 г. и последующие перипетии гражданской войны не свели на нет в Крыму деятельность местного ученого общества, возглавляемого Маркевичем, а наоборот, активизировали ее. Спасаясь от революционного лихолетья, в Крыму в это время оказалось много выдающихся ученых, в том числе — историков. В 1918 г. в Симферополе был открыт Таврический университет и Маркевич стал его доцентом — первым, прочитавшим тут курс истории Крыма, программу которого он сам разработал.

Крах самодержавия в Империи и начавшаяся чехарда смены властей ставили перед Таврической ученой архивной комиссией задачу сделать все возможное для сохранения многочисленных крымских исторических и художественных памятников. В фонде «Канцелярия Таврического губернского комиссариата Временного правительства», отложившемся в Государственном архиве Республики Крым, хранится дело «О Государственном перевороте в России по почину Испол-

нительного комитета IV-й Государственной Думы, ч. 3: Воззвания, объявления, телеграммы». Среди множества бумаг в деле сохранился уникальный документ — «Воззвание Таврической Ученой Архивной Комиссии ко всем жителям Таврической губернии», датированное 22 апреля 1917 г.: «Таврическая Ученая Архивная Комиссия, имеющая своей задачей охрану памятников старины, обращается к гражданам Таврической губернии с покорнейшей и горячей просьбой беречь исторические и художественные памятники, как-то: древние здания, развалины храмов, крепостей, городов, башни, иконы, церковную утварь, статуи, картины, портреты, древнее оружие, старинные предметы домашнего обихода и украшения, курганы, могилы, кладбища, равно как книги, рукописи, архивы, как казенные, общественные, волостные, так и частные.

Граждане Тавриды! Знайте и не забывайте, что все эти предметы — это памятники истории Вашего края, вашей собственной истории. Все не только образованные, но и некультурные народы берегут памятники своей прошлой жизни, как народную святыню. У многих существуют и соответственные на этот предмет законы.

Наша благословенная Тавриды богата остатками древности и старины, но очень многие из них, к сожалению, уничтожены от недостатка охраны, людского невежества и небрежности, и корысти злонамеренных людей. Теперь, когда достоинство русского гражданина так возвышено, долг каждого заботиться о сохранении, а не уничтожении этих памятников истории и искусства.

Граждане Тавричане! Любя свое Отечество, свою Родину, ея славу и величие, берегите памятники своей истории, это драгоценное наследство от наших предков, — все равно, напоминают ли они нам светлые или темные страницы прошлого. Порча и уничтожение этих предметов причиняет непоправимый вред не только их прямым владельцам, но и всем нам, нашему Отечеству, так как исторический памятник или произведение искусства есть достояние всей страны, есть государственная ценность.

Председатель А. Маркевич»⁸¹.

В смутные 1918—1920 гг. были спасены многие культурные ценности, однако произошедшая на полуострове в ноябре 1920 г. очередная и теперь уже окончательная смена государственного строя выкинула известного крымоведа на обочину культурной жизни. Свою роль тут сыграли и его выступления в прессе в революционные годы и связь с белыми правительствами М.А. Сулькевича, С.С. Крыма, А.И. Деникина, П.Н. Врангеля. Маркевич немало сделал и в 1920-е гг. при новой власти, но это было для него уже временем выживания...

Примечания

1. Автобиография А.И. Маркевича (1934). — Археографический ежегодник за 1987 год. М. 1988, с. 312—316.
2. МАРКЕВИЧ А.И. Моя автобиография. — Археология Крыма. Т. 1. Симферополь. 1997, № 1, с. 186—188. Данный документ находится не на листах 1—6, как указал С.Б. Филимонов, а на листах 28—30об.

3. Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН), ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 2—8.
4. Государственный архив Республики Крым (ГА РК), ф. 104, оп. 1, д. 1263, л. 8—11; д. 1264, л. 86—93.
5. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 5469, л. 11—22.
6. СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 3.
7. Там же, л. 4.
8. МАРКЕВИЧ А.И. Юрий Крижанич и его литературная деятельность: историко-литературный очерк. — Варшавские университетские известия. 1876, № 1, с. 1—X, 1—122; № 2, с. 1—103.
9. СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 4.
10. СМИРНОВ А. † В.В. Макушев. — Русский филологический вестник. Т. 9. Варшава. 1883, № 1, с. 145.
11. СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 5.
12. Российская государственная библиотека. Отдел рукописей (РГБ ОР), ф. 156, картон 5, д. 82, л. 1—2.
13. СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 5.
14. МАРКЕВИЧ А.И. Афанасий Филипович, игумен Брестский: историко-библиографический очерк. — Холмско-Варшавский епархиальный вестник. Варшава. 1879, № 22, с. 372—378; № 24, с. 411—418; 1880, № 2, с. 33—36; № 6, с. 88—92.
15. ГА РК, ф. 49, оп. 1, д. 5469, л. 11об.—13об.
16. СПФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343, л. 5.
17. ГА РК, ф. 49, оп. 1, д. 5469, л. 12об.
18. МАРКЕВИЧ А.И. Святые Кирилл и Мефодий, их жизнь, деятельность и заслуги. — Таврические губернские ведомости. 1885, 20, 24, 27, 30 апр., 2, 4, 8 мая.
19. ГА РК, ф. 104, оп. 1, д. 625, л. 218, 221.
20. Там же, ф. 49, оп. 1, д. 5469, л. 24.
21. ИКОННИКОВ В.С. Губернские ученые архивные комиссии, 1884—1890. Киев. 1892, с. 2.
22. Протокол открытия Таврической ученой архивной комиссии 24 января 1887 г. — Известия Таврической ученой архивной комиссии (ИТУАК). Симферополь. 1887, № 1, с. III.
23. Центральный музей Тавриды (ЦМ Т), кп. 23071, д. 8771.
24. АНДРЕЕВСКИЙ И.Е. Ученые архивные комиссии в 1887 году. — Русская старина. 1889, № 12, с. 810—811.
25. ТРУВОРОВ А. Отчет о деятельности ученых архивных комиссий в 1890 году. — Русский архив. М. 1891, кн. 3, № 12, с. 595.
26. МАРКЕВИЧ А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны. По архивным материалам. — ИТУАК. Симферополь. 1905, № 37, с. 1—260, I—III.
27. МАРКЕВИЧ А.И. Указатель сочинений, касающихся древнего Херсонеса. — ИТУАК. 1888, № 5, с. 115—129.
28. ЕГО ЖЕ. Пётр Иванович Кёппен. Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности. Симферополь. 1890, с. 232—233.
29. МАРКЕВИЧ А.И. «TAURICA»: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — ИТУАК. 1894, № 20, с. 1—395; 1898, с. 92—185; 1902, с. 47—128.
30. МАКСИМЕНКО Ф.П. Матеріали до краєзнавчої бібліографії України, 1847—1929 р.: список бібліографічних праць, що стосуються до окремих місцевостей УРСР, Бессарабії, Дону й Криму. Київ. 1930, с. 138.
31. Рец. на кн.: МАРКЕВИЧ А.И. TAURICA: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. Симферополь. 1894. — Ялта. 1894, 14 июля.
32. ГА РК, ф. 49, оп. 1, д. 5469, л. 5.
33. Рец. на кн.: МАРКЕВИЧ А.И. TAURICA: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — Крым. 1894, 14 июня; КОНЧАК. Для едущих в Крым. Рец. на кн.: МАРКЕВИЧ А.И. TAURICA: Опыт указа-

- теля книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — Новое время. 1897, 22 мая.
34. Н.Х. [ХАРУЗИН Н.Н.]. Рецензия на кн.: МАРКЕВИЧ А.И. «TAURICA»: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — Этнографическое обозрение. 1895, № 4, с. 155.
  35. Рец. на кн.: МАРКЕВИЧ А.И. TAURICA: Опыт указателя книг и статей, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — Книжные новости. Журнал Министерства народного просвещения. СПб. 1894, № 7, отд. 2, с. 204—205.
  36. ПЛАТОНОВ С.Ф. Из воспоминаний. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь. 1927, № 1(58), с. 132.
  37. ГА РК, ф. Р-3814, оп. 1, д. 326, л. 4.
  38. РУДАКОВ В.Е. Археология и история в трудах губернских ученых архивных комиссий. — Исторический вестник. Т. 86. СПб. 1901, с. 1100.
  39. СПФ АРАН, ф. 110, оп. 2, д. 29, л. 8.
  40. РНБ ОР, ф. 874, оп. 1, д. 31, л. 170.
  41. Там же, л. 171—172.
  42. Там же, л. 173—174.
  43. Там же, д. 97, л. 135—135об.
  44. ЦМ Т, кп. 23038, д. 8753.
  45. Государственный архив Одесской области (ГА ОО), ф. 93, оп. 1, д. 121, л. 19.
  46. ДОВНАР-ЗАПОЛЬСКИЙ М.В. Заметка о Крымских делах в Метрике Литовской. — ИТУАК. Симферополь. 1897, № 26, с. 11—23; Рукопись сохранилась: ЦМ Т, кп. 23 119, д. 8819.
  47. Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве (ЦГИАУ К), ф. 262, оп. 1, д. 168, л. 7—8.
  48. Государственный архив г. Киева (ГА К), ф. 304, оп. 1, д. 28, л. 46—47.
  49. Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского (ИР НБУВ), ф. 23, оп. 1, д. 930, л. 1—2.
  50. Там же, д. 931, л. 1—2.
  51. ЦМ Т, кп. 23114, д. 8814.
  52. БЕРЕЖКОВ М.Н. Крымские дела в старом царском архиве XVI века на основании современной архивной описи. — ИТУАК. Симферополь. 1893, № 19, с. 90—100.
  53. ИР НБУВ, ф. 23, оп. 1, д. 932, л. 1.
  54. ЦМ Т, кп. 23 121, д. 8821.
  55. ИР НБУВ, ф. 23, оп. 1, д. 932, л. 1—1об. См.: БЕРЕЖКОВ М. Нур-Салтан, царица крымская: историко-биографический очерк. — ИТУАК. Симферополь. 1897, № 27, с. 1—17.
  56. Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (ГИМ ОПИ), ф. 136, оп. 1, д. 35, л. 1—46.
  57. САМОЙЛОВИЧ А.Н. Среди ставропольских туркмен и ногайцев и у крымских татар. (Отчет о командировке в 1912 г.). — Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб. 1913, сер. 2, № 2, с. 54—74.
  58. ЕГО ЖЕ. Песнь о крымских событиях. — ИТУАК. Симферополь. 1913, № 50, с. 81—98.
  59. М. [МАРКЕВИЧ А.И.] Пребывание в Симферополе Н.Д. Полонской. — Южное слово. Симферополь. 1916, № 1228, 30 сент.
  60. Центральный государственный архив-музей литературы и искусства Украины (ЦГАМЛИ У), ф. 542, оп. 1, д. 193, л. 203.
  61. Там же, л. 227.
  62. ПОЛОНСКАЯ Н.Д. Одно из культурных начинаний Вольного экономического общества. — ИТУАК. Симферополь. 1918, № 54, с. 135—144.
  63. ПОЛОНСЬКА-ВАСИЛЕНКО Н. Два фрагменти. In: СИНЯВСЬКИЙ А. Вибрані праці. Київ. 1993, с. 347.

64. МАРКЕВИЧ А.И. Памяти профессора Ю. А. Кулаковского. — ИТУАК. Симферополь. 1920, № 57, с. 338.
65. ЦГИАУ К, ф. 264, оп. 1, д. 144, л. 1.
66. Там же, л. 1, 5об.
67. Там же, д. 18, л. 1—71.
68. СПФ АРАН, ф. 35, оп. 1, д. 910, л. 1—2.
69. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1041, оп. 1, д. 121, л. 14.
70. С.-Петербургский филиал Института востоковедения РАН, ф. 50, оп. 2, д. 29, л. 1.
71. ГИМ ОПИ, ф. 17, оп. 1, д. 558, л. 600—602об.
72. ЛАТЫШЕВ В.В. Новые надписи из деревни Шурю. — ИТУАК. Симферополь. 1911, № 44, с. 1—5; ЕГО ЖЕ. Вновь найденные в Крыму христианские надписи. — Там же. 1916, № 53, с. 1—6.
73. СПФ АРАН, ф. 110, оп. 2, д. 29, л. 1—6.
74. НАЗИН С. Из истории архивного дела в дореволюционной России. — Архивное дело. М. 1938, № 2(39), с. 26—37.
75. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 436, оп. 1, д. 2806, л. 1.
76. ГА ОО, ф. 153, оп. 1, д. 348, л. 1—1об.
77. РУДАКОВ В. Что обещает XVI Археологический съезд. — Исторический вестник. СПб. 1912, № 2, с. 663.
78. ИТУАК. Симферополь. 1914, № 51, с. 280.
79. ГИМ ОПИ, ф. 136, д. 35, л. 46.
80. РНБ ОР, ф. 585, д. 1039, л. 29об.
81. ГА РК, ф. Р-1694, оп. 1, д. 32, л. 124—125.

Размышления над проектом «Россия — моя история»

В.В. Алексеев

Аннотация. Исторические парки «Россия — моя история», появившиеся во многих городах страны, привлекают внимание не только посетителей, но и критиков. Признавая справедливость многих критических замечаний, нельзя согласиться с их общим выводом — отказаться от идеи таких парков вообще. Нужно использовать этот формат и в контакте с экспертным сообществом исправлять имеющиеся ошибки.

Ключевые слова: актуальные проблемы истории, популяризация истории, проект «Россия — моя история», Вольное историческое общество.

Abstract. Historical parks “Russia is my History”, appeared in many Russian cities, attract not only visitor’s attention, but also critic’s. Recognizing some of the critical remarks fair, it’s not possible to agree with the conclusion — to abandon the idea of those parks completely. You have to use the format and correct all of the mistakes in the coordination with the experts.

Key words: actual problems of history, popularization of history, project “Russia is my History”, Liberal Historical Society.

Нынешнее отношение к истории в обществе неоднозначное. Одни считают ее кладбищем прошлого, бесполезной, не имеющей никакого отношения к настоящему. Другие, наоборот, пытаются найти в ней ответы на вопросы современной жизни и даже использовать в корыстных целях для обоснования своих претензий на будущее. Такой парадокс является следствием слабого знания истории и неспособности понять ее смысл. Между тем, эта наука — благо для общества.

Природа создала возможность с помощью генной памяти передавать эстафету, и прошлое как бы оживает в настоящем. А существует ли такая эстафета в человеческой истории, или она представляет собой лишь хаос страстей и случайностей? Историческая информация теряется в веках и тысячелетиях под влиянием бесконечных войн и социальных потрясений, технологических и ментальных трансфор-

---

Алексеев Вениамин Васильевич — академик, советник РАН. Институт истории и археологии Уральского отделения РАН. Екатеринбург. E-mail: kalinin.dm.mih@gmail.com.

Alekseev Veniamin V. — academician, counselor of the Russian Academy of Sciences. Institute of History and Archaeology of the Ural Branch RAS. Ekaterinburg. E-mail: kalinin.dm.mih@gmail.com.

маций, с большими потерями передается от поколения к поколению, неполно сохраняется в исторических источниках, искажается в ходе социальных, национальных и конфессиональных дискурсов. Поэтому необходим поиск более совершенных способов ее извлечения из имеющихся источников и обнаружения новых для того, чтобы выявить устойчивые закономерности, которые все-таки сохраняются, несмотря на вышеназванные потери. Необходимо повысить эффективность их использования в практической жизнедеятельности, что может быть осуществлено на пути освоения конкретного исторического опыта и выхода на уровень исторической прогностики.

Однако сегодня с особой остротой встала и другая проблема — постижения истории, особенно молодым поколением. Для школьников и студентов существуют десятки разнообразных учебников, нередко противоречиво трактующих ключевые вопросы российской истории, что ведет к хаосу мнений и девальвации ценности исторического знания. Любопытная попытка преодолеть этот разброд и повысить интерес к отечественной истории сделана в общероссийском проекте «Россия — моя история», который реализован в ряде городов Российской Федерации, где вся великая Россия с ее более чем тысячелетней героической и трагической историей представлена под одной крышей в специальных парках. Необходимость в них назрела, с одной стороны, по причине дефицита исторических знаний у молодежи, а, с другой стороны, в связи с возникшими для этого технологическими возможностями. Немалую роль сыграла архивная революция, открывшая тысячи ранее секретных документов, которые интересны не только молодежи, но и старшему поколению, пережившему те далекие события.

Появилась уникальная возможность окинуть единым взором все многообразие жизни народов России с древнейших времен до наших дней, что позволила сделать совокупность достижений историков и электронных технологий: голографических инсталляций, панорамных видеосистем, сенсорных экранов, интерактивных книг и др. Над этим проектом работали сотни разных специалистов, как в гуманитарной, так и в технической областях, сделав его подлинно мультидисциплинарным. В результате история перешла из категории черно-белого скучного учебника в яркое и убедительное повествование, в ходе которого посетители парка как бы чувствуют причастность к событиям далекого прошлого.

Мультимедийные парки стали «живой» энциклопедией, которая по первому требованию выдает необходимую информацию из области отечественной истории. В уральском варианте (г. Екатеринбург) для этих целей используется свыше четырех тысяч квадратных метров интерактивных экспозиций, более полутора тысяч единиц мультимедийной техники, десять тысяч иллюстраций, тысяча часов документальной хроники, шесть тысяч цитат, две тысячи архивных справок, сотни малоизвестных исторических фактов. Все это подано в динамике, яркими красками, с возможностью повторения необходимых деталей по желанию посетителя, что важно для уяснения полученной информации. Особый интерес имеет региональный контент, который демонстрирует легендарный меховой путь в Сибирь, поход дружины Ермака, основание первых металлургических заводов, «золотую лихорадку», вклад Урала в победу над фашизмом, осуществле-

ние атомного проекта, создание Уральского отделения Российской Академии наук и другие актуальные темы. Все это стало достоянием многих тысяч посетителей. Парк пользуется большой популярностью у уральцев и их многочисленных гостей.

Между тем, поднимается волна вопросов, что естественно, поскольку история, к сожалению, сохраняет далеко не все свидетельства прошлого, а человеческое сознание не может сполна охватить его сложную и противоречивую совокупность. Отсюда — разногласия в толковании многих событий исторической значимости, осложненная национальными, конфессиональными, идеологическими, политическими и другими предпочтениями. В экспозициях выставки это преломляется в двух противоречивых направлениях нынешней российской историографии: традиционалистско-патриотической и либерально-космополитической. Причина такой ситуации не столько в недоработках организаторов выставки, сколько в расколе современного российского общества. Попытаемся конкретизировать это на ряде спорных позиций.

Дискутируется хронология экспозиций: «Юриковичи», «Романовы», «От великих потрясений к Великой Победе», «Россия — моя история» (с соответствующими датами). С научной точки зрения, она подлежит суровой критике, особенно последний раздел, но сегодня нет теоретико-методологической основы для строго научной периодизации. Поэтому в целях более емкого представления и лучшего усвоения материала экспозиций с такой хронологией приходится мириться и не предъявлять лишних претензий к работникам парка.

Оппоненты ставят вопрос: чем вызван панегирический уклон в изображении всех без исключения царей? В таком контексте возникает симметричный вопрос: чем вызван негативный уклон в изображении последующих правителей России? При такой постановке вопроса можно уйти в никуда. Дело в том, что у всех правителей, как у каждого человека, всегда есть позитивные и негативные деяния. По какому принципу их ранжировать и стоит ли это делать, тем более оставляя в стороне общество и следствия принимаемых решений, которые проявляются иногда через несколько поколений? Следовало бы обратить внимание и на тот факт что за последние два столетия в России сложилась негативная тенденция по отношению к едва ли не каждому поколению властителей и исполнителей государственной службы: будь то царь, генеральный секретарь, а то и просто какой-то начальник. Для этого имелись реальные причины, которые необходимо искоренять, но не следует создавать атмосферу всеобщего недоверия и неуважения к руководству, что ведет не к демократии, а к опасной анархии.

К данному вопросу примыкает другой — отношение к религиозным аспектам исторического процесса. Известно, что в определенные периоды они имели очень существенное значение. По крайней мере, без них невозможно представить дореволюционную историю России, но это должно делаться пропорционально их значимости на разных этапах. Даже в советскую эпоху Россия не расставалась с верой Христовой. В годы Великой Отечественной войны солдаты шли в бой под лозунгом: «За Родину, за Сталина!», а в душе молили Господа Бога о спасении своей жизни и сохранении родного очага. Следовательно,

православная вера и другие конфессии, которыми так богата наша держава, являются неотъемлемой составной частью российской истории и должны быть достойно представлены в экспозиции.

Удивляют спорные претензии к создателям парков по поводу переоценки роли государства в нашей истории. Разве можно представить такую огромную и противоречивую общность, как Россия, без регулирующей роли государства? Конечно, она у нас велика и в чем-то даже чрезмерна, но так было в истории, и опасно это перекраивать в угоду новым идеологемам. Их надо обсуждать на политических диспутах, а не на исторических выставках. В этом же ключе приходится реагировать на заявление: «Почему никто, кроме правителя, с точки зрения создателей выставки, не наделен правом думать о благе России?» С экспозиций парка смотрят сотни лиц, которые не просто думали и писали о благе России, но и положили жизнь за нее. Другое дело, что можно быть не со всем согласным, но это уже дело каждого.

Критики парков настойчиво выступают против «вульгарно-конспирологического контекста» российской истории. С этим не стоит спорить, но аргументы, которые они приводят, заставляют глубоко задуматься. Историкам хорошо известно, что недруги были и остаются практически у всех стран. К сожалению, так устроен мир. В принципе стоило бы говорить не о врагах, а об исторических вызовах, особенно технологических (к примеру, английская промышленная революция, американская атомная бомба или современные компьютерные технологии), которые перекраивают мир. Критики упрекают организаторов выставки в тенденциозном подборе антизападных высказываний и предлагают придерживаться полифонии мнений, при этом не замечая огромного материала экспозиции, посвященного нашествиям на Россию и отпору им. Стоит вдуматься в материалы советского атомного проекта, экспонирующегося в парках, и станет ясно, какая угроза нависла тогда над страной, а если еще почитать подлинники этих документов, то картина станет совсем мрачной.

У оппонентов сквозит ироническое отношение к российской самобытности, хотя это есть великое достояние всех народов, но оно должно своевременно адаптироваться к реалиям каждой новой эпохи. Не стоит сводить своеобразие России к имперской триаде «православие, самодержавие, народность», так же как нельзя представлять всю историю страны в XX в. лишь сталинскими репрессиями. Нередко отчаянные критики парков за отсутствием необходимых аргументов прибегают к сомнительной форме «косвенно подтверждается...»

В дискуссиях о выставке часто поднимается вопрос о ее идейной направленности. Думается, с этим пора покончить и не менять одну идеологию на другую. Сложнее обстоит дело с полифоничностью истории. Если убедительно установлен факт того или иного события, то о какой полифонии может идти речь? Что было, то было. Другой вопрос, как уравновесить мнения о его понимании. Тут полифония возможна, но она может звучать лишь на научном семинаре или в политическом клубе. В лекции, статье легко излагать альтернативные точки зрения, но как изобразить на одном музейном стенде диаметрально противоположные оценки? Их должен выносить только посетитель.

Вместе с тем у оппонентов много справедливых и дельных замечаний, которые опубликованы и широко обсуждаются. Это, прежде

всего, недостаток профессионализма в отражении сложных вопросов исторического процесса, выпячивание роли одних событий и принижение других, не всегда верная их трактовка, лакуны в истории, нестыковка отдельных экспозиций, неточность некоторых формулировок, умолчание или упоминание вскользь сложных проблем, фрагментарность отдельных сюжетов, погрешности в редактировании текстов, спешка и недоработки. Все это требует безусловного исправления.

Особое беспокойство вызывает поспешное включение в исторический контекст недостаточно разработанных, но «раскрученных» проблем типа Аркаима. Демонстрация его красивой модели в качестве предшественника российской протоцивилизации дославянского времени вызывает законный вопрос, поскольку он не решен современной наукой. Это безусловно интересный археологический памятник, но зачислять его в прародину Руси — слишком большая натяжка, а придание ему магических, сверхъестественных сил — возвращение к язычеству. Зависает вопрос: «Насколько изображение славян, угро-финнов и скифов единственными обитателями на территории будущей России в раннем средневековье соответствует историческим реалиям?»

Высокая концентрация в экспозициях информации ускоряет процесс получения знаний, она даже оглушает человека, недостаточно готового к ее усвоению. Поэтому необходимо совершенствование представления этих знаний. Ответить на все возникшие вопросы в кратком тексте не представляется возможным, да, видимо, и не в них главная проблема. В конечном счете она сводится к дискуссии о целесообразности создания таких парков и их идейно-политической направленности.

Если с оппонентами можно соглашаться или спорить по многим вопросам, то уж никак нельзя принять заявления типа: «А не будет ли, с точки зрения развития исторического сознания учащихся, от этого больше вреда, чем пользы»¹ или: «В это растение юных умов (в парках. — В.А.) сейчас вовлекается Министерство образования»². Отсюда требование «приостановить всякие рекомендации этих выставок в качестве учебного материала». Конечно, ошибки необходимо исправлять, а вот консервировать их не стоит, тем более вводить запретительные меры.

В заключение предлагаю прислушаться к замечаниям критиков исторических парков и провести на базе одного из них общероссийский форум с приглашением на него авторитетных профессионалов в области истории и музейного дела, а решения, принятые на форуме, считать обязательными для исполнения.

Примечания

1. МОСИН А.Г. «Моя история» или «моя мифология»? URL: http://istorex.ru/page/mosin_ag_moia_istoriya_ili_moia_mifologiya.
2. Обращение Вольного исторического общества к министру образования и науки Российской Федерации. URL: <https://volistob.ru/vio-news/obrashchenie-volnogo-istoricheskogo-obshchestva-k-ministru-obrazovaniya-i-nauki-rossiyskoy>.

Государственная политика в отношении депортированных народов в первые послевоенные годы

Х.-М.А. Сабанчиев

Аннотация. В работе представлен анализ государственной политики по отношению к депортированным народам во второй половине 1940-х годов. Показан антигуманный характер принятых тогда нормативных актов высших органов власти. Сделан вывод, что грубое нарушение прав и свобод человека стало возможным в условиях тоталитарного режима, утвердившегося в обществе.

Ключевые слова: спецпереселенцы, тоталитарный режим, И.В. Сталин, Совет Министров СССР, Президиум Верховного Совета СССР, Министерство внутренних дел СССР, постановления, указы, приказы, права человека.

Abstract. The work presents an analysis of state policy towards deported peoples in the second half of the 1940s. It shows the inhuman character of the adopted normative acts of the highest authorities. It was concluded that a gross violation of human rights and freedoms became possible in the conditions of a totalitarian regime established in the society.

Key words: special settlers, totalitarian regime, I.V. Stalin, Council of Ministers of USSR, Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, Ministry of Internal Affairs of USSR, acts, decrees, orders, human rights.

С победоносным завершением Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. абсолютное большинство спецпереселенцев, проживавших в Сибири, Казахстане и Средней Азии, надеялись, что теперь в Москве, наконец, разберутся с произволом и беззаконием. Миллионы представителей репрессированных народов твердо верили, что виновники их бед будут наказаны, а невинно пострадавшим разрешат вернуться в родные края. В том, что восторжествует историческая справедливость они не сомневались. Однако вскоре наступило разочарование. «Отец народов», оказавшийся отчимом для многих наказанных этносов, не собирался менять свою политику по отношению к спецпереселенцам — «бандитам, изменни-

---

Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич — доктор исторических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Нальчик. E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru.

Sabanchiev Khadzhi-Murat A. — doctor of historical sciences, professor at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov. Nalchik. E-mail: sabanchievkh-m@mail.ru.

кам, пособникам фашизма и т.д.»¹. Вместо ожидаемой либерализации режима первые послевоенные годы принесли еще большее его ужесточение.

7 декабря 1945 г. НКВД СССР издал приказ об установлении режима спецпоселения и административного надзора над выселенцами. В местах расселения депортированных народов были утверждены комендатуры и вооруженные посты внутренних войск. Согласно строгим правилам режима, все переселенцы становились на специальный учет, а все населенные пункты, в которых они проживали, были разбиты на десятидворки².

В конце 1945 г. ЦК ВКП(б) в своих указаниях ориентировал парторганизации на особенности предстоявших выборов в Верховный Совет СССР 10 февраля 1946 года. Среди прочего обращалось внимание на то, что «в выборах в Верховный Совет в отдельных районах будет участвовать население, которое во время Отечественной войны было переселено из других областей Советского Союза (немцы Поволжья, калмыки, карачаевцы, крымские татары, чеченцы, ингуши, балкарцы). Партийные организации должны учесть особые условия работы среди переселенцев и на время избирательной кампании направить в эти районы лучшие силы партийных организаторов, пропагандистов и агитаторов»³.

Победа стала для Сталина главным идеологическим оправданием существования советской власти и коммунистического строя. В своей речи на собрании Сталинского избирательного округа г. Москвы 9 февраля 1946 г. в связи с выборами в Верховный Совет СССР он сказал: «Советский многонациональный государственный строй еще больше окреп за время войны, ибо наше многонациональное государство выросло... на советской основе, которая культивирует чувство дружбы и братского сотрудничества между народами нашего государства. Наш строй — образец многонационального государства, где проблемы сотрудничества наций разрешены лучше, чем в любом другом многонациональном государстве»⁴. Такие речи наглядно демонстрировали свойственные Сталину политический цинизм и обыкновенную коммунистическую демагогию. Между тем, на спецпоселении находилось более 2 млн немцев, карачаевцев, калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев и представителей других репрессированных народов. Никто из них не имел права быть избранным даже в местные органы самоуправления, не говоря уже о районных, областных и республиканских органах власти. По существу, были попораны важнейшие проповедуемые ценности социализма — социальная справедливость, гуманизм, свобода.

После окончания войны система управления в стране Советов приобрела ряд мрачных черт военизированного, бюрократического, полицейского характера. Прежде всего, это отразилось на политико-правовом, философско-этическом и морально-нравственном положении и мышлении спецпереселенцев. Министерство внутренних дел СССР и Отдел специальных поселений МВД ставили своей основной задачей дальнейшее усиление и укрепление и без того жестокого режима в спецпоселениях, чтобы поднять производительность труда находившихся там людей. Поэтому нет ничего удивительного в том, что среди этого контингента наказанных наблюдалось заметное на-

растание внутреннего недовольства. Участились стихийные протесты против несправедливости властей разных уровней, выразившиеся, главным образом, в форме побегов с мест поселения ⁵.

14 февраля 1947 г. МВД СССР и Генеральная прокуратура СССР издали совместный циркуляр «О порядке привлечения к уголовной ответственности спецпереселенцев за побеги, совершаемые с мест их поселения» ⁶. Циркуляром предусматривалось применение более строгих мер наказания за правонарушения — лишение свободы на срок от 10 до 15 лет вместо 5-суточного ареста. Рассмотрение дел о побегах было отнесено к полномочиям Особого совещания при МВД СССР. Для реализации поставленных задач и расширения сферы применения карательных мер против спецпереселенцев предусматривалось создание дополнительных комендатур.

Всего в течение 1944—1948 гг. из спецпоселений бежали 77 541 человек. Большинство беглецов удавалось задержать. На 15 ноября 1948 г. в списке лиц, находившихся в розыске, числились 20 935 спецпереселенцев ⁷. Все случаи индивидуальных и групповых побегов тщательно расследовались, задержанные возвращались на места прежнего расселения, по результатам оперативной работы принимались необходимые меры. В сводках и отчетах местных органов НКВД-МВД имелась специальная графа, в которой указывались те или иные причины побегов. Среди них наряду с жестким режимом проживания, что отмечалось чаще других, указывались тяжелые жилищно-бытовые условия, грубое отношение различного рода начальников и продовольственные трудности, которые провоцировали самовольное переселение к родственникам или знакомым, проживавшим в других районах и областях ⁸.

21 февраля 1948 г. Совет Министров СССР принял постановление «О ссылке, высылке и спецпоселениях», в котором понятие «спецпоселение» определялось как обязательное проживание в определенных властью местностях под надзором органов МГБ СССР навечно или на определенный срок отдельных категорий лиц, переселенных по решению правительства. К спецпоселенцам, высланным навечно, относились представители всех депортированных народов СССР, а также греческие и иранские граждане, имевшие и не имевшие советского подданства ⁹.

3 июня 1948 г. было принято постановление Совета Министров СССР «О порядке применения Указа Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 года “О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни”». Органам МВД республик, краев, областей вменялось в обязанности «вести точный учет поселенцев в местах их расселения и установить для них строгий режим, исключающий возможность побегов из мест поселения». В бюрократических целях устанавливался строгий порядок «обязательной личной явки поселенцев в спецкомендатуру МВД для регистрации и отметки». Разрешалось арестовывать любого за совершенный побег с места поселения и привлекать его к уголовной ответственности по статье 82 УК РСФСР, применяя меру наказания — замену поселения лишением свободы на 8 лет ¹⁰.

Конец 1940-х гг. характеризовался максимальным ужесточением требований в отношении содержания спецпереселенцев. 24 ноября

1948 г. Сталин подписал секретное постановление Совета Министров СССР «О выселенцах». Постановление впервые устанавливало, что «переселение в отдаленные районы Советского Союза чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др. произведено навечно», «без права возврата их к прежним местам жительства». Побег с мест обязательного поселения карался двадцатью годами каторжных работ, а содействие побегу и укрывательство беглецов — лишением свободы на 5 лет.

Министерству внутренних дел и Министерству государственной безопасности СССР предписывалось принять меры по выявлению, задержанию и аресту бежавших из мест обязательного поселения¹¹. Неотвратимость наказания должна была, по сталинскому замыслу, способствовать укоренению спецпереселенцев.

К постановлению прилагался проект Указа Президиума Верховного Совета СССР. Через два дня, 26 ноября 1948 г., вышел Указ ПВС СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны». Это был первый нормативно-правовой акт высшего представительного органа страны, который на государственном уровне регулировал положение депортированных народов. Поскольку данный указ занимает особое место в советском законодательстве, его текст приводится целиком:

«В целях укрепления режима поселения для выселенных Верховным Советом СССР в период Отечественной войны чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев, калмыков, немцев, крымских татар и др., а также в связи с тем, что во время их выселения не были определены сроки их выселения, установить, что переселение в отдаленные районы Советского Союза указанных лиц проведено навечно, без права возврата их к прежним местам жительства.

За самовольный выезд (побег) из мест обязательного поселения этих выселенцев виновные подлежат привлечению к уголовной ответственности. Определить меру наказания за это преступление в 20 лет каторжных работ. Дела о побегах выселенцев рассматриваются в Особом совещании при МВД СССР.

Лиц, виновных в укрывательстве выселенцев, бежавших из мест обязательного поселения, или способствовавших их побегу, лиц, виновных в выдаче разрешения выселенцам на возврат их в места прежнего жительства, привлекать к ответственности. Определить меру наказания за эти преступления — лишение свободы на срок до 5 лет.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. Шверник
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР А. Горкин»¹².

После принятия Указа была внесена ясность в положение выселенцев. Они должны были окончательно оставить свои надежды на возвращение к местам прежнего жительства и прочно обустроиваться в местах поселения. По этому Указу были осуждены тысячи спецпереселенцев, которые привлекались к уголовной ответственности не за злостный побег, а просто за выезд без разрешения к своим родным в другие села. Уголовные дела по побегам должны были рассматриваться Особым совещанием при Министерстве внутренних дел СССР, то есть внесудебным органом. Каторжные работы, как особый вид наказания, были введены Указом Президиума ВС СССР от 19 апре-

ля 1943 г. для убийц, предателей, пособников оккупантов. Приговаривали к каторжным работам сроком от 10 до 20 лет военно-полевые суды. С окончанием войны эту прерогативу взяло на себя Особое совещание, решения которого обжалованию не подлежали.

Данный внесудебный репрессивный орган был создан на основании постановления ЦИК и СНК СССР от 5 ноября 1934 г. и просуществовал до 1 сентября 1953 года. Подавляющее большинство осужденных, дела которых рассматривались Особым совещанием, обвинялись в контрреволюционных преступлениях. После войны в его жернова могли попасть люди, совершившие побег из мест обязательного поселения, просто инакомыслящие, вызывавшие подозрение лица и т.п. Только за один 1949 г. Особым совещанием за самовольный выезд (побег) из мест поселения были осуждены на 20 лет каторжных работ 1932 выселенца ¹³.

Следствием принятия Указа от 26 ноября 1948 г. стало резкое снижение числа побегов. Если в 1948 г. бежали 6863 спецпоселенца, то в 1949 г. — 1723, или почти в 4 раза меньше. В большинстве случаев побег заканчивались неудачно. Тем не менее для борьбы с ними принимались дополнительные меры. 4 февраля 1950 г. приказом МВД № 00101 для усиления работы по розыску бежавших заключенных и спецпереселенцев Главное управление по борьбе с бандитизмом (ГУББ) МВД было реорганизовано в Главное управление МВД СССР по оперативному розыску.

Следующей мерой по усилению наказаний за побег явился совместный приказ от 22 декабря 1948 г. МВД СССР и Прокуратуры СССР «О порядке привлечения к уголовной ответственности выселенцев за побег с места поселения и уклонение от общественно-полезных работ» ¹⁴. Документ обязывал органы Особых совещаний при МВД СССР уголовные дела о побегах спецпереселенцев рассматривать в 10-дневный срок. К выселенцам применялись различные меры, предусмотренные для лиц, злостно уклонявшихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни. Для этого выселенцев следовало ставить на спецучет, бдительно контролировать их действия и привлекать к ответственности за любые нарушения. Этот документ явился как бы еще одним напоминанием миллионам спецпереселенцев об их фактически бесправном положении и унижительном существовании. Теперь даже офицеры Советской армии, состоявшие на учете в военкоматах, учитывались как спецпоселенцы ¹⁵.

Всячески усиливался гласный и негласный надзор за выселенцами, осуществлявшийся спецкомендатурами и разветвленной агентурной сетью. Была предусмотрена регулярная явка на регистрацию в спецкомендатуры МВД всех взрослых выселенцев. С каждого из них сотрудник МВД брал расписку об ознакомлении с Указом от 26 ноября 1948 года. Обычно расписывались один раз в месяц. «Трудно представить себе всю меру отчаяния человека, когда в спецкомендатуре ему объявляли (под роспись), что он выслан навечно, без права возврата в родные места, а за побег будет наказан 20-ю годами каторжных работ. Затем в присутствии коменданта и сотрудника органов, проводившего эту “знакомительную” процедуру, поселенец подписывал листочек бумаги, отбравший у него последнюю надежду на

человеческую жизнь — даже в отдаленной перспективе», — пишет один из крупных российских ученых В.А. Бердинских ¹⁶.

Ограничены были права репрессированных народов также в культурно-просветительской и общественно-бытовой жизни. Спецпереселенцев не принимали в техникумы и вузы. Языки и культурные традиции депортированных народов исчезли из числа официально признанных и поддерживаемых государством. Был установлен полный запрет на упоминание репрессированных народов в научных изданиях, энциклопедиях, в литературе и искусстве. Все это было намеренной государственной политикой, направленной на стирание историко-культурной основы существования определенных этносов ¹⁷. Это была политика духовного геноцида. Сталинизм пытался уничтожить национальные различия, самосознание и самоидентификацию народов, превратив их в единый советский народ. Напомним, что именно в это время при участии СССР обсуждалась, а потом 9 декабря 1948 г. была принята известная Конвенция Организации Объединенных наций «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него». Буквально через день Генеральная Ассамблея ООН приняла знаменитую «Всеобщую декларацию прав человека». В принятом в 1945 г. Уставе ООН отстаивание прав и свобод человека было объявлено приоритетным в деятельности данной международной организации.

Эти документы ставили депортированные народы в совершенно новую политико-правовую ситуацию: они оказывались под официальной защитой международного сообщества и права. Однако сталинский режим не считался ни с какими международными конвенциями и декларациями, и от принятия таких документов самим народам, обреченным на «вечную ссылку», было несколько не легче. Справедливости ради следует сказать, что «Конвенция геноцида» вступила в силу 12 января 1951 г., а ПВС СССР ратифицировал ее лишь 18 марта 1954 г. ¹⁸, через год после смерти Сталина, поэтому руководство страны Советов в первые послевоенные годы формально не было обременено международными обязательствами.

Тем не менее с течением времени проблемы массовых репрессий по национальному признаку и депортаций советских народов при сталинском тоталитаризме были переведены в плоскость международного права. Это дало активистам различных общественно-политических, национально-демократических движений и организаций широкую возможность апелляции к мировому сообществу. В конечном итоге дело дошло до политико-правовой, административно-территориальной и морально-нравственной реабилитации репрессированных народов, на которую были вынуждены пойти КПСС и Советский Союз незадолго до своего распада ¹⁹.

Анализ государственно-партийной политики СССР в отношении депортированных советских народов во второй половине 1940-х гг. позволяет сделать вывод о том, что беспрецедентное нарушение конституционных прав и свобод человека стало возможным в условиях тоталитарного режима, утвердившегося в обществе в период культа личности Сталина. Принятые тогда нормативные акты высших органов государственной и партийной власти следует оценить как противоправные, противоречащие Конституции СССР (1936 г.) и провозг-

лашенным советским государством принципам национальной политики. Самое главное — они шли вразрез с принципами европейского гуманизма, советской демократии и пролетарского интернационализма. Смягчение режима спецпоселений и перемены в судьбах репрессированных народов наступили только после смерти Сталина. Хрущёвская «оттепель» коснулась всех сторон жизни советского государства и общества, в том числе и проблем национальной политики. Исторические решения XX съезда КПСС предоставили возможность для возвращения из ссылки депортированных народов и их последующей реабилитации на законной основе.

Примечания

1. АЛАФАЕВ А. Негасимая боль народа. Нальчик. 2012, с. 9, 11.
2. УБУШАЕВ К.В. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943—1991 гг.). Дисс. канд. юрид. наук. Ставрополь. 2003, с. 87.
3. Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики, ф. 1, оп. 1, д. 1132, л. 77.
4. Правда. 1946, 10 февраля.
5. УБУШАЕВ К.В. Ук. соч., с. 105.
6. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5446, оп. 1, д. 213, л. 8.
7. ЗЕМСКОВ В.Н. Спецпоселенцы (по документам НКВД-МВД СССР). — Социологические исследования. 1990, № 11, с. 34—38.
8. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация. Документы, материалы, комментарии. Нальчик. 2001, с. 90, 109.
9. АЛИЕВ И.И. Этнические репрессии. М. 2008, с. 256.
10. ЗЕМСКОВ В.Н. Заключение, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные: статистико-географический аспект. — Социологические исследования. 1991, № 5, с. 164.
11. ГА РФ, ф. Р-8131. Коллекция документов без публикации, № 133/12.
12. Там же, ф. 7523, оп. 36, д. 450, л. 87.
13. Иосиф Сталин — Лаврентию Берию: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М. 1992, с. 254.
14. Балкарцы: выселение, на спецпоселении, реабилитация, с. 99—101.
15. УБУШАЕВ В.Б., УБУШАЕВ К.В. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943—1959 гг. Элиста. 2007, с. 251.
16. БЕРДИНСКИХ В.А. Спецпоселенцы: политическая ссылка народов советской России. М. 2005, с. 36.
17. АККИЕВА С.И., САБАНЧИЕВ Х.-М.А. Балкарский народ в годы войны и депортации (1941—1957 гг.). Нальчик. 2014, с. 215.
18. УБУШАЕВ К.В. Ук. соч., с. 67.
19. ЧЕРВОННАЯ С. Когда эшелоны с депортированными народами шли на восток... — Ас-Алан. 2003, № 1, с. 569.

Переписка Н.А. Семашко с органами ВЧК в начале 20-х гг. XX в.

К.В. Богатырёва, С.И. Реснянский

Аннотация. В публикации представлены результаты исследования положения медицинской интеллигенции в Советской России в начале 20-х гг. XX века. Работа подготовлена на основе переписки первого народного комиссара здравоохранения Советской России Н.А. Семашко с органами ВЧК и медиками, которая связана с расследованием причин ареста врачей. Исследование основано на ранее неизученных документальных материалах советских органов власти, представленных в Государственном архиве Российской Федерации. Авторы приходят к выводу о том, что тяжелая обстановка в области здравоохранения в первые годы советской власти придавала фигуре медицинского работника особую ценность, которая положительно влияла на вынесение приговора органами ВЧК.

Ключевые слова: Советская Россия, ВЧК, Н.А. Семашко, гражданская война, революционный террор, медицинская интеллигенция, эпидемиологическая обстановка.

Abstract. The publication presents the results of studying of the medical intelligentsia situation in the Soviet Russia in the early 1920th of the XXth century. The work is prepared on the base of the correspondence of the first People's Health Commissar of the Soviet Russia N.A. Semashko with the Vcheka and doctors, which is connected with the investigation of the reasons for the doctors' arrest. The study is based on previously unexplored documentary materials of the Soviet authorities represented in the State Archives of the Russian Federation. The authors come to the conclusion that the difficult health situation in the early years of the Soviet power gave a special value to the figure of a medical worker, that positively influenced on the Vcheka authorities sentencing.

Key words: Soviet Russia, Cheka, N.A. Semashko, Civil War, revolutionary terror, medical intelligentsia, epidemiological situation.

Конец 10-х — начало 20-х гг. XX в. — время тяжелых испытаний для российского государства. Первая мировая война, революцион-

---

Богатырёва Кира Владимировна — кандидат исторических наук, доцент Первого московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова. E-mail: kira-bogatyreva@yandex.ru; *Реснянский Сергей Иванович* — доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов. E-mail: s-r44@yandex.ru.

Bogatyreva Kira V. — candidate of historical sciences, associate professor at the First Moscow State Medical University name after I.M. Sechenov. E-mail: kira-bogatyreva@yandex.ru; *Resnianskiy Sergey I.* — doctor of historical sciences, professor at the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: s-r44@yandex.ru.

ный 1917 г., гражданская война повлекли за собой череду социальных, политических и экономических проблем. Население страны находилось на грани выживания из-за голода и эпидемий. Так, в 1918—1921 гг. только заболевания сыпным и возвратным тифом отмечались в 10 млн случаях ¹.

В годы гражданской войны профессия врача превратилась в одну из самых опасных: помимо угрозы жизни и здоровью, неизбежно подстерегающих на войне, существовала еще одна — вероятность быть арестованным органами ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР, возглавляемая Ф.Э. Дзержинским) была очень велика. Основанием для обвинения и ареста человека могли стать аристократическое происхождение, хорошее воспитание, образование. Принадлежность к медицинской интеллигенции, носившей преимущественно дворянский характер ² и не принимавшей, в основном, активного участия в революции, не могла защитить от пристрастного внимания со стороны карательных органов Советского государства.

Не все врачи были далеки от большевистских взглядов и Октябрьской революции. Повседневная деятельность земских и санитарных медиков Российской империи способствовала формированию активной политической позиции таких известных после революции большевиков, как Н.А. Семашко, З.П. Соловьёв, С.И. Мицкевич, Е.П. Первухин, М.И. Барсуков, В.М. Бонч-Бруевич (Величкина) и др. Но большая часть врачей, будучи в оппозиции к правительству царской России, приняла Февральскую буржуазную революцию и поддержала деятельность Временного правительства. К революционным изменениям, произошедшим в октябре 1917 г., большинство русских врачей и самая влиятельная организация медиков начала XX в. «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова» отнеслись резко отрицательно.

Документы, к которым привело исследование, связаны с деятельностью первого народного комиссара здравоохранения Советской России — Николая Александровича Семашко. Материалы переписки Семашко с врачами, арестованными ВЧК, их родственниками и членами ВЧК в период 1919—1922 гг. ³, о которых не было найдено упоминаний в научной литературе, — это более 200 историй из жизни людей, связанных с врачебной деятельностью.

Несмотря на то, что вынесение смертного приговора было скорее исключением, чем правилом (по некоторым данным, всего за период существования ВЧК (декабрь 1917 — февраль 1922 гг.) было расстреляно около 50 тыс. чел.) ⁴, задержанию можно было подвергнуться очень легко: кроме ареста по подозрению в преступлении использовались такие меры борьбы с контрреволюцией, как взятие в заложники и изоляция в концентрационных лагерях. Так как арестованные и их родственники пытались повлиять на ход следствия, ВЧК опубликовала заявление о порядке обращения с просьбами о судьбе заключенных: «Естественно, что ближние родственники и знакомые предпринимают всяческие хлопоты об их (арестованных. — *К.Б., С.Р.*) освобождении, изменении наказания и т.п. ... Ставим в известность всех, что ходатаи-адвокаты не пользуются в Комиссии никакими преимуществами, а наоборот, только ухудшают положение дела.

Просим всех заинтересованных лиц обращаться лично»⁵. Множество писем поступало как лично Дзержинскому, так и другим представителям советской власти. Вполне естественно, что медики стремились заручиться поддержкой непосредственно Семашко — главы созданного в июне 1918 г. Наркомздрава.

Самая ранняя корреспонденция датируется концом 1919 года. Архивных дел, в которых могла бы находиться переписка за 1918—1919 гг., обнаружено не было. Наибольшая часть документов относится к 1920 г. (около 460 из 681 листа). По мере изменения в расстановке сил в гражданской войне активность органов ВЧК постепенно шла на спад. В свою очередь, Семашко, как нарком здравоохранения, занятый проблемой малочисленности врачебных кадров, после перелома в гражданской войне и привлечения на сторону большевиков большего числа врачей, занялся решением других задач.

Обращения врачей и их родственников к Семашко доходили до адресата и были тщательно проработаны. Практически на всех письмах и телеграммах имеются пометы Семашко с указаниями дальнейших действий. Больше половины случаев содержат документальные свидетельства об освобождении врачей, по крайней мере, из-под стражи, и возвращении их к своим служебным обязанностям. В документах зафиксирован только один случай исполнения смертного приговора по делу, о ходе которого Семашко запрашивал информацию, но произошло это до его вмешательства в расследование⁶.

Прежде всего глава Наркомздрава стремился справиться с эпидемиологической катастрофой, в которой в годы гражданской войны находилась Советская Россия. Одно из писем Семашко содержит такие строки: «Я пользуюсь этим случаем, чтобы обратить Ваше внимание вообще на положение медицинского персонала. Укажите мне, товарищи, где угодно, хотя бы в военном деле — где Вы видите 98% раненых и 50% умирающих. Да ни в одном жестоком сражении этого не бывает. А между тем, статистически доказано (например на Востоке), что 98% медперсонала у нас заражается сыпняком и 50% умирает. Это, товарищи, страшные цифры. И наша обязанность — всячески облегчить работу медперсонала»⁷.

Дипломированные врачи в период гражданской войны — немногочисленный слой общества. Так, еще до первой мировой войны в стране, при численности населения около 175 млн чел. насчитывалось около 30 тыс. врачей. Еще некоторое количество причастных к медицине специалистов — это фельдшеры, акушерки, женщины-врачи, которых выделяли в особую категорию. С началом первой мировой войны и, особенно, после 1917 г. нехватка врачей приобрела особенно ощутимые масштабы. В 1918—1919 гг. по гражданскому ведомству 39 губерний числилось около 8500 врачей и фельдшеров, более 16 тыс. были на фронте⁸.

В официальных документах признавался факт нехватки специалистов, лояльно настроенных по отношению к советской власти: «У нас еще мало своих специалистов. Приходится нанимать буржуазную голову и заставлять ее работать на Советскую власть. Поэтому к аресту специалиста надо прибегать лишь тогда, если установлено, что его работа направлена к свержению Советской власти... Надо считаться с целесообразностью, когда он больше пользы принесет: арестованным или на Советской работе»⁹. Глава ВЧК Дзержинский, осоз-

навая, что излишняя горячность может привести интеллигента в оппозиционный лагерь, постепенно отказываясь от массовых репрессий: «Лучше в 1000 раз ошибиться в сторону либеральную, чем сослать неактивного в ссылку, откуда он сам вернется, наверное, активным, а его осуждение сразу будет мобилизовано против нас.

Ошибку всегда успеем исправить. Высылку потому только, что он когда-то был меньшевиком, считаю вредным делом. Прошу дать ход этой моей записке»¹⁰.

Трудно сказать, были ли причастны врачи к преступлениям, в которых их обвиняли, — документы не дают полных сведений об этом. Но Семашко, судя по его пометам и ответам на корреспонденцию, мало интересовала степень их виновности. Свидетели событий того времени утверждали, что ему были свойственны далеко идущие планы. Так, по выражению генетика Н.В. Тимофеева-Ресовского, Семашко «... поставил себе совершенно сознательно задачи спасения науки в России и попытку протасить ее по возможности без потерь в революционные годы»¹¹. Скорее всего, это было связано с тем, что Семашко являлся руководителем государственной системы здравоохранения, в которой было крайне мало служащих.

Никаких резонансных дел, связанных с политическими или военными преступлениями, в документах нет. Но Семашко, соратник В.И. Ленина и «старый большевик», прежде всего — государственный деятель, который не питал иллюзий по поводу виновности врачей. В начале 1920 г. он писал: «Неужели не ясно, что всякий врач — прежде всего общественный работник и что общественная обстановка влияет на каждый шаг его деятельности... Общественный врач не может быть “аполитичным”. Он должен, не может не быть политиком, разумеется, если он не раб капитала и не наймит эксплуататоров...» Добросовестный санитарный деятель, по его мнению, должен был быть на стороне советской власти¹².

Однако, как вытекает из материалов переписки, врачи, опровергая тезис Семашко, оставались достаточно аполитичными. В письмах упоминаются случаи работы арестованных врачей на контрреволюционные силы; при этом медики не делают различий между работой в советской или белогвардейской больнице: «Полагая, что служба моя в армии Деникина, как мобилизованного врача, долг которого подавать помощь больным и раненым — кто бы они ни были, — не сделала меня врагом Советской власти, — считаю, что долговременное мое заключение (8 месяцев) является недоразумением или ошибкой...»¹³ Следуя своему профессиональному долгу, они не осознавали всей опасности подобного положения, которое в военное время считалось изменой государству. Такой случай произошел с врачом, который отмечал, что попал в германский плен в 1914 г., а после освобождения в 1919 г. «... был мобилизован белыми властями и назначен врачом санитарного поезда, в котором и работал у полка 6¹/₂ месяца. Затем, когда Архангельск был занят в феврале этого года советскими войсками, я так и остался в поезде со всем своим персоналом и продолжил работать...»¹⁴

Отстраненное поведение врачей, с одной стороны, не могло не вызвать недоверия и антипатии со стороны властных большевистских структур, а, с другой стороны, не позволяло, в большинстве случаев, обвинять их в серьезных преступлениях. Характерно, что и за-

шитники врачей, и их обвинители определяли политическую позицию обвиняемых схожим образом: «... не активный контрреволюционер, а просто беспартийный обыватель»¹⁵, «... в политическом отношении был всегда вполне лоялен»¹⁶.

Характер писем и телеграмм Семашко свидетельствует о том, что он торопился освободить арестованных. Например, в Президиум ВЦИК он написал: «... хотя явно обвинения на д-ра Фишмана является по существу несправедливым, я ходатайствую не о пересмотре дела, а лишь о применении к нему и д-ру Лебединскому... амнистии, чтобы окончательно ликвидировать это дело, имеющее 1½ годовую давность»¹⁷. Пересмотр дела мог замедлить освобождение врачей. Понимая это, Семашко предлагал применение амнистии не как справедливое, а как скорейшее решение вопроса.

Стандартным ответом Семашко на просьбы помочь было выяснение у местных органов ЧК, возможно ли освободить врача из-под стражи под поручительство большевиков. Например, в одной из телеграмм говорилось: «Сообщите за что арестован врач Зуев. Возможно ли освободить поручительство коммунистов»¹⁸.

Залогом доверия часто выступало личное знакомство самого Семашко с арестованным: «Прошу принять все меры освобождению... врача Щедровицкого, арестованного особым отделом ЦК. Щедровицкого знаю лично»¹⁹. Также Семашко ручался за невиновность обвиняемого, приводя в качестве доказательства его профессиональную ценность. Например, в телеграмме в Ревтрибунал Костромы говорилось: «Доктор Сперанский известен как давний хороший работник по туберкулезу предъявленное обвинение не вяжется с его прежней деятельностью. Прошу самым тщательным образом расследовать дело и назначить психиатрическую экспертизу»²⁰.

В адрес Семашко поступали тревожные известия о преследовании врачей местными органами ЧК: «Мне вновь приходится обращаться к Вам..., относительно невозможной обстановки, каковую создают здесь органы Губчека в работе Медперсонала в местных руководящих кругах Губчека, ко всякому врачу относятся, как к опасному и непримиримому контрреволюционеру... На губернском съезде Здраводелов большинство делегатов коммунистов, почти от всех уездов поступали жалобы на преследование со стороны органов Губчека Медперсонала особенно врачей, и это происходит в губернии, где врачи насчитываются единицами. Другой меры пресечения кроме ареста не существует». И далее: «Все эти бессмысленные беззакония положительно терроризируют местных врачей: вместо общего порыва и энтузиазма, с которым здесь работал медперсонал при самых тяжелых условиях эпидемии, сейчас заменяется замкнутость и бесконечное желание выбраться из Тюмени»²¹. Губернские отделы здравоохранения, обращаясь с просьбой об освобождении врачей, требовали от Наркомздрава «принять меры к прекращению арестов врачей без уважительных причин»²², при этом жалуюсь, что «... местная Учека знает свои распоряжения и дальше никого не признает»²³.

На периферии Советской России в начале 20-х гг. XX в. работало крайне мало врачей и медицинских работников вообще. Те больницы, в которых на службе состояло несколько медиков, даже если это число было меньше положенного, можно было считать достаточно

благополучными: «по Гомельскому узлу положено по смете 21 врач... Налицо же находится только 4 врача...»²⁴

Острая нехватка квалифицированных кадров приводила к тому, что один врач руководил двумя больницами и был в них единственным квалифицированным специалистом: «Арестован семнадцатой дивизией хирург Урбанович, обслуживающий два лечебных городских учреждения. Заменить некому»²⁵. Нормой стало и такое явление, при котором лечебным учреждением заведовал неспециалист: «К ноябрю 1919 года заведующий больницей 1-го Работного Дома военный врач заболел сыпным тифом и умер. Фельдшер тоже заболел сыпным тифом. Заведовать больницей остался практикант из военных санитаров... Сама больница — более чем на 100 штатных коек... Сама больница..., также как и все помещения 1-го Работного Дома были получены после хозяйничания белых совершенно в разрушенном виде... Отопление, ванны, баня, прачешная не действовали»²⁶; «... работает в Ивановской больнице 15 лет, является санитарным медицинским работником и во время отсутствия врача несет всю медицинскую работу»²⁷. Таким образом, в условиях недоброжелательного отношения со стороны большевистских органов власти, хозяйственной разрухи и значительно превосходящего возможности количества работы, врачи вынуждены были принимать решения в одиночку, что могло приводить к ошибкам.

К экстремальным условиям работы в лечебных учреждениях добавлялись инфекционные и возрастные заболевания: например, «кровохарканье»²⁸. Врачи просили принять меры «ввиду крайне плохого состояния здоровья»²⁹, жаловались на недомогания, связанные с военным временем: «не оправившись от болезни, полученной на фронте, я вынужден был с начала марта 1918 г. приступить к работе...»³⁰ Они, как и остальное население, испытывали бытовые проблемы — например, женщины могли между дежурствами в больнице уехать из города «за картошкой»³¹. К тяжелым условиям жизни часто добавлялась многолетняя разлука с родными: «с госпиталем был взят в плен в Германии» в начале первой мировой войны «и пробыл в плену почти 5 лет... Семьи своей я не видел уже 6 лет»³².

В исследуемых материалах врачи одиноки как социальные элементы общества. До революционных событий традиции врачебных обществ в России были довольно сильны и медики, при желании, могли стать их частью вне зависимости от места проживания. После революции и гражданской войны подавляющее большинство врачей оказалось вне профессиональных объединений. Знаменитая до революции общественная медицинская организация «Общество русских врачей в память Н.И. Пирогова» на съезде в конце 1917 г. приняла резолюцию с осуждением Октябрьской революции и была объявлена вне закона, а в 1922 г. прекратила свое существование³³. Медики, жившие вдалеке от крупных городов, лишились общения в своей профессиональной среде. В Витебске, Гомеле, Тюмени, Порхове, Режицах врачи оставались наедине со своими проблемами.

В крупных городах были возможны попытки повлиять на власть с помощью авторитета объединений. Например, организационный комитет, избранный от имени 700 врачей, присутствовавших на съезде по сыпному тифу в г. Петрограде, проходившем в марте 1920 г., обратился в ЦИК с просьбой освободить от наказания профессора Хольцова

и доктора Кудряшова ³⁴, признанных виновными «за несущественные непорядки в госпитале по хозяйственно-административной части».

Поддержка профессионального коллектива, тем не менее, не смогла спасти врачей, выступавших за отмену смертной казни. Так, Второй Всероссийский съезд врачебных секций и врачей Всемедикосантруда, проходивший весной 1922 г., выявил, по мнению Семашко, контрреволюционные течения, «которые было бы опасно оставлять без внимания» ³⁵. Во время высылки представителей цвета российской интеллигенции в конце 1922 г. (знаменитый «Философский пароход») среди 500 чел., по имеющимся данным, находилось 45 врачей, из них 10 — профессора университетов ³⁶.

Преступления, в которых обвинялись врачи в документах, можно разделить на три группы: в первую группу вошли дела о контрреволюционных действиях: «Доктор Урбанович арестован за шпионаж» ³⁷, «... был членом РСДРП (меньшевиком)» ³⁸, «... арестован за то, что у него в больнице якобы лечился один из банды Антонова» ³⁹, «обвиняемый якобы в сочувствии германцам во время оккупации» ⁴⁰.

Вторая обширная группа причин ареста связана с преступлениями по должности — отказ в оказании помощи больному ⁴¹, бездействие, получение взятки, кража больничного имущества, грубое обращение с больными ⁴², «арестована за неявку на службу» ⁴³.

К третьей, малочисленной, группе относятся обвинения, связанные с реалиями военного времени: «задержали, т.к. у нее не было пропуска» ⁴⁴. Но часто причина ареста оставалась неизвестной: обвинение не предъявлено, нет «никаких указаний на причину ареста» ⁴⁵; «... в течение двух месяцев, как арестован... до сих пор не предъявлено конкретных обвинений... до сих пор еще не было произведено допроса» ⁴⁶.

Революциям свойственно содействовать приходу к власти людей сомнительных моральных качеств. Некоторые из них стремятся сделать карьеру любой ценой, другие — расправиться со своими обидчиками. Такие люди находились в местных органах власти и здравоохранения. Нередки в письмах предостережения Семашко: «Имею основания предположить оговор» ⁴⁷, «... подозревается интрига. Будьте осторожны» ⁴⁸ и др. Помимо пристрастного отношения к обвиняемым, проблемы могли быть связаны и с некомпетентностью руководства в вопросах здравоохранения. Известно, что советская власть на руководящие должности выдвигала преимущественно людей, имевших дореволюционный стаж пребывания в партии большевиков, которые подчас отличались невысоким уровнем образования и отсутствием опыта руководящей работы. В письмах есть требование о необходимости введения в судебный процесс экспертов в случаях суда над специалистами, в том числе и медиками, так как «... медицина и санитария это как раз такие области, в которых все считают себя вполне сведущими, а на самом деле ничего не понимающими» ⁴⁹.

Личный авторитет позволял Николаю Александровичу добиваться требуемого. Часто после его вмешательства приходили телеграммы, подобные следующей — из Тамбова от 3 марта 1920 г.: «Зуев освобожден» ⁵⁰. Интерес представляет дело врача О.И. Сомова, заведующего зубздравотделом Перми. Чрезвычайная Комиссия вынесла постановление о предании суду Пермского губернского рев. трибунала врача Сомова, предварительно установив его виновность в серьезных про-

ступках: получении взяток, бездействии властей, краже больничного имущества, грубом обращении с больными и др.⁵¹ Но после обращения к Семашко Председателя реввоен трибунала Волжско-Каспийской флотилии Кажевникова, который характеризовал Сомова как старого партийного работника и объяснял обвинение сведением личных счетов с завгубздравотдела⁵², Сомов был освобожден и командирован в состав санчасти Волжско-Каспийской флотилии по собственному желанию⁵³.

Лекарскому помощнику Кудрявцеву, ставшему волею судеб врачом мест заключений Перми, было предъявлено очень серьезное обвинение в «преступном повышении и бездействии власти, последствием коих было увеличение заболеваемости и смертности среди больных заключенных», а также недопустимых отношениях между ним и тюремной администрацией, обременении народной казны излишними расходами и полном разладе в больнице. Постановлением суда Пермского губернского рев. трибунала он был осужден на заключение в Рабочем доме Перми сроком на три года⁵⁴.

Зубной врач Мартынова, которая была задержана, потому что не имела пропуска, была освобождена в день получения телеграммы от Семашко с требованием освободить ее и командировать в Москву⁵⁵.

Семашко не ограничивается освобождением врачей. В его корреспонденции есть требования в отношении органов местной власти: «Предайте суду Рузаевский Исполком за бездействие на борьбе с эпидемией»⁵⁶. Запутанное дело врача Колпенской, в котором, явно чувствуется неповиновение со стороны местных органов ЧК и здравоохранения и за которую Семашко лично ручался, разрешилось победой Семашко: «За недобросовестное по признанию Народного суда обвинение Врача Колпенской за незаконное преследование Заведующий Здравотделом предается Суду ВЧК»⁵⁷.

Письма — сами по себе крайне субъективный исторический материал, а письма обвиняемых или арестованных — тем более. Обращения к Семашко далеко не всегда позволяют увидеть окончание дела арестованных врачей — невозможно установить степень их виновности или невиновности в тех проступках и преступлениях, в которых они обвиняются. Но в письмах отразились все трудности жизни в Советской России того времени (дисциплинарные, трудовые, продовольственные), проблемы межличностных контактов и отношений с органами советской власти. Они позволяют увидеть живых людей, которые просто выполняли свой профессиональный долг, став основой зарождающейся советской системы здравоохранения.

Характер переписки и ее результаты позволяют считать медицинскую интеллигенцию особым слоем, существованию которого придавалось важное социальное и политическое значение в первые годы после Октябрьской революции. Этим можно объяснить лояльное отношение Семашко к врачам, не сочувствовавшим Советской власти, отмену приговоров или их смягчение, противостояние с местными органами власти.

Примечания

1. МИРСКИЙ М.Б. Медицина России X—XX веков: Очерки истории. М. 2005, с. 393.
2. ВОЛКОВ С.В. Интеллектуальный слой в советском обществе. М. 1999, с. 12.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 482, оп. 1, д. 226. Переписка с ВЧК об арестах, освобождении из под ареста врачей. Январь 1920 — сентябрь 1922 г.
4. МОЗОХИН О.Б. Внесудебные полномочия ВЧК. В кн.: Исторические чтения на Лубянке. 1998 год. Российские спецслужбы на переломе эпох: конец XIX века — 1922 год. М. 1999, с. 82.
5. Известия ВЦИК. № 70 (334) от 10 апреля 1918 г., с. 1.
6. ГА РФ, ф. 482, оп. 1, д. 226, л. 53.
7. Там же, л. 120.
8. УЛЬЯНОВА Г.Н. Здравоохранение и медицина. В кн.: Россия в начале XX века. М. 2002, с. 624.
9. ЛАЦИС М.И. Чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией. М. 1921, с. 54—55.
10. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 76, оп. 3, д. 150, л. 20.
11. МИРСКИЙ М.Б. Ук. соч., с. 404.
12. СЕМАШКО Н.А. Политика и санитария. В кн.: СЕМАШКО Н.А. Избранные произведения. М. 1967, с. 199—200.
13. ГА РФ, ф. 482, оп. 1, д. 226, л. 206.
14. Там же, л. 244.
15. Там же, л. 110об.
16. Там же, л. 277.
17. Там же, л. 104.
18. Там же, л. 81.
19. Там же, л. 194.
20. Там же, л. 176.
21. Там же, л. 310.
22. Там же, л. 288.
23. Там же, л. 148об.
24. Там же, л. 58.
25. Там же, л. 44.
26. Там же, л. 110.
27. Там же, л. 277.
28. Там же, л. 80.
29. Там же.
30. Там же, л. 76.
31. Там же, л. 148.
32. Там же, л. 244.
33. МИРСКИЙ М.Б. Ук. соч., с. 354.
34. ГА РФ, ф. 482 оп. 1, д. 226, л. 76—77.
35. РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 23 224, л. 1—1об.
36. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921—1923. М. 2005, с. 41.
37. ГА РФ, ф. 482, оп. 1, д. 226, л. 45.
38. Там же, л. 382.
39. Там же, л. 80.
40. Там же, л. 8.
41. Там же, л. 374.
42. Там же, л. 90об.
43. Там же, л. 179.
44. Там же, л. 148.
45. Там же, л. 412.
46. Там же, л. 80.
47. Там же, л. 20.
48. Там же, л. 24.
49. Там же, л. 111об.
50. Там же, л. 82.
51. Там же, л. 88—90об.
52. Там же, л. 85.
53. Там же, л. 92.
54. Там же, л. 113.
55. Там же, л. 149.
56. Там же, л. 18.
57. Там же, л. 130.

Британская компания «Виккерс» и производство 14-дюймовых орудий для России в 1914—1916 гг.

С.Е. Виноградов

Аннотация. При переходе в начале 1910-х гг. к серийному производству сверхдредноутов и началу строительства новых морских крепостей на Балтике русское Морское министерство столкнулось с проблемой нехватки промышленных мощностей для изготовления орудий крупнейших калибров. Для преодоления данного затруднения в 1912 г. было принято решение о создании, при технической помощи известного британского концерна вооружений «Виккерс», нового большого артиллерийского завода в Царицыне на Волге. Завод получил крупный правительственный заказ на морские орудия, изготовление которых в обстоятельствах нехватки времени было целиком передано на заводы «Виккерс» в Англии. Компания выполнила часть заказа. Поступившие в Россию в 1915—1916 гг. 14-дм (355,6-мм) орудия уже в советское время были использованы в системе береговой обороны и обороне Ленинграда в 1941—1944 годах.

Ключевые слова: Российский Императорский флот, сверхдредноуты, 14-дюймовые орудия, первая мировая война, английская фирма «Виккерс».

Abstract. At the transition in the early 1910's to the serial construction of superdreadnoughts and the beginning of the construction of new sea fortresses in the Baltic Sea, the Russian Naval Ministry faced the problem of a shortage of industrial capacities for making the guns of largest caliber for them. To overcome the problem, it was decided in 1912 to create, with the technical assistance of the famous British armament company Vickers Ltd., a new large artillery plant in Tsaritsyn on the Volga. The enterprise received a large Government order for naval guns, the manufacture of which, in circumstances of lack of time, was transferred to the Vickers' factories in England. The company fulfilled part of the order for large-caliber guns. Delivered in Russia in 1915—1916, 14-inch (355,6-mm) guns were already used during the Soviet era in the coastal defense system and in the defense of Leningrad in 1941—1944.

Key words: Imperial Russian Navy, superdreadnoughts, 14-inch naval guns, World War One, English company Vickers Ltd.

Аспекты изготовления британской компанией «Виккерс» орудий для Российского Императорского флота накануне и во время первой мировой войны отмечались в работах отечественных и зарубежных ис-

Виноградов Сергей Евгеньевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального музея Вооруженных Сил МО РФ. E-mail: sergei101000@mail.ru.

Vinogradov Sergei E. — PhD in history, senior researcher at the Central Museum of the Armed Forces of the Ministry of Defense of Russian Federation. E-mail: sergei101000@mail.ru.

ториков, однако комплексно данный вопрос не изучался ¹. Фирма исполняла для России несколько крупных заказов во всем диапазоне морских калибров — от 16 дм (406,4 мм) до 40 мм, степень исследованности по каждому из которых варьируется достаточно широко. К разряду наименее изученных относится проблема изготовления и поставки наиболее мощных из серийных, 14-дм (355,6-мм) орудий в 52 калибра длиной (то есть 18,5 м). Они предназначались для строящихся с 1913 г. в Петербурге сверхдредноутов типа «Измаил» и башенных батарей предположенной к сооружению в районе Ревеля крупнейшей морской крепости ².

Привлечение представительного британского концерна вооружений к этой работе было неслучайным. «Виккерс» ³ (основана в 1829 г.), изначально сталелитейная, а затем бронепрокатная фирма из Шеффилда, с 90-х гг. XIX столетия активно развивалась в направлении производства вооружений, в том числе военно-морских. Одна из 2—3 в мире, компания создала полный цикл производств, позволявших сооружать боевые корабли любых размеров, вплоть до крупнейших и сложнейших из тогдашних систем оружия — линейных кораблей и крейсеров. В 1897 г., с приобретением судостроительной фирмы в Барроу (западное побережье Англии), «Виккерс» на базе ее мощностей деятельно приступила к развитию военного кораблестроения. Были построены новые стапеля, большой отдел орудийных установок всех типов и калибров, расширены и модернизированы судосборочное и машиностроительное производства. Только на изготовлении орудийных башен для боевых кораблей в 1900 г. в Барроу было занято более 1500 человек. В Шеффилде компания воздвигла огромный, оснащенный по последнему слову техники, завод «Ривер Дон Уоркс» (River Don Works) по производству орудий всех калибров ⁴.

В 1905—1908 гг. «Виккерс» построила по русскому заказу большой броненосный крейсер «Рюрик», с полным вооружением, броней и машинным оснащением. Наиболее примечательно то, что вся его крупнокалиберная артиллерия была исполнена по русским чертежам в соответствии с русскими конструктивными принципами, которые в корне отличались от технологий, принятых тогда в Англии (и, в частности, использовавшихся на «Ривер Дон Уоркс»). Однако фирма, учитывая пожелания заказчика, смело пошла на освоение малознакомых инженерных решений, увенчавшееся, хотя и не без известных огрехов, весомым успехом. Постройка «Рюрика» стала важнейшей вехой в деле установления тесных связей между Российским Императорским флотом и «Виккерс», когда стороны отработывали принципы взаимоотношений на перспективу. Для компании эта работа была весьма значима в контексте реализации планов ее бизнес-экспансии на мировом рынке оружия. Русская же сторона намеревалась воспользоваться опытом и возможностями «Виккерс», чтобы модернизировать национальную индустрию военно-морских вооружений, а также перенять ряд передовых технологий фирмы, в особенности — в артиллерийском деле. С конца XIX в. компания активно участвовала в поставке морских орудий как для британского, так и для ряда иностранных флотов. Фирма не жалела средств на приобретение наиболее технически перспективных патентов (например, на поршневой секторный затвор конструкции шведа А. Уэлина) и первой в мире

перешла на применение для изготовления оружейных стволов легированной стали, более прочной, чем общепринятая углеродистая.

Еще в 1911 г. «Виккерс» рассматривалась русским Морским министерством как возможный поставщик 14-дм орудий для флота. Изучая возможность заказа орудий для трех будущих черноморских линкоров за границей, в начале мая 1911 г. оно разослало шести ведущим европейским оружейным компаниям приглашение поучаствовать в поставке 37 14-дм орудий⁵. Первой откликнулась «Виккерс». 28 июля представителем компании в Петербурге инженером П.И. Балинским был передан в МТК проект 14-дм орудия в шести вариантах (I—VI). Орудие имело относительную длину ствола в 52 калибра (в варианте II — 45 калибров) и при рабочем давлении в 2850—3000 атм. должно было сообщать 600-кг снаряду начальную скорость 895 м/с (в «укороченном» варианте II она понижалась до 823 м/с). В отношении конструкции ствола все варианты следовали принятому в русском флоте способу скрепления цилиндрами, и лишь вариант V был разработан по традиционной для британского флота системе скрепления высокопрочной проволокой, навитой поверх внутренней трубы по всей длине ствола и скрепленной кожухом⁶. Вес ствола с затвором составлял 81,5—102,1 тонн. Данный план, в связи с последовавшим вскоре решением о вооружении будущих черноморских дредноутов не 14-дм, а 12-дм орудиями, не был реализован.

В 1912 г. возникла идея привлечения инженерных и производственно-технологических возможностей компании для нового большого начинания. Русское Морское министерство приняло решение приступить к постройке крупнейшего завода для выпуска морских орудий всех калибров, ведущая роль в проектировании и поставке оборудования для которого отводилась «Виккерс». Официальным контрагентом значилось новоиспеченное Русское Акционерное общество артиллерийских заводов (РАОАЗ). Ему Морским министерством прямо предписывалось для организации производства и постройки завода в Царицыне на Волге (ныне Волгоград) войти в соглашение с «Виккерс». Фирма по условиям договора несла всю ответственность за практическую сторону дела⁷. Немаловажно, что «Виккерс» являлась одним из акционеров нового предприятия, владея 20% акций русского общества, а в состав правления РАОАЗ был введен один из директоров «Виккерс» — Френсис Баркер⁸.

Постройка завода осуществлялась из средств, ассигнованных для изготовления РАОАЗ первой партии орудий для флота. Однако поскольку производство пока существовало только на бумаге, изготовление большей части всех орудий данного заказа передавалось Русским Обществом по субконтракту на заводы «Виккерс» в Англии. Примечательно, что еще до заключения официального контракта, представителю РАОАЗ был по распоряжению морского министра адмирала И.К. Григоровича выдан, для передачи фирме с целью экономии времени в предпринятом деле, секретный проект 14-дм орудия (чертеж № 35 555) с целью согласования вопросов технологического порядка⁹.

Спроектированное Артиллерийским отделом Главного управления кораблестроения (ГУК) новое 14-дм орудие конструктивно представляло собой увеличенный вариант предшествующего русского 12-дм/52 орудия «образца 1909 г.»¹⁰. Его относительная длина

ствола была принята такой же — пояснялось, что проектируется пушка, «в которой работа газов была бы использована полностью, т.е. [длиной] 52 калибра»¹¹. Внутренняя труба орудия скреплялась тремя слоями цилиндров и, поверх них, в казенной части орудия на протяжении 40% длины, еще и массивным кожухом. Последовательно надеваясь на трубу в разогретом состоянии, эти элементы, остывая, плотно обжимали всю стальную конструкцию, формируя в ней начальные центростремительные напряжения. Традиционные технологии «Виккерс» по скреплению орудий были принципиально иными и основывались на обмотке ствола несколькими десятками слоев высокопрочной стальной проволоки (ленты), общая длина которой доходила до 250 км. Это решение сказывалось на весе орудия — его внутреннюю трубу и внешнюю оболочку, для придания стволу необходимой продольной прочности, приходилось выполнять более массивными.

Русский способ делал более легким вес ствола в целом и, таким образом, являлся более прогрессивным. Так, вес 45-калиберных 14-дм орудий «Виккерс» для японских линейных крейсеров «Конго» и «Хизэй» составлял 86 тонн. У русского 52-калиберного (на 2,5 м более длинного) он был существенно меньше — 83,3 тонны¹². В целом же «Виккерс», хорошо освоив в 1906—1908 гг. русские технологии скрепления 10- и 8-дм морских орудий при работе над «Рюриком», не усматривала особых сложностей для выполнения предстоящего заказа накратно более мощные 14-дм орудия, а русская сторона не выражала сомнений в успехе, вполне доверяясь уже испытанному партнеру.

Официальная история заказа Россией 14-дм орудий компании «Виккерс» началась осенью 1913 г., когда Морское министерство заключило с РАОАЗ контракт на поставку 36 14-дм, 30 8-дм и 101 130-мм орудие. Его стоимость равнялась 10 633 тыс. руб., вперед казна уплачивала $\frac{1}{3}$ всей суммы¹³. Договором предписывалось изготовить все орудия по чертежам Морского министерства (§ 3, ч. II) из легированной (хромоникелевой) стали (§ 4, ч. II)¹⁴. Производство большей части 14-дм орудий (24 единицы) на заводах «Виккерс» в Англии прямо оговаривалось § 13, ч. II контракта. После всех необходимых инструментальных и визуальных проверок и приемки на месте артиллерийскими инспекторами ГУК они доставлялись в Россию за счет фирмы. Для этого компания самостоятельно фраговала пароходы с необходимыми характеристиками грузоподъемности и вместимости, а также страховала груз от внезапной потери и оплачивала ввозную пошлину. Из пункта выгрузки пушки доставлялись силами Морского министерства на полигон Комиссии Морских артиллерийских опытов (КМАО) ГУК под Петербургом, где уже проходили испытания в требуемом объеме, после чего приводились в порядок (чистились, полировались) опять-таки за счет фирмы. Исключение составляло первое орудие, которое, согласно § 8, ч. II, требовалось испытать в Англии на полигоне фирмы 15-ю выстрелами практическими снарядами, изготовленными компанией за ее собственный счет по русским чертежам, но русским порохом, доставленным заказчиком фирме.

Назначались сроки поставки. Первую пушку надлежало доставить к набережной русского порта к 1 сентября 1914 г., после чего орудия должны были прибывать по два ежемесячно. Доставку на полигон всех 24 14-дм орудий следовало обеспечить к 1 сентября 1915

года ¹⁵. Для наблюдения за всеми стадиями процесса изготовления орудий Артиллерийский отдел ГУК командировал в Англию одного или двух артиллерийских офицеров-приемщиков. Фирме за свой счет надлежало предоставить им для проживания «приличное помещение».

Цена одного орудия определялась контрактом Морского министерства с РАОАЗ в 185 тыс. руб., в которую входила «стоимость запасных частей и принадлежностей по ведомости казенных заводов для соответствующих орудий» ¹⁶. Однако собственно для фирмы «Виккерс» она понижалась до 140 378 руб. (76% контрактной цены, или 14 037 фунтов стерлингов за орудие с затвором и запасными частями, из расчета 1 фунт за 10 руб.) ¹⁷. Остальное составляли пошлина, провоз орудий до полигона и «комиссионные» (6%) русских партнеров — руководства и акционеров РАОАЗ.

Небезынтересным представляется проследить соотношение ценовых параметров изготавливаемых «Виккерс» тяжелых линкорных орудий для британского и других флотов с аналогичными параметрами русского заказа. 12-дм орудия в 45 и 50 калибров (весом соответственно 56 и 64 т) первых английских дредноутов изготавливались в 1908—1913 гг. по цене 162,3 и 166,1 фунтов за тонну. 9 14-дм пушек для японского заказа, линейного крейсера «Конго», расценивались по 11 500 фунтов за орудие или по 142 фунта за тонну. 97-тонные 15-дм орудия для сверхдредноутов Королевского флота шли по 14 002 фунта за пушку, что дает 144,9 фунта за тонну изделия ¹⁸. Изготавливая 14-дм орудия для России по цене 14 037 фунтов за каждое, фирма зарабатывала по 168,5 фунтов за т изделия. Таким образом, показатель относительной цены пушек русского заказа находился на верхнем пределе значений, получаемых «Виккерс». С учетом прибыльности данного производства в диапазоне от 60 до 130%, представляется обоснованным предположение о том, что доход компании при реализации этого проекта был не менее привлекателен.

Следует пояснить, что передача изготовления крупной партии тяжелых морских орудий новоиспеченному РАОАЗ, а, фактически — британской «Виккерс», стала вынужденной мерой, на которую пришлось пойти русскому Морскому министерству в сложившихся обстоятельствах. Летом 1913 г. Обуховский завод только окончил изготовление первого 14-дм орудия в 52 калибра, подлежащего детальным испытаниям на полигоне КМАО для установления всех его фактических качеств перед запуском в серию. Ранее, в мае 1913 г., ОСЗ получил от ГУК наряд на изготовление еще 40 14-дм орудий ¹⁹. Между тем подобных пушек требовалось: для вооружения четырех сверхдредноутов 48, запасных к ним «по положению» — еще 12, для вооружения Ревельской крепости — 18 и для морского полигона — 4. Из общего числа необходимых 82 орудий (не считая первого, опытного) 36 были заказаны РАОАЗ («Виккерс») ²⁰. Однако изготовление 40 14-дм орудий ОСЗ оставалось под определенным вопросом. Завод, хотя и располагал мощностями для ежегодного производства до 36 подобных пушек, был загружен еще целым рядом срочных крупных заказов. Из них наиболее важной и масштабной было изготовление около 200 12-дм/52 орудий для строящихся дредноутов и береговой обороны. В подобных условиях привлечение дополнительного контрагента становилось неизбежным.

Получив желанный заказ — по реестру «Виккерс» № 585/13 — компания энергично принялась за изготовление орудий. Отливка и ковка их частей (внутренняя труба, скрепляющие цилиндры, кожух) были начаты на заводе «Ривер Дон Уоркс» в декабре 1913 года. В январе приступили к изготовлению затворов: стальных частей — в Шеффилде и бронзовых — на заводе в Иресе (к востоку от Лондона). На 1 февраля 1914 г. были отлиты и откованы части стволов для первых 5 орудий, началась их грубая токарная обточка ²¹.

Поначалу компания смотрела на сроки выполнения заказа чрезвычайно оптимистично. 19 февраля 1914 г. от нее поступила телеграмма, содержащая «встречный план» изготовления и отгрузки орудий. Готовность первого 14-дм орудия к отправке намечалась на июль 1914 г. («ready for dispatch»), последнего — на декабрь 1914 года ²². Таким образом, всю поставку планировали осуществить на 8 месяцев раньше срока. Русская сторона, энергично строившая в это время сверхдредноуты типа «Измаил» и башенные батареи новой морской крепости у Ревеля, для которых предназначались пушки, всячески приветствовала такой план действий.

Однако начало войны летом 1914 г. внесло в него кардинальные изменения. Действующий флот забил тревогу: 8-дм орудия наличных линкоров-додредноутов как на Балтике, так и на Чёрном море имели предельный износ и срочно нуждались в замене новыми — в противном случае боеготовность кораблей оценивалась морским командованием как условная (проблема имела уже почти годичный возраст). Казенный орудийный Обуховский завод (ОЗ) был перегружен наличными заказами, поэтому единственным, кто мог поспособствовать в данной ситуации, оставался британский союзник, поскольку «Виккерс» уже исполняла для Морского министерства 8-дм орудия. Постановлением Совета министров от 31 октября 1913 г. РАОАЗ предоставлялось право изготовления всех заказанных ему 7 октября 1913 г. 30 8-дм орудий. Разрешение последовало по представлению морского министра, поскольку «выяснилась необходимость замены 8-дюймовой артиллерии на плавающих судах флота новыми орудиями ранее первоначально намечавшихся сроков... вследствие [чего] и за невозможностью изготовить потребные орудия в России» весь заказ на них автоматически переходил к «Виккерс» ²³. 12 июля 1914 г. было доказано еще четыре аналогичных орудия со сроком поставки 1 апреля 1915 года ²⁴.

Однако фирма не могла ускорить производство 8-дм пушек в условиях работы сразу над четырьмя крупными заказами для России. Фактически у компании в работе находились 24 14-дм/52 орудия для «измаилов» и Ревельской крепости, 12 12-дм/40 и 34 8-дм/50 орудий для наличных линкоров-додредноутов, а также 101 130-мм/55 пушка для дредноутов и легких крейсеров.

Единственным выходом из сложившейся ситуации руководство Морского министерства посчитало приостановку фабрикации фирмой партии 14-дм пушек (поскольку вступление в строй сверхдредноутов в обозримом будущем не просматривалось) и ускорение, за счет освобождающихся мощностей, подачи ей 8-дюймовых пушек. Решение было доведено до флотов: «Отделом [артиллерийским ГУК] с самого начала войны неоднократно указывалось заводу Виккерса

на необходимость принятия всех мер для ускорения сдачи 8-дм орудий, замедлив для этого сдачу 14-дм орудий» и доложено Николаю II ²⁵.

На подобное решение оказало влияние и еще одно соображение. С осени 1914 г. единственным русским пунктом, куда после закрытия балтийских и черноморских проливов могли быть доставлены 14-дм орудия из Англии (вокруг Скандинавии через Баренцево и Белое моря) оставался Архангельск. В 1914—1915 гг. он все еще был весьма плохо оборудованным причальными и крановыми средствами портом, к тому же доступным для навигации в среднем лишь с 1 мая по 1 ноября.

Однако даже прибытие орудий в Архангельск было только частью вопроса. Неразрешимой проблему делало отсутствие надежных средств дальнейшей перевозки пушек сухим путем. От места выгрузки им предстояло проделать немалый путь по железной дороге до Вологды, а затем до Петрограда. Первая часть пути составляла 595 верст, вторая — 557. Вес орудия вместе со специальным многоосным транспортером достигал 120 т (без учета веса локомотива, добавлявшего еще около 120 т). Это превосходило пропускные возможности имевшейся однопутной железной дороги Архангельск — Вологда, проходившей через вековые леса и бескрайние болота, постоянно проседавшей, ремонтировавшейся и имевшей к тому же узкую колею. В течение 1915 г. она была перешита на широкую колею, общепринятую для железных дорог империи — фактически, рядом с существовавшим построили новый путь. Движение по обновленной трассе открылось в январе 1916 года ²⁶. С этого момента доставка таких тяжелых и габаритных грузов, как 14-дм орудия, переходила в разряд возможных.

Первые три 14-дм орудия летом 1914 г. в Шеффилде были уже практически готовы (на одном из них не был до конца пригнан затвор), а еще у трех собраны и нарезаны стволы без оформления казенной части (не ввернуты казенники и не надеты перекрывающие кольца) ²⁷. В связи со сменой приоритетов их дальнейшая фабрикация — отливка и ковка отдельных конструктивных частей и обработка, сборка стволов, нарезка и отделка — откладывалась на неопределенный срок.

Работа над 14-дм орудиями возобновилась только летом 1915 года. 16 сентября 1915 г. было испытано стрельбой первое орудие № 1463, отобранное для установочной пробы всей партии артиллерийским приемщиком ГУК капитаном 2-го ранга Б.Д. Яшновым. Из его донесения от 4 октября 1915 г. следовало: «На полигоне было произведено из орудия 15 выстрелов, после 9-го снятый обмер не показал расширения канала или каморы, сдвига слоев или казенника, но обнаружил износ снарядного ската и нарезов на длине приблизительно 10 калибров от их начала. Износ у самого начала выразился 0,038 дм [0,97 мм] и падал крайне равномерно» ²⁸. В начале октября орудие было приведено в порядок после стрельбы (очищен и повторно отполирован канал ствола), после чего его приняли окончательно и начали готовить для отправки в Россию.

Для перевозки орудий морем из Англии до Архангельска «Виккерс» изыскивала пароходы, подходившие по вместимости и грузоподъемности. Таковыми стали «Комб» (Combe), «Найтсгарт» (Knightsgarth), «Буканир» (Buccaneer), «Гектор» (Hector) и «Таррет Чиф» (Turret Chief) ²⁹. Габаритные 14-дм орудия, несмотря на их вну-

шительный вес (83 т), крепили на палубе пароходов, что, конечно, в какой-то мере сказывалось на остойчивости. Проблему решали загрузкой в трюмы других грузов: металлообрабатывающих станков, различных предметов вооружения, полуфабрикатов и т.п.

Первым из отправленных в Россию 14-дм орудий стал ствол № 1464. Однако доставка не состоялась. Пароход «Комб», перевозивший пушку, 12 октября 1915 г. пошел на дно вместе с ней и со всеми прочими грузами³⁰. Поскольку орудия, перевезившиеся морем, подлежали страховке, фирме приходилось изготовить взамен потерянного новое орудие, отливку и ковку частей которого начали незамедлительно³¹. В октябре 1915 г. на пароходе «Найтсгарт» в Россию было отправлено 14-дм орудие № 1463. Оно успешно прибыло в Архангельск и было складировано в порту до следующего года.

Затянувшаяся война, начавшиеся проблемы с топливом, металлом и рабочей силой, а также отвлечение деятельности заводов Морского ведомства для нужд армии заставили пересмотреть довоенные планы фабрикации 14-дм орудий. Несколько стволов «русской поставки» находились на ОСЗ в различной стадии готовности, и с осени 1914 г. их сборка также была фактически прервана. Учитывая сложившуюся ситуацию, Совет министров разрешил РАОАЗ «все заказанные Обществу по контракту от 7 сентября 1913 г. орудия изготовить в Англии». Проще говоря, «Виккерс» теперь поручалось отлить все 36 14-дм орудий³².

4 февраля 1916 г. начальник Отдела общих дел ГУК генерал-майор Л.А. Ковесский уведомил об этом Правление РАОАЗ, отметив изменения в контракте. Они состояли в том, что выражение § 15 «Остальные 12 орудий 14-дм калибра должны быть изготовлены в России контрагентом» заменялось на «Остальные 12 орудий 14-дм калибра Контрагент изготавливает на заводе фирмы Виккерс». Вместо § 17 вносилось: «орудия доставляются Контрагентами за их счет и с оплатой пошлиной на пароходе (fob) к набережной одного из русских портов по указанию Морского Министерства, а равно из этого порта на платформах Контрагентом по железным дорогам на Морской полигон»³³.

Компания охотно приняла дозаказ еще на 12 орудий — технология производства 14-дм пушек для России была уже отработана, опытное орудие успешно прошло пробу, поэтому добавочное тиражирование освоенного изделия, не обещая особых хлопот, сулило ощутимый доход. Стоимость дополнительных пушек оставалась прежней. Срок поставки последней из них устанавливался 14 апреля 1916 года³⁴.

С открытием навигации 1916 г. началась отправка готовых 14-дм орудий в Россию. Вновь ожили надежды на ввод в строй хотя бы одного линейного крейсера — им был избран «Измаил». Руководство Морского министерства, стремясь обеспечить корабль главной артиллерией «Виккерс», засыпало фирму письмами с настоятельными просьбами об отправке в Россию в навигацию 1916 г. еще 9 14-дм орудий в дополнение к имевшимся трем. Это давало полный комплект для сверхдредноута — 12 стволов, что, исходя из состояния работ по английскому заказу, представлялось вполне реальным.

В июне 1916 г. в Россию на пароходе «Таррет Чиф» были отправлены и благополучно прибыли в Архангельск орудия № 1465 и 1466,

изготовленные еще в 1915 году. В начале июля на «Ривер Дон Уоркс» новый артприемщик ГУК подполковник А.А. Борисов принял орудие № 1467. В рапорте за июль он сообщал, что «три следующие пушки находятся в большой степени готовности и будут приняты, по всей вероятности, в течение июля» и что требуемые ГУК «9 14-дм пушек безусловно будут изготовлены и отправлены в текущую навигацию»³⁵.

В соответствии с распоряжением ГУК от 12 июля 1916 г., орудия от фирмы «Виккерс», прибывавшие в Архангельск, следовало отправлять на Обуховский завод³⁶. Все три прибывшие из Англии 14-дм пушки (№ 1463, 1465, 1466) были летом 1916 г. благополучно доставлены по новой колее Архангельско-Вологодской железной дороги в Петроград и складированы на ОСЗ.

В августе в Архангельск на пароходе «Буканир» прибыло орудие № 1467. Его разгрузили на пристани, где на время и оставили. Следующие 14-дм орудия № 1468 и 1469 были перевезены из Шеффилда в Барроу и 18 (31) июля погружены на пароход «Найтсгарт». Пароход перешел в Ливерпуль и 10 (23) августа отправился по назначению в Россию.

Очередные два орудия, № 1470 и 1471, принятые на «Ривер Дон Уоркс» во второй половине июля подполковником Борисовым, были отправлены в Россию на пароходе «Таррет Чиф». С их прибытием 1 сентября на набережной оказалось 5 14-дм и 4 12-дм орудий. Это скопление огромных пушек, которые, как отмечалось в телеграммах-молниях местного начальства в ГУК, «чрезвычайно стесняют выгрузку пароходов на пристанях», крайне нервировало портовую администрацию, требовавшую немедленно вывезти орудия³⁷.

2 сентября орудия № 1468 и 1469, прибывшие на «Найтсгарт», погрузили на транспортеры и отправили в Петроград. 13 сентября пушки прибыли на ОСЗ. 8 сентября из Архангельска отправились на ОСЗ орудия № 1470 и 1471.

В течение августа 1916 г. подполковник Борисов принял в Шеффилде орудие № 1472, а в сентябре — № 1473. В своем августовском донесении в ГУК он отмечал, что «пушки по № 1479 включительно находятся в большой степени готовности и могут быть сданы заводом в течение двух месяцев. Точно указать время готовности каждой пушки весьма трудно, точно также и решить вопрос об их отправке в Россию в текущую навигацию»³⁸. Тем не менее, орудия № 1472 и 1473 в конце сентября удалось отправить из Англии на пароходе «Гектор» до наступления в Белом море ледостава. «Гектор» благополучно прибыл в Архангельск, откуда его орудия в сопровождении ствола № 1467, доставленного ранее пароходом «Буканир», 28 сентября 1916 г. отправились в Петроград.

Таким образом, в августе-октябре 1916 г. на ОСЗ поступило в общей сложности 10 14-дм орудий производства «Виккерс». Их номера — 1463, 1465—1473³⁹. Подполковник Борисов в сентябре сообщал из Англии, что «в большой степени готовности находятся еще три орудия №№ 1474, 1475 и 1476, каковые не могут быть отправлены в этом году». Он также отмечал, что «в настоящее время работы по изготовлению орудий заводом Виккерса сильно двинуты вперед. Последнее можно приписать окончанию заводами Виккерса наряда на гаубицы Русской полевой артиллерии»⁴⁰. Всего на 1 октября было

нарезано 16 14-дм орудий, принято 11, все из которых были отправлены в Россию (прибыло, как уже отмечалось, 10) ⁴¹.

Больше в Россию 14-дм пушек от «Виккерс» не поступало. Из 5 орудий, находившихся, согласно донесениям из Шеффилда, «в высокой степени готовности» (№ 1474—1479), было окончательно готово по меньшей мере три. В начале весны 1917 г., после смены власти в России, сопровождаемой бурными изменениями в общественно-политической жизни, правительство Великобритании приостановило отправку предметов вооружения и оборудования «до прояснения картины». Британский исследователь Дж. Кемпбелл сообщает, что 14-дм орудий для России всего было изготовлено 16, три из которых (новое английское обозначение — 14-in Mk VI), решено было установить на железнодорожные транспортеры и использовать на сухопутном фронте во Франции. Однако данный проект, реализация которого затянулась почти до конца войны в 1918 г., не был завершен. Возможно, армию не устроили характеристики начальной скорости снаряда, которая после вынужденного перехода с отсутствовавшего у англичан русского нитроцеллюлозного метательного пороха на наличный британский нитроглицериновый кордит MD 45 понизилась с 823 до 753 м/с (10%) ⁴².

Доставленные в Россию орудия неиспытанными хранились на ОСЗ. В начале 1917 г. орудие № 1463 было передано на Петроградский Металлический завод, где использовалось в станке для регулировки всей качающейся части 14-дм/52 орудия уже собранной на яме (монтажно-испытательном стенде) первой 3-орудийной установки «Измаила», а также отработки цикла заряжания. Орудие № 1473 тогда же передали на полигон КМАО ⁴³, где оно в 1920 г. использовалось для обстрела опытных участков бронирования предназначенных к постройке линкоров кораблестроительной программы 1915 г. (из-за начала войны не внесенной в Думу). Впоследствии это орудие применялось вплоть до 1933 г. для стрельб с целью испытаний различных типов снарядов 14-дм калибра ⁴⁴. В итоге совершенно расстрелянную пушку было решено расверлить до 14,5 дм (368 мм) с целью дальнейшего использования для опытов с подкалиберными снарядами для сверхдальней стрельбы.

Идея принадлежала заместителю начальника Артиллерийского научно-исследовательского института (АНИИ) Е.А. Беркалову, которому удалось заинтересовать зампреда РВС СССР М.Н. Тухачевского, большого энтузиаста новых видов вооружений ⁴⁵. Интересен в данном случае фрагмент записки Тухачевского наркому обороны К.Е. Ворошилову от 21 июля 1934 г.: «АНИИ закончена разработка сверхдальнобойного орудия. Сверхдальнобойная стрельба достигается применением в расточенном до 368 мм стволе 14-дм орудия 222-мм снаряда весом 140 кг, выбрасываемого из орудия с помощью 368-мм поддона. Предварительные опыты закончены. Получена начальная скорость около 1270 м/с и хорошая меткость. Этот опыт показал, что при стрельбе под углом возвышения около 55 градусов будет получена дальность в 100 — 110 км... Для проведения стрельбы орудие устанавливают на 14-дм железнодорожный транспортер» ⁴⁶. Опытные стрельбы с 14,5-дм стволом № 1473 продолжались до 1938 г., после чего, с гибелью Тухачевского, были свернуты.

Упоминаемый маршалом транспортер был реализацией инженерной идеи, осуществленной в нескольких воюющих странах во время первой мировой войны. Морские орудия главного калибра линкоров (до 15 дм, или 381 мм) устанавливали на специально сконструированных многоосных боевых платформах, перебрасываемых по железной дороге. Подобные конструкции появились в 1916—1918 гг. в армиях Германии, Франции, Италии, Англии, а также европейском экспедиционном корпусе США. В России в 1917 г. изготовили два транспортера с 10-дм орудиями старого линкора «Ростислав».

Идеи аналогичного применения 14-дм пушек развивались в СССР с начала 1920-х годов. Проект использования орудий недостроенных «измаилов» с рельсов предложил в 1927 г. ленинградский Металлический завод (ЛМЗ). Проект установки, получивший шифр ТМ-1-14 (транспортер морской, первая разработка, калибр 14 дм), утвердили 29 апреля 1930 года. Вес транспортера с орудием составлял 390,5 т, а в боевом положении достигал 412 тонн. Постройку выполнял ЛМЗ. 5 апреля 1932 г. успешно прошла испытания первая установка с орудием «Виккерс» № 1463⁴⁷. Этот ствол оставался на ней еще полтора года для испытаний различных режимов ведения огня, как с железнодорожного, так и с бетонного основания. 8—9 июня 1933 г. успешно была опробована вторая, а 15 июня — третья установка⁴⁸.

Примечательно, что для применения 14-дм орудий английского производства не по оригинальному (с борта корабля), а по новому назначению (с железобетонного основания или рельсового пути) пошли на изменение баллистических качеств артсистемы. Проектная начальная скорость в 823 м/с штатного 747-кг снаряда была понижена до 732 м/с (на 11%). Это при угле возвышения 50°, допускаемом конструкцией транспортера, давало даже намного большую дальность стрельбы — 170 кабельтовых против 125 кб при 25° в корабельной башенной установке «Измаила». Живучесть же ствола возрасталакратно — до 400 выстрелов сравнительно с ожидаемыми при прежних условиях 200⁴⁹. В наличных условиях ограниченного числа 14-дм стволов это было немаловажно.

В соответствии с постановлением РВС СССР от 27 февраля 1934 г., все три установки, сведенные в Отдельную железнодорожную артиллерийскую батарею (ОЖДАБ) № 6, подлежали переброске на Дальний Восток для включения в местную систему береговой обороны. В начале осени 1933 г. батарею приготовили для следования по назначению. На транспортерах были установлены 14-дм орудия «Виккерс» № 1465, 1466, 1468⁵⁰. Ствол № 1463 был снят с транспортера № 1 и оставлен на полигоне. 3 ноября 1933 г. началось перебазирование батареи № 6 на Дальний Восток, изобиловавшее многими внештатными ситуациями. Тем не менее, спустя 6 недель, 17 декабря все три транспортера благополучно прибыли в пункт назначения. 6-я батарея была включена в состав 12-й Морской железнодорожной артиллерийской бригады.

В 1935 г. ЛМЗ сдал еще три 14-дм транспортера, на которые пошли орудия «Виккерс» № 1467, 1469 и 1471. Они были сведены в 11-ю ОЖДАБ, включены в состав береговой обороны Балтийского моря. После вхождения в 1940 г. Эстонии в состав СССР, 11-я ОЖДАБ была пере-

дислоцирована ближе к устью Финского залива в Палдиски, к западу от Таллина. Здесь она находилась с 15 августа 1940 года ⁵¹.

На 22 июня 1941 г. 11-я ОЖДАБ входила в состав 96-го Отдельного артиллерийского дивизиона Береговой обороны Балтийского района (БОБР). 3 июля 1941 г. 11-я батарея начала передислокацию на восток. Сначала она перешла в Лебяжье, затем в Ленинград, куда прибыла 9 сентября, и вошла в состав Ленинградской военно-морской базы.

С приближением противника к границе радиуса действий 14-дм орудий началась боевая работа батареи по защите Ленинграда. Огонь велся по заявкам армейского командования по выявленным скоплениям вражеских войск и боевой техники, по площадям, где предполагалось наличие противника. После того, как к Ленинграду было стянуто значительное количество крупнокалиберной осадной артиллерии, в том числе железнодорожной (как германской, так и трофейной французской), 11-я ОЖДАБ включилась в контрбатареиную борьбу. Всего в 1941 г. установка № 1 (орудие № 1471) произвела по врагу 162 выстрела, №2 (орудие № 1467) — 105, № 3 (орудие № 1469) — 100 выстрелов. В следующем, 1942 г., напряженность стрельб резко понизилась — положение вокруг Ленинграда в целом стабилизировалось, приходилось экономить ресурсы стволов. За весь 1942 г. установка № 3 (одна из всей батареи) произвела 8 выстрелов ⁵².

С 25 января 1942 г. 11-я ОЖДАБ приказом по НКВМФ выводилась из прямого подчинения ЛВМБ и включалась в состав 101-й Морской бригады железнодорожной артиллерии КБФ ⁵³. В последующем она участвовала в обеспечении прорыва блокады Ленинграда в январе 1943 г., в Красносельско-Ропшинской операции (январь 1944 г.), Выборгской операции (июнь 1944 года) ⁵⁴. В январе 1944 г. при снятии блокады Ленинграда 101-я бригада, куда входила 11-я ОЖДАБ, действовала особенно эффективно. За отличные боевые действия 22 января 1944 г. она была преобразована в 1-ю Гвардейскую с присвоением 24 января 1944 г. наименования Красносельская, а 22 марта 1944 г. награждена орденом Красного Знамени ⁵⁵. Приказом НКВМФ от 15 сентября 1945 г. 11-я ОЖДАБ была выведена из состава 1-й Гвардейской морской артиллерийской бригады КБФ с присвоением звания Гвардейской. В дальнейшем 11-я Гвардейская батарея дислоцировалась на полуострове Пакри (Таллин).

Всего орудия 11-й батареи в 1941—1944 гг. произвели по противнику 621 боевой выстрел (и еще 20 было сделано в процессе боевой учебы) ⁵⁶. Следует подчеркнуть, что встречающиеся в ряде изданий сведения о том, что в начале 1942 г. на установках батареи, вследствие сильного износа, стволы были переменены, не соответствует действительности ⁵⁷. Пушки «Виккерс» № 1467, 1469 и 1471 исправно посылали снаряды по противнику на протяжении всего периода боевой службы батареи. Последние практические стрельбы всеми установками состоялись в 1958 г., когда из каждого орудия было сделано по 4 боевых и 6 уменьшено-боевых выстрела. В следующем, 1959 г., установка № 1 (орудие «Виккерс» № 1471) произвела последние 3 боевых и 6 уменьшено-боевых выстрела ⁵⁸. Больше орудия не стреляли. В начале 1960-х гг. транспортеры и стволы орудий обеих 14-дм

батарей (1-й Гвардейской КБФ и 6-й ОЖДАБ Тихоокеанского флота) были сданы на слом во исполнение проводимой руководством СССР линии на всемерное развитие ракетного оружия и сокращение артиллерии.

Осталось упомянуть о судьбе остальных 14-дм пушек. Выше уже отмечалось, что ствол № 1473, расверленный до 14,5 дм, использовался для опытов со сверхдальней стрельбой подкалиберными снарядами. На начало 1939 г. его износ оценивался цифрой не более 50%. Стволы № 1463, 1470 и 1472 были задействованы на Научно-испытательном морском артиллерийском полигоне (НИМАП, до 1922 г. — полигон КМАО) для опытов с обстрелом разных типов броневых преград, испытания снарядов и порохов⁵⁹. В январе 1935 г. орудие № 1470, совершенно изношенное, было передано на завод «Большевик» (б. ОСЗ) для перестволения. Работу окончили в том же году, орудие вернулось на НИМАП, где продолжилось его использование в прежнем качестве. На начало 1939 г. износ обновленного ствола № 1470, вследствие его весьма интенсивного использования в процессе опытных стрельб, вновь достиг 90%. Имелись планы передачи его для очередного перестволения по плану 1940—1941 гг., однако они не были реализованы. В 1939 — первой половине 1941 г. для опытных стрельб продолжили пользоваться 14-дм стволом «Виккерс» № 1472 (износ на 1.05.1939 г. — не более 50%), в запасе для которого на НИМАПе имелось орудие № 1 ОСЗ (1913 г.), незадолго до этого перестволенное и фактически почти целое⁶⁰.

14-дюймовым орудиям, произведенным в 1914—1916 гг. компанией «Виккерс» для Российского Императорского флота, не удалось занять место согласно их изначальному предназначению в броневых башнях сверхдредноутов и береговых фортов на Балтике. Однако они достойно послужили стране, теперь уже в новом качестве — как в готовности к отражению нападения с моря на Дальневосточных рубежах, так и на воюющем северо-западе, где их огонь сокрушал укрепления и узлы обороны противника, препятствовал его дальнобойной артиллерии бомбардировать Ленинград. Не многим тяжелым морским орудиям в истории войн выпала подобная достойная судьба.

Примечания

1. БУЛАТОВ В.В. «Виккерс» и оружие для России: Первая мировая война. — Стрелень. Региональный научный ежегодник. Вып. 7. Волгоград. 2007, с. 224—231; БУЛАТОВ В.В., ЗАГОРУЛЬКО М.М., КОСТОРНИЧЕНКО В.Н. «Виккерс» в России. Волгоград. 2012, с. 141—148; ПОЛИКАРПОВ В.В. Виккерс на Волге (1913—1917 гг.). — Вопросы истории. 1995, № 7, с. 121—132; CAMPBELL N.J.M. British Super-Heavy Guns. Part II. — Warship. 1979, vol. III, p. 142; EJUSD. British Naval Guns — Warship. No. 1, 1981, vol. VI, p. 61.
2. Официальное название — Морская крепость императора Петра Великого (МКПВ). Заложена в июне 1912 г., постройка не окончена.
3. Полное официальное наименование в 1897—1910 гг. «Виккерс, сыновья и Максим» (Vickers, Sons & Maxim, Ltd.), с 1911 — «Виккерс» (Vickers Ltd.).
4. JOHNSTON I., BAXTON I. The Battleship Builders. Constructing and Arming British Capital Ships. Annapolis. 2013, p. 63.

5. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ), ф. 421, оп. 2, д. 2042, л. 31, 174, 175. Всего 36 орудий для трех кораблей (3x12) плюс одно орудие для всесторонних баллистических испытаний на полигоне.
6. Там же, л. 204.
7. ПОЛИКАРПОВ В.В. Ук. соч., с. 124.
8. TREVILCOCK C. The Vickers Brothers — Armaments and Enterprise, 1854—1914. London. 1977, p. 155; БУЛАТОВ В.В., ЗАГОРУЛЬКО М.М., КОСТОРНИЧЕНКО В.Н. «Виккерс» в России. Волгоград. 2012, с. 256—257.
9. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 184, л. 400; ф. 876, оп. 66, д. 347.
10. Составляло главное вооружение дредноутов типов «Севастополь» (4 ед.) и «Императрица Мария» (4 ед.), а также входило, в числе около 40 шт. (реализовано частично), в состав береговой обороны Балтийского и Чёрного морей.
11. РГА ВМФ, ф. 421, оп. 2, д. 2042, л. 3.
12. FRIEDMAN N. Naval Weapons of World War One. Barnsley. 2011, p. 270; HODGES P. The Big Gun. Battleship Main Armament, 1860—1945. London. 1995, p. 124.
13. Подписан 7 октября 1913 г. учредителями РАОАЗ действительными статскими советниками А.И. Вышнеградским и С.С. Хрулёвым и начальником Отдела общих дел ГУК Морского министерства генерал-майором Н.М. Сергеевым.
14. Кожух каждого орудия допускалось изготовить из углеродистой стали.
15. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 1, д. 184, л. 401—410.
16. Там же, л. 402.
17. The Vickers Archives. 1219. Vickers Limited and Imperial Russian Government, p. 62.
18. JOHNSTON I., BAXTON I. The Battleship Builders. Constructing and Arming British Capital Ships. Annapolis. 2013, p. 177.
19. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 1093, л. 89.
20. Там же, д. 716, л. 84.
21. Там же, д. 589, л. 3—3об.
22. Там же, д. 503, л. 101.
23. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1913 г. М. 2005, с. 433.
24. БУЛАТОВ В.В. «Виккерс» и оружие для России: Первая мировая война. — Стрелен. Региональный научный ежегодник. Вып. 7. Волгоград. 2007, с. 226.
25. РГА ВМФ, ф. 479, оп. 3, д. 189, л. 25; Всеподданнейший Доклад по Морскому министерству за 1914. Пг. 1915, с. 77.
26. Россия в Первой мировой войне. Энциклопедия. Т. I. М. 2014, с. 672.
27. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 717, л. 335.
28. Там же, л. 415.
29. The Vickers Archives. 1219. Vickers Limited and Imperial Russian Government, p. 70—71.
30. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 717, л. 541.
31. Там же, д. 971, л. 609.
32. Там же, д. 970, л. 43.
33. Там же.
34. БУЛАТОВ В.В. Ук. соч., с. 224.
35. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 1094, л. 451.
36. Там же, д. 971, л. 48.
37. Там же, л. 285.
38. Там же, л. 359.
39. Там же, д. 1275, л. 18.
40. Осенью 1915 г. русское правительство заказало «Виккерс» 4 12-дм мортиры и 30 8-дм гаубиц.
41. РГА ВМФ, ф. 401, оп. 2, д. 971, л. 636об.
42. CAMPBELL N.J.M. British Super-Heavy Guns. Part II. — Warship. 1979, vol. III, p. 142. Отмечается также факт «недостаточной прочности стволов, поскольку из 16 испытанных семь получили раздутие, и запас продольной прочности также оказался мал». Данное утверждение противоречит документам, согласно которым 10 орудий было отправлено в 1915—1916 гг. в Россию неиспытанными, а проба первого (№ 1463) прошла весьма успешно. Возможно, «раздувались» уже последующие пушки, испытанные в Англии не тем сортом пороха, для которого они предназначались, заряд которого также мог быть некорректно подобран по весу.

43. РГА ВМФ, ф. Р-1565, оп. 2, д. 1, л. 46.
44. Там же, оп. 3, д. 29, л. 46.
45. Там же, оп. 2, д. 29, л. 114.
46. Цит. по: ЗАГУРУЛЬКО В.И. Смотрел далеко вперед. Неизвестные факты из архива маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского. В кн.: Военно-исторический ордена Красной Звезды Музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. Сборник исследований и материалов. Л. 1990, с. 15.
47. РГА ВМФ, ф. Р-1565, оп. 3, д. 29, л. 55.
48. ПЕРЕЧНЕВ Ю.Г. Советская береговая артиллерия. История развития и боевого применения, 1921—1945 гг. М. 1976, с. 38.
49. Справочник по артиллерии Военно-морского флота Союза ССР. Ч. I. Материальная часть артиллерийских установок. М.-Л. 1944, с. 32—33.
50. РГА ВМФ, ф. Р-840, оп. 1, д. 1290, л. 104.
51. Архивный отдел Центрального военно-морского архива Министерства обороны Российской Федерации (АО ЦВМА МО РФ), ф. 96, д. 4254, л. 11.
52. Центральный военно-морской архив (ЦВМА), ф. 323, оп. 23 647, д. 4, л. 6.
53. АО ЦВМА МО РФ, ф. 96, д. 4254, л. 5.
54. ПЕРЕЧНЕВ Ю.Г. Ук. соч., с. 141—142.
55. Там же, с. 166, 319.
56. АО ЦВМА МО РФ, ф. 96, д. 35046, л. 14.
57. См.: АМИРХАНОВ Л.И. Морские пушки на железной дороге. СПб. 1994, с. 56; БРАГИН В.И. Пушки на рельсах. М. 2006, с. 313; ПЕРЕЧНЕВ Ю.Г. Ук. соч., с. 112.
58. ЦВМА, ф. 323, оп. 23 647, д. 4, л. 10.
59. РГА ВМФ, ф. Р-840, оп. 2, д. 323, л. 232.
60. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 1275, оп. 10, д. 320, л. 1—30.

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

ББК 63.3(4Вел)62-8Черчилль У./УДК 94(410)«1939/1945»(045)

Уинстон Черчилль о европейской интеграции

М.М. Паникар, Д.Р. Троитино

Аннотация. Будучи одним из влиятельнейших политиков прошлого столетия, Уинстон Черчилль считается весомой политической фигурой и в настоящее время. Принимая активное участие в победе союзников над нацизмом, У. Черчилль приобрел внушительный политический вес и участвовал в решении вопросов послевоенного устройства мира. Одним из них являлась проблема возможных путей европейской интеграции, ее форм и места в ней Великобритании. Высказывания Черчилля традиционно цитируются сторонниками евроскептицизма, однако политик не был противником процессов объединения Европы. Настоящая работа, написанная на основе политических речей Черчилля, посвящена его взглядам на возможные пути европейской интеграции.

Ключевые слова: публичные выступления и речи, европейская интеграция, европейское сотрудничество, объединенная Европа.

Abstract. Being one of the most influential politicians of the previous century, Winston Churchill creates a powerful political figure at the present time. Taking an active role in the victory of the Allies over Nazism, Winston Churchill gained a considerable political weight in resolving the issues of the further post-war organization of the world. One of them was the question of possible ways of European integration, its forms and the role and place of Great Britain in it. Traditionally, Churchill's statements are quoted by supporters of Euroscepticism, however, the politician was not an opponent of the processes of European unification. The publication is devoted to the study of Churchill's views on possible ways of European integration on the basis of his political speeches.

Key words: W. Churchill, public speeches, European integration, European cooperation, united Europe.

Уинстон Черчилль был одним из самых выдающихся политиков и общественных деятелей XX века. Его взгляды на процессы европейс-

---

Паникар Марина Михайловна — кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. Архангельск. E-mail: m.panikar@narfu.ru; *Троитино Дэвид Рамиро* — кандидат исторических наук, доцент Таллиннского технического университета. Таллинн. Эстония. E-mail: david.troitino@ttu.ee.

Panikar Marina M. — PhD in history, associate professor at the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Archangelsk. E-mail: m.panikar@narfu.ru; *Troitino David R.* — PhD in history, associate professor at the Tallinn University of Technology. Tallinn. Estonia. E-mail: david.troitino@ttu.ee.

кой интеграции и сегодня используются для обоснования своих позиций современными сторонниками и противниками европейской интеграции.

Основной целью настоящей публикации является анализ работ и речей У. Черчилля, посвященных этой теме. Роль Черчилля как британского премьер-министра и его решающее участие в важнейших событиях мировой политики XX в. традиционно считается более значимым, чем вклад политика в проблему европейской интеграции, которой он преимущественно занимался после окончания второй мировой войны вплоть до выборов 1951 года. За вклад в процесс европейского строительства он получил звание отца-основателя Европейского Союза наряду с такими политиками, как К. Аденауэр, Й.В. Байен, А. де Гаспери, У. Холлштейн, С. Мансхольт, Ж. Монне, Р. Шуман, П. Спаак, А. Спинелли. Взгляды Черчилля по вопросам европейской интеграции могут иметь решающее значение для понимания отношений между Великобританией и ЕС.

К настоящему времени работы, посвященные проблематике настоящей публикации, практически отсутствуют. Вместе с тем, существует множество исследований о самом политике: биографические труды, включая автобиографию, работы, посвященные его деятельности, а также сочинения Черчилля и записи его многочисленных речей.

Публикации Черчилля как историка включают в себя ряд таких важных трудов, как книги об англоязычных народах, второй мировой войне ¹, мировом кризисе ². Однако исторические работы были лишь переходным этапом к новому осмыслению автором общеевропейских процессов. Деятельность Черчилля в этой области была детально проанализирована Морисом Эшли, историком и литературным помощником политика.

В 1953 г. Черчилль был удостоен Нобелевской премии по литературе. Этот род его деятельности была изучена такими авторами, как В. Картер ³, К. Олдрит ⁴ и Л. Расор ⁵. Она в меньшей степени касается тематики данной публикации, но все же важна для понимания личности Черчилля, о чем он сам писал в работе «Живопись как времяпрепровождение» ⁶. Подробное исследование живописи Черчилля и ее влияния на его жизнь провел Д. Комбс ⁷. Военная деятельность политика, начиная с его службы в британской армии в качестве офицера и руководства военными действиями на западном фронте в годы первой мировой войны, привлекала к себе внимание К. Д'эсте ⁸, Д. Рассела ⁹, Р. Томпсона ¹⁰. Биография Черчилля, в первую очередь благодаря его собственным сочинениям о различных кампаниях, в которых он участвовал, способствовала созданию мифа о молодом герое, каким его описал Д. Кеннедайн ¹¹. Политические убеждения Черчилля были изучены М. Гилбертом ¹², П. Эддисоном ¹³ и Дж. Чармли ¹⁴.

Российская историография по данной теме не так обширна, как зарубежная, однако она представлена фундаментальными трудами таких авторов как В.Г. Трухановский ¹⁵, А.И. Уткин ¹⁶, Б.В. Тененбаум ¹⁷, Д.Л. Медведев ¹⁸. Но и в этих исследованиях не содержится полной информации о политических убеждениях Черчилля по вопросам европейской интеграции. Многочисленные биографии, в том числе, труды М. Гилберта ¹⁹ и Р. Дженкинса ²⁰, написанные на документальных источниках, анализируют жизнь, деятельность и идеи Чер-

чилля, но не акцентируют внимание на его роли как отца-основателя Европы.

Оптимальным источником для понимания его взглядов и вклада в европейскую интеграцию являются его собственные речи, обширная переписка с политическими лидерами XX в., женой, а также участие в различных событиях, оказывавших влияние на формирование европейских послевоенных структур.

В издании под редакцией Р. Родоса ²¹ собраны наиболее яркие выступления Черчилля за всю его продолжительную политическую карьеру, как, например, «Мы будем сражаться на пляжах» (4 июня 1940), когда политик обратился к палате общин, а также его речь в Фултоне (5 марта 1946), положившая начало «холодной войне». Среди основных выступлений, связанных с евроинтеграцией, можно назвать речь «Соединенные Штаты Европы» (19 сентября 1946) в Цюрихском университете, обращение к Совету Европы (17 августа 1949) и дискуссию по плану Шумана (объединение угольной и металлургической промышленности стран Западной Европы) в палате общин (27 июня 1950) ²². Участие Черчилля в Гаагском Конгрессе (1948) дает важную дополнительную информацию о реальном месте политика в Европейском движении и его позиции относительно возможных форм его будущей организации. Декларация о союзе между Францией и Великобританией, принятая британским правительством, заявление Черчилля, сделанное в июне 1940 г., о его поддержке Европейского оборонительного сообщества, членство политика в Европейском движении и его отношения с европейскими сообществами во время второго срока пребывания на посту премьер-министра с 1951 по 1955 гг. наглядно иллюстрируют подход к вопросам евроинтеграции.

Основным источником для выявления позиции Черчилля по вопросам европейской интеграции являются его публичные выступления. Традиционно в этом контексте цитируют знаменитую речь в Цюрихе в 1946 г. ²³, которая сформировала искаженное представление о реальной позиции политика по отношению к процессам объединения Европы. Большинство авторов, характеризуя его идеи по изучаемому вопросу, обращаются именно к ней. Тем не менее существует множество других первоисточников для изучения данной проблематики: речь Черчилля в Конгрессе Европы, при открытии заседания Совета Европы в Страсбурге, его выступления в качестве Председателя Европейского движения, доклады на международных конференциях, особенно в США, переписка с ближайшими соратниками, выступления в палате общин, дебаты по плану Шумана ²⁴.

Об отказе Черчилля присоединиться к процессу европейской интеграции писали многие ученые, однако, вместе с тем, Черчилля считают одним из основателей ЕС ²⁵.

Очевидное противоречие можно пояснить словами самого политика. 21 октября 1942 г. он писал министру иностранных дел Э. Идену: «Трудно сказать сейчас... Я надеюсь в будущем на создание Соединенных Штатов Европы, при которых барьеры между нациями будут сведены к минимуму и будут возможны неограниченные поездки по этим странам» ²⁶. Очевидно, что Черчилль поддерживал идею европейской интеграции в качестве нового инструмента предотвращения конфликтов, и эти слова следует рассматривать в контексте

второй мировой войны. Черчилль обнародовал свою поддержку европейской интеграции, выступая в Цюрихе в 1946 г.: «Мы должны создать Соединенные Штаты Европы»²⁷. В лондонском Альберт-холле в мае 1947 г. политик выступил в качестве председателя и основателя Движения Объединенной Европы. Его поддержка дела объединения, в том числе, включения Великобритании в этот процесс, была очевидна. В той же речи он утверждал, что Англия и Франция должны стать «учредителями-партнерами в этом движении», а «Британия должна играть полноценную роль как член европейской семьи»²⁸. В мае 1948 г. Черчилль заявил в своей приветственной речи на конгрессе Европы в Гааге: «... мы не нацелены на что-то меньшее, чем целостное объединение Европы, и мы с нетерпением ожидаем того дня, когда этот союз будет достигнут»²⁹. Так, в очередной раз Черчилль продемонстрировал поддержку европейской интеграции, но, вместе с тем, не сказал четко о степени британского участия в этом процессе. В своей речи, произнесенной на встрече в Кингсвэй Холле в ноябре 1949 г., Черчилль утверждал: «Британское правительство совершенно справедливо заявляет, что Великобритания не сможет вступить в Европейский Союз без согласия других членов Британского Содружества. Мы все согласны с этим утверждением. Но время не должно быть потеряно на обсуждение вопроса с доминионами в попытках их убедить, что их интересы тоже лежат в Единой Европе»³⁰.

Эти и подобные им заявления, делавшиеся политиком на протяжении достаточно длительного периода времени, опровергают евроскептицизм Черчилля. Очевидно, что он поддерживал процесс европейской интеграции, но возникает вопрос о том, какими он видел пути и формы объединения Европы.

Черчилль поддерживал создание Лиги Наций, хотя и критиковал ее неспособность предотвратить вторую мировую и справедливо отнестись к побежденной Германии. Он способствовал созданию Организации Объединенных Наций — наследницы Лиги Наций³¹. Очевидно, что международное сотрудничество являлось одним из ключевых приоритетов Черчилля в деле сохранения мира и стабильности, фундаментом для международного экономического развития. Обе организации были основаны на сотрудничестве, а не на интеграции. Тем не менее, ООН отличалась от Лиги Наций по целому ряду важнейших положений, таких как наделение большими полномочиями Совета Безопасности и создание вооруженных сил для выполнения миротворческих функций и противодействия агрессии. Право вето постоянных членов, накладываемое на решения Совета Безопасности, выражали, в большей мере, идею сотрудничества, нежели интеграции, так как государство могло блокировать любое решение, нарушавшее ее национальные интересы, что являлось способом сохранения неприкосновенности национального суверенитета. Так как Черчилль был одним из главных архитекторов ООН, можно утверждать, что его приверженность международному сотрудничеству, и в некоторой мере определенным интегративным тенденциям, была очевидна, но одновременно он формировал и защитные механизмы национального суверенитета во избежание полной интеграции.

Черчилль сделал несколько заявлений, связывающих европейскую интеграцию и ООН, которые, по его мнению, дополняли друг

друга. В речи в Гааге в 1948 г. подчеркивалось: «Мы должны приложить усилия и верно служить, чтобы подготовиться к тому дню, когда эффективное мировое правительство будет покоиться на главных группировках человечества»³². Под основными «группировками человечества» подразумевались Европа, Азия и Америка как неотъемлемые части Организации. Если ООН будет состоять из региональных союзов, а не стран, очевидно, что эти союзы, в свою очередь, должны быть организованы по образцу Организации. Следовательно, вполне вероятно, что Черчилль представлял будущую европейскую интеграцию в виде форума, где можно решить проблемы, возникающие между государствами-членами, мирным путем с использованием регионального Совета Безопасности, включающего наиболее влиятельные страны, обладающие правом вето.

Эта идея находит подтверждение в речи политика в Гарвардском университете в сентябре 1943 г.: «Пусть у нас будет мировой совет и под ним региональные или континентальные советы»³³. По его мнению, Европа должна была функционировать как региональный Совет, интегрированный в мировой Совет в рамках ООН. Так, Европейская организация не должна вовлекаться в политическую интеграцию в большей мере, чем организация, основанная на сотрудничестве между ее членами. Черчилль говорил о необходимости руководства Великобритании и Франции в новой организации, которые должны быть единственными европейскими членами Совета Безопасности ООН с правом вето.

В октябре 1948 г. на массовом митинге консерваторов в Лландидно Черчилль пояснил, что Великобритания занимает уникальное положение в самом центре «трех великих кругов»: «Империя и Содружество», «англоязычный мир» и «Объединенная Европа»³⁴. Это должно было сделать страну членом разных региональных организаций. Очевидно, что, в соответствии с моделью интеграции, было бы невозможно быть частью различных региональных пространств одновременно. Например, Европейское объединение угля и стали создавало общий рынок с едиными внешними границами, которые должны были предотвратить одновременное членство в других региональных организациях. Следовательно, идея Черчилля о европейской интеграции сильно отличалась от пути, выбранного Европой, который привел к созданию современного Европейского Союза. В той же речи он продолжил: «Мы являемся единственной страной, которая занимает большую часть в каждом из них (кругов. — *М.П., Д.Т.*). Мы находимся на самом деле в той самой точке пересечения морских путей и, возможно, воздушных, кроме того, у нас есть возможность объединить их вместе»³⁵.

Укрепляя идею европейской интеграции как региональной части ООН, Черчилль в речи в Фултоне в 1946 г. выступил против Европы как третьей силы между США и СССР³⁶. Идея европейских сообществ в качестве третьего независимого пути в ходе «холодной войны» была применена V французской Республикой в ее попытке восстановления французского международного авторитета и влияния на мировую политику.

Можно только догадываться, какую организацию Черчилль видел для Европы. Он был очень неоднозначен в этом вопросе еще и

потому, что процесс интеграции, не имеющий аналогов в истории человечества, происходил без четкого плана действий и разворачивался на его глазах, что осложняло его поддержку или непринятие. Что касается Великобритании, то англичане мыслились Черчиллю неотъемлемой частью европейского будущего, как он писал в частном письме в 1963 г., за два года до своей смерти: «Будущее Европы, если Великобритания будет исключена, действительно темное»³⁷.

Лучшим источником для анализа взглядов Черчилля на будущую европейскую организацию стали его выступления в прениях в палате общин при обсуждении вопроса о единой Европе в июне 1950 года. Это были дискуссии, связанные с выбором модели Европы, подходящей для Великобритании³⁸. Черчилль заявил, что «в настоящее время» он не видит Великобританию «членом Федеративного Союза Европы» и объяснял это, в первую очередь, позицией Великобритании как центра «Британской империи и Содружества» и «наших братских отношений с Соединенными Штатами Америки»³⁹. Участие страны в различных региональных организациях — европейских, трансатлантических или Содружестве — было возможно в рамках сотрудничества, где отношения между членами организации не будут исключительными, с общим рынком и едиными внешними тарифами. По его мнению, гораздо предпочтительнее была зона свободной торговли без интеграции.

Тем не менее, Черчилль сетовал на отрицательное отношение британского лейбористского правительства к европейской интеграции и плану Шумана, превращавшее Британию во врага Европы. По его мнению, если британское правительство будет настаивать на такой позиции, влияние страны в Европе будет снижаться. Черчилль был открыт для переговоров, чтобы попытаться найти лучшее решение для реализации британских и европейских интересов. Стратегией лейбористского правительства было оттянуть, насколько возможно, процессы европейской интеграции и свернуть на путь сотрудничества.

Черчилль не был против разделенного суверенитета как принципа. Выступая в палате общин, он утверждал: «Чтобы выиграть войну, мы согласились поставить наши войска под Главное командование союзных сил, крупной англо-американской организации, которой было предписано выполнение тактических задач. Никто никогда не мог бы предположить, что генерал Эйзенхауэр мог иметь право сказать, какие подразделения британской армии должны быть расформированы, или как они должны быть сформированы или реконструированы, или что-то подобное. Все эти вопросы оставались в ведении автономных суверенных государств, которые были готовы согласиться на большее единство для выполнения некоторых вполне определенных функциональных... задач»⁴⁰. Здесь в очередной раз демонстрируется четкий подход к теории сотрудничества как наилучшего варианта для координации общих усилий, когда независимые партнеры под общим управлением принимают решения на основе консенсуса. Ссылки Черчилля на «функциональные задачи» связаны с популярной тогда теорией интеграции, разработанной Дэвидом Митрани, функционализмом и либеральной традицией, которая исходит из положения, что люди рациональны и желают мирного прогресса, а конфликт и дисгармония не являются характерными для человека состоя-

ниями. По сути, автор теории утверждал, что основной целью любой интеграции является прекращение конфликтов через деятельность международных организаций. Форма организации, ее название или другие символы не так важны; ключевым является достижение поставленных целей. Функционализм подчеркивает, что функции организации превалируют над всеми другими ее характеристиками. Митрани утверждал, что транснациональные организации были более эффективными, чем национальные, и, следовательно, могли решать проблемы людей. В этой теории очень важным является понятие гибкости, потому что человеческие потребности, а не создание наднационального государства, являются в ней приоритетными. Митрани полагал, что европейские сообщества просто воспроизводили функции государства на наднациональном уровне, сохраняя право стран на самостоятельное принятие решений, что вело к господству ключевых государств над другими членами организации.

Черчилль поддерживал функционализм, но не безоговорочно. Такой подход к интеграции отражал его прагматичное видение международной политики. Лишь в нескольких случаях он упомянул о Соединенных Штатах Европы в русле функционализма, отметив, что наименование организации не так важно, как выполняемые ею функции. Очевидно, что Черчилль не был сторонником идеи создания Европейской Федерации.

В ходе дискуссии о британском участии в плане Шумана, политик открыто поддержал идею сотрудничества в Европе: «Я бы добавил, чтобы прояснить мой ответ уважаемому джентльмену, если бы он спросил меня: “Вы согласны на наднациональный орган, который бы указал Великобритании не сокращать добычу угля или не производить больше стали, а вместо этого выращивать помидоры?” Я должен сказать, без сомнений, ответ будет “нет”. Но почему бы не быть там, чтобы дать этот ответ?»⁴¹

Это ясно демонстрирует неприятие Черчиллем интеграции на европейском уровне, но не полное ее отрицание. Как он сам указывал, Великобритания должна вести переговоры и отстаивать свою позицию по модели будущего Европы. Его отрицание влияния наднациональных властей на внутреннюю политику своих членов также можно связать с идеей субсидиарности (дополнительности), согласно которой каждый вопрос интеграционного объединения должен решаться на наиболее эффективном для него уровне. Подобная идея является основным элементом интеграции ЕС, учитывая интересы национальных, региональных и местных органов власти.

Его неприятие предложения по строительству единой Европы было выражено в палате общин во время выступления в прениях о плане Шумана: «Такой колоссальный шаг как федеральный союз Европы как нечто вроде Соединенных Штатов Европы — это не вопрос, который поставлен перед нами для решения. Это, в первую очередь, вопрос для народов Европы. В нашем Европейском движении мы работали с федералистами, и мы всегда давали понять, что хоть они и идут по одной дороге с нами, мы не стремимся к их заключениям. Лично я всегда публично критиковал нашу вовлеченность во все хитросплетения и тонкости процесса создания Конституции, который усиленно призывает к определенному типу мышления. Мне

жаль, что достопочтенный член от Ковентри, Восток, омрачает талантливую речь, как он часто делает, грубейшим искажением, когда он говорит, что Европейский Союз находится в ведении и финансируется федералистами»⁴².

Большинство граждан Европы были против идеи Европейской Федерации. А. Спинелли, известный федералист, даже использовал подход «большого взрыва» к данной проблеме для того, чтобы сломить сопротивление населения, выступающего против создания Европейской Федерации: Федерация должна быть создана единомоментно, «сверху», без согласия европейцев, которые в последствии должны были распознать благотворный эффект и поддержать ее⁴³. Делегирование решения о создании Европейской Федерации населению Европы соответствовало взглядам Черчилля. В своей вступительной речи на конгрессе Европы в мае 1948 г. он сказал о европейском строительстве, что это «должно быть движение людей, а не партий»⁴⁴.

Черчилль был против Конституции в том или ином ее виде или иного правового документа как главной опоры федеративного государства. Тем не менее, если континентальная Европа собиралась двигаться в направлении интеграции по федеративной модели, политик не желал, чтобы Великобритания была ее членом, но и не препятствовал бы сотрудничеству с гипотетической Европейской Федерацией, следуя своей идее трех кругов (Европа, Содружество и США), где Британия могла бы взаимодействовать со всеми: «Я не могу себе представить, что Великобритания будет рядовым членом Федерального Союза, ограничиваемая Европой в любой период, который в настоящее время можно предвидеть. Мы должны, по моему мнению, способствовать и помогать развитию всех инициатив на континенте, которые возникают естественным путем в результате снятия барьеров, процесса примирения и забвения ужасного прошлого, а также нашей общей опасности в будущем и настоящем. Хотя жесткая федеративная Конституция для Европы не входит в сферу практических дел, мы должны помогать, спонсировать и поддерживать всеми возможными способами движение к европейскому единству. Мы должны упорно искать средства, чтобы тесно взаимодействовать с ним»⁴⁵.

Черчилль не был против передачи части суверенитета как принципа, о чем он сам говорил в своей последней речи о Европе в Вестминстере в июле 1957 г., через четыре месяца после того, как шесть стран-основателей учредили Европейское экономическое сообщество путем подписания Римского договора: «Консервативные и либеральные партии заявляют, что национальный суверенитет не является незыблемым, он может быть решительно уменьшен ради людей всех стран, ищущих вместе дорогу домой»⁴⁶. Однако он хотел наделить государства-члены правом вето, следуя модели ООН, на тот случай, если решения европейской организации могли нанести вред Великобритании.

Э. Моравчик подчеркивал, что сотрудничество между государствами возможно только тогда, когда они разделяют общие интересы и ценности. Общие институты должны быть только форумми, на которых можно договариваться и решать возникающие проблемы⁴⁷. Это полностью вписывается в идею Черчилля о строительстве Европы на основе общих принципов, таких как свобода и права человека.

Тем не менее, Черчилль не отвергал британское участие в европейском процессе на основе интеграции, о чем он сказал на Европейской Ассамблее в июле 1949 г. во время дебатов сторонников межправительственного и федеративного подходов, полагая, что все возможности должны быть изучены. С другой стороны, в меморандуме Кабинета министров от 29 ноября 1951 г. Черчилль заявил, что Великобритания не должна становиться «неотъемлемой частью европейской интеграции», так как может «лишиться своего островного или широкого дружественного характера»⁴⁸. Очевидно, он был открыт для дискуссий и готов к компромиссу, чтобы достичь удовлетворительного решения для всех участников, вовлеченных в процесс. Он заявлял в палате общин: «Министр иностранных дел Франции Шуман заявил во французском парламенте на этой неделе, что без Британии не может быть Европы. Это абсолютно верно. Но наши друзья на континенте не должны сомневаться. Великобритания является неотъемлемой частью Европы, и мы хотим сыграть свою роль в возрождении ее процветания и величия»⁴⁹.

У политика не было сомнений в необходимости для Великобритании быть вовлеченной в процесс европейского развития. Следовательно, нужны были переговоры. Когда британское правительство отклонило приглашение принять участие в Европейском объединении угля и стали, Черчилль рьяно напал на британское правительство, обвинив его в изоляции страны. Великобритания также отсутствовала на конференции в Мессине, проходившей с 1 по 3 июня 1955 г., по результатам которой был создан ЕЭС.

Последние годы жизни Черчилля также были заняты мыслями о европейской интеграции. В 1963 г. он писал в частном письме: «Будущее Европы, если Великобритания будет исключена, действительно темное»⁵⁰.

Политик предупреждал: «Если, с другой стороны, Европейское торговое сообщество будет ограничено шестью нациями, результаты могут быть хуже, чем, если бы ничего не было сделано вовсе — хуже и для них, и для нас. Это бы не объединило Европу, но разделило ее — и не только в экономической сфере»⁵¹.

Это говорит о поддержке Черчиллем европейской интеграции и британского участия в ней, оставляя открытыми вопросы о том, какой он хотел бы видеть Европу и о гибкости европейских сообществ в принятии британского своеобразия. Видение Черчиллем единой Европы отражают две европейские организации: Совет Европы, созданный его ближайшим соратником Г. Макмилланом, и Европейская ассоциация свободной торговли. НАТО должна была стать третьим опорным столпом его общеевропейской идеи.

Совет Европы был образован в 1949 г. через подписание Лондонского договора, что подчеркивало роль Великобритании в его создании. Институциональная структура Совета Европы состояла из трех основных институтов: Комитет министров, Парламентская ассамблея и генеральный секретарь, и была схожа с институтами Европейского сообщества угля и стали⁵². Однако основное различие между ними заключалось в порядке выполнения принятых совместных решений, которые не являются обязательными в случае Совета Европы в противовес верховенству коммунитарного права над национальными

ми правовыми системами в Европейском Союзе: модель, основанная на сотрудничестве, против модели, основанной на интеграции.

Европейская Ассоциация свободной торговли (ЕАСТ) стала своеобразным ответом Британии на создание Европейского общего рынка на основе Римского договора, подписанного в 1957 году. Главными силами, приведшими к подписанию Стокгольмского договора в 1960 г., были Великобритания и ее премьер-министр Макмиллан, который являлся политическим протеже Черчилля⁵³.

Сторонником идеи свободной торговли Черчилль стал в начале своей политической карьеры, когда британская экономическая модель находилась на стадии обсуждения, и рассматривал ее как допустимый пример экономического развития Европы с целью достижения социальной стабильности и мира. ЕАСТ мыслилась Черчиллю зоной свободной торговли без общей внешней таможи, как в ЕЭС, позволяющей продолжать использовать имперские преференции Великобритании в рамках Содружества. ЕАСТ эффективно функционировала в экономическом плане, способствуя активизации торговли между странами-членами. Ее темпы роста были аналогичны темпам роста в ЕЭС⁵⁴. ЕАСТ, в основном, включала промышленное производство, исключая сельскохозяйственную и морскую торговлю, и была основана на сотрудничестве в противовес интеграции в рамках ЕЭС.

Третьей организацией, демонстрирующей подход Черчилля к европейской интеграции, является НАТО. Всего через год после ее образования он выступил с предложением создать Европейскую армию, которое было принято Комитетом Министров Совета Европы. Предложение, в котором подчеркивался оборонительный характер новой военной ассоциации, предусматривало создание общего руководства на принципах демократии и свободы, активное сотрудничество с США и Канадой и интеграцию в качестве региональной силы в ООН⁵⁵. Предложение Черчилля заключалось в формировании национальных дивизий под гражданским командованием на общеевропейском уровне по образцу Главного командования союзных сил, а не общих институтов⁵⁶. Таким образом, НАТО как организация, поддерживаемая Черчиллем и соответствовавшая его идее о развитии регионального сотрудничества на основе ключевых принципов, стала центром европейской системы обороны.

Совет Европы, основанный на принципах демократии и прав человека, Европейская Ассоциация свободной торговли, базирующаяся на экономических отношениях, и НАТО, формирующая военные отношения, составляли идею Черчилля о европейской интеграции. Британское правительство заняло лидирующие позиции в трех организациях, но Франция, Германия, страны Бенлюкс и Италия придерживались иного подхода, базирующегося на принципах Европейского объединения угля и стали и ЕЭС. Тем не менее Черчилль выступал против развития европейской интеграции без участия Великобритании, о чем в очередной раз подчеркнул в своем выступлении в палате общин во время дебатов по вопросу утверждения плана Шумана: «Отсутствие Британии нарушит баланс в Европе. Я полностью за примирение между Францией и Германией, за возвращение Германии в европейскую семью, но это предполагает, как я всегда утверждал, что Британия и Франция должны действовать сообща, что-

бы на равных вести дела с Германией... Без Британии залежи угля и стали в Западной Европе неизменно приведут к доминированию Германии»⁵⁷.

В меморандуме Кабинета министров от 29 ноября 1951 г., снова в качестве премьер-министра, Черчилль заявил, что Великобритания не должна становиться «неотъемлемой частью европейской интеграции»⁵⁸, оставляя открытой возможность участия страны в этом процессе, имея в виду иную перспективу, нежели полноценное членство.

Без сомнения, Черчилль был сторонником европейской интеграции, но его модель единой Европы отличалась от нынешнего Европейского Союза. В настоящее время есть, в основном, два пути — за или против ЕС, но существовали и другие варианты на ранних этапах интеграции, и Черчилль был главным сторонником третьего пути. Тем не менее отношение политика к единой Европе не может быть понято в отрыве от исторического контекста того времени, известного прагматизма и гибкости Черчилля, приспособлявавшего свои взгляды к социальным потребностям.

Примечания

1. CHURCHILL W. The Second World War. Vol. 3. Boston. 1950.
2. EJUSD. The World Crisis. Vol. 1. New York. 1963.
3. CARTER V. Winston Churchill: An Intimate Portrait. New York. 1965.
4. ALLDRITT K. Churchill the Writer: His Life as a Man of Letters. London. 1992.
5. RASOR E.L. Winston S. Churchill, 1874—1965: A Comprehensive Historiography and Annotated Bibliography. Vol. 6. Westport. 2000.
6. CHURCHILL W. Painting as a Pastime. New York. 2014.
7. COOMBS D., CHURCHILL M. Sir Winston Churchill: His Life and His Paintings. Philadelphia. 2004.
8. D'ESTE C. Warlord: The Fighting Life of Winston Churchill, from Soldier to Statesman. London. 2010.
9. RUSSEL D. Winston Churchill: Soldier: The Military Life of a Gentleman at War. London. 2006.
10. THOMPSON R.W. Generalissimo Churchill. New York. 1973.
11. CANNADINE D. The Aristocratic Adventurer. Vol. 62. London. 2005.
12. GILBERT M. Churchill's Political Philosophy. Oxford. 1981.
13. ADDISON P. The Political Beliefs of Winston Churchill, Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 30. London. 1980.
14. SHARMLEY J. Churchill: the End of Glory: a Political Biography. London. 2014.
15. ТРУХАНОВСКИЙ В.Г. Уинстон Черчилль. М. 1982.
16. УТКИН А.И. Неизвестный Черчилль. «Я легко довольствуюсь самым лучшим»: [жизнь и политическая деятельность]. М. 2011.
17. ТЕНЕНБАУМ Б.В. Черчилль: трагедии и триумфы. М. 2013.
18. МЕДВЕДЕВ Д.Л. Черчилль. Биография. Оратор. Историк. Публицист. Амбициозное начало 1874—1929. М. 2016.
19. GILBERT M. Churchill: A Life. London. 1992.
20. JENKINS R. Churchill. 2012.
21. CHURCHILL W., RHODES R. Winston S. Churchill: His Complete Speeches, 1897—1963. Langhorne. 1974.
22. CHURCHILL W. "Sinews of Peace (Iron Curtain Speech)". Westminster College. Fulton. Missouri/ABD 5.1946.
23. EJUSD. Never Give In! Winston Churchill's Speeches. London. 2013.
24. EJUSD. "Speech to the House of Commons", The Official Report, House of Commons (5th Series) 444. 1947.

25. DINAN D. *Europe Recast: A History of European Union*. Vol. 373. Boulder. 2004.
26. EDEN A. *The Reckoning: The Memoirs of Anthony Eden, Earl of Avon*. Boston. 1965.
27. CHURCHILL W. "Speech to the Academic Youth". Zürich. 1946.
28. BROWNE A.M. *Long Sunset: Memoirs of Winston Churchill's Last Private Secretary*. London. 1995.
29. CHURCHILL W. *Europe Unites: The Story of the Campaign for European Unity, Including a Full Report of the Congress of Europe Held at The Hague, May, 1948*. London. 1949.
30. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*, p. 80.
31. HUGHES E.J. *Winston Churchill and the Formation of the United Nations Organization*. — *Journal of Contemporary History*. 1974, p. 177—194.
32. CHURCHILL W. *Op. cit.*, p. 27.
33. EJUSD. "Speech at Harvard University, 6 September 1943". *Onwards to Victory*. 1944.
34. EJUSD. *A History of the English-Speaking Peoples*. Vol. 1. *The Birth of Britain*. New York. 2013.
35. EJUSD. "Speech at a Conservative Mass Meeting, Llandudno, 9 October 1948". In: *Europe Unite-Speeches*. 1947.
36. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*
37. DUTTON D. *Anthony Eden: A Life and Reputation*. London. 1997.
38. LORD CHR. *Sovereign or Confused? The "Great Debate" about British Entry to the European Community 20 Years On*. — *Journal of Common Market Studies (JCMS)*. Vol. 30, No. 4. 1992, p. 419—436.
39. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*
40. *Ibid.*, p. 143—144.
41. *Ibid.*, p. 37.
42. CHURCHILL W. *Painting as a Pastime*, p. 78.
43. SPINELLI A. *Towards the European Union*, Vol. 6. Florence. 1983.
44. CHURCHILL W. "Speech to the Academic Youth". 1946.
45. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*, p. 95.
46. *Ibidem*.
47. MORAVCSIK A. *Preferences and Power in the European Community: A Liberal Intergovernmentalist Approach*. — *JCMS*. Vol. 31, No. 4, 1993, p. 473—525.
48. WENDELL R. *Churchill and the Unification of Europe*. — *Historian*. Vol. 61, No. 1, 1998, p. 67—84.
49. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*, p. 86.
50. BROWNE A.M. *Long Sunset: Memoirs of Winston Churchill's Last Private Secretary*. London. 1995.
51. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*, p. 86.
52. SCHUMAN F.L. "The Council of Europe". — *American Political Science Review*. Vol. 45, No. 03, 1951, p. 724—740.
53. EVANS H. *Downing Street Diary: The Macmillan Years, 1957—1963*. London. 1981.
54. AITKEN D.A. *The Effect of the EEC and EFTA on European Trade: A Temporal Cross-Section Analysis*. — *The American Economic Review*. 1973, p. 881—892.
55. WALTON C.C. *Background for the European Defense Community*. *Political Science Quarterly*. 1953, p. 42—69.
56. KUNZ J.L. *Treaty Establishing the European Defense Community*. — *American Journal of International Law*. 1953, p. 275—283.
57. CHURCHILL W., RHODES R. *Op. cit.*, p. 186.
58. YOUNG J.W. *Churchill's "no" to Europe: The "Rejection" of European Union by Churchill's Post-War Government, 1951—1952*. — *The Historical Journal*. Vol. 28, No. 04, 1985, p. 930.

Философия истории Джамбаттисты Вико: истоки, сущность и наследие

А.А. Ерёмин, О.К. Петрович-Белкин

Аннотация. Настоящая публикация посвящена изучению историософии Джамбаттисты Вико (1668—1744 гг.) — самобытного неаполитанского историка и мыслителя. автора «Оснований новой науки об общей природе наций», объединяющего в своем творчестве казалось бы абсолютно несовместимые вещи: с одной стороны, религиозную направленность и провиденциализм, свойственные средневековой традиции, а с другой — принципиально новую методологию исторического познания и критический подход к источниковедению, характерный для эпохи Просвещения и раннего Нового времени. К сожалению, вследствие сложности, противоречивости и неоднозначности историософской концепции Джамбаттисты Вико, имя его и по сей день известно лишь узкому кругу исследователей, специализирующихся на истории общественной мысли конца XVII — первой половины XVIII в., однако данное обстоятельство не должно затмевать тот факт, что творческий вклад неаполитанского мыслителя в развитие научного знания был поистине огромен — в частности, значительное влияние его идей прослеживается не только в истории (Вильгельм Дильтей, Арнольд Тойнби, Освальд Шпенглер) и философии (Гегель, Маркс, «философия жизни», экзистенциализм), но и, как это ни странно, в антропологии, культурологии и даже социальной психологии и когнитивной лингвистике.

Ключевые слова: «Новая наука», историософия, провиденциализм, религия, цивилизация, принцип «верум-фактум».

Abstract. This publication deals with the study of the historiosophy of Giambattista Vico (1668—1744), a distinctive Neapolitan historian and thinker, the author of the “Principles of the New Science Concerning the Common Nature of Nations”, who combined in his works the seemingly absolutely incompatible things: on the one hand, having a religious focus and referring to providentialism, typical of the medieval tradition, and on the other hand, suggesting a conceptually new methodology of historical knowledge and a critical approach to source studies, typical for the age of Enlightenment and the Early Modern Period. Unfortunately, due to the complexity, inconsistency, and uncertainty of the historiosophic conception of Giambattista Vico, to this day his name is known just to

---

Ерёмин Аркадий Алексеевич — кандидат исторических наук, ассистент Российского университета дружбы народов. E-mail: 79151775018@yandex.ru; *Петрович-Белкин Олег Константинович* — кандидат исторических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов. E-mail: petrovioleg@yandex.ru.

Eremin Arkadiy A. — PhD (candidate), assistant at the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: 79151775018@yandex.ru; *Petrovich-Belkin Oleg K.* — PhD (candidate), senior lecturer at the Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: petrovioleg@yandex.ru.

---

a limited circle of researchers specializing in the history of social thought of the late 17th — early 18th century; however, this state of affairs by no means shall extinguish the fact that the Neapolitan thinker made a genuinely tremendous contribution into the scholarly knowledge development, in particular, a significant impact of his ideas may be observed not only in history (Wilhelm Dilthey, Arnold Toynbee, and Oswald Spengler) and philosophy (Hegel, Marx, philosophy of life, existentialism) but, oddly enough, in anthropology, cultural studies, and even in social psychology and cognitive linguistics as well.

Key words: Scienza Nuova, New Science, philosophy of history, providentialism, religion, civilization, verum factum principle.

На сегодняшний день имя неаполитанского историка и мыслителя Джамбаттисты Вико (1668—1744) известно лишь узкому кругу исследователей, интересующихся историософией раннего нового времени. Между тем, речь идет о ярком и подлинно самобытном философе, разработавшем свою собственную, уникальную концепцию развития человеческой цивилизации, ее зарождения, роста, старения и гибели. Историософия Вико поистине уникальна — она серьезно отличается и от господствовавшего в средневековье и эпоху Возрождения христианского провиденциализма, берущего свое начало еще от произведений Блаженного Августина (прежде всего, от его трактата «О граде Божьем»), и от модной во второй половине XVII—XVIII в. теории общественного договора, представленной именами Томаса Гоббса, Джона Локка, а впоследствии, уже после смерти Вико, — Жана-Жака Руссо. При этом философия истории неаполитанского мыслителя причудливым образом соединяет в себе многие положения двух вышеуказанных традиций, причем речь идет не о простом заимствовании, а о творческой переработке исходного материала, на основе которого затем формируется собственная, в высшей степени оригинальная и неповторимая историософская концепция.

Основное произведение (можно сказать, труд всей жизни) Джамбаттисты Вико носит достаточно необычное для современного читателя название — «Основания новой науки об общей природе наций». Этот трактат был опубликован в двух достаточно сильно отличающихся друг от друга редакциях еще при жизни мыслителя — в 1725 и 1730 гг., а последнее, третье издание «Оснований...» (или сокращенно «Новой науки»), вышло в свет в 1744 г., спустя буквально несколько месяцев после кончины автора. Прежде чем перейти к детальному рассмотрению тех идей, которые легли в основу как данного произведения, так и всего историософского творчества Вико, необходимо сказать о композиции и специфике художественного стиля этого многогранного и в то же время достаточно тяжелого для понимания произведения. «Основания новой науки об общей природе наций» включают в себя введение, достаточно витиевато названное автором «Объяснением помещенной на фронтисписе картины, служащим введением в произведение»; 5 книг (то есть отдельных разделов, посвященных различным аспектам рассматриваемой темы)¹; заключение и, наконец, приложение, представляющее собой хронологическую таблицу древних эпох.

Стиль Вико отличается одновременно и исключительной высокопарностью, и крайней сложностью для восприятия. В данном контексте совершенно неудивительно, что специфика художественного стиля неаполитанского мыслителя позволила целому ряду как зарубежных, так и отечественных исследователей (например, Ю.В. Ивановой, П.В. Соколову и др.) классифицировать «Основания новой

науки об общей природе наций» как уникальное произведение европейского барокко, характерной особенностью которого являлись философско-художественный эклектизм, причудливость (если не сказать, напыщенность или даже вычурность) изложения и использование самых разных, зачастую непривычных современному читателю, литературных приемов и фигур умолчания². Бесспорно, подобного рода витиеватость языка неаполитанского мыслителя существенно затрудняет понимание смысла его пространного трактата³, однако она же и порождает тот удивительно свободный, полноводный и неограниченный ничем поток историософской мысли, который стал «визитной карточкой» всех произведений неаполитанского философа (кстати, впоследствии, в конце XIX — начале XX в., во многом под влиянием творчества Вико, аналогичный метод вольного, живого, чуждого всяких границ и пределов исторического исследования получит свое дальнейшее развитие в произведениях целого ряда представителей «философии жизни» — например, Вильгельма Дильтея и Освальда Шпенглера).

Первое, что бросается в глаза читателю при знакомстве с исторической методологией Вико — это твердое убеждение мыслителя (обусловленное, возможно, давней традицией средневековой схоластики), что всякое изучение истории должно основываться в первую очередь на использовании так называемого математического, или точнее, геометрического метода, заключающегося в выводе несомненных доказательств (короллариев) из заранее данных и не подлежащих сомнению аксиом (или, в терминологии Вико, «философских и филологических Достоверностей»⁴). Разъясняя свою нестандартную методологию, сходную с философским методом Бенедикта Спинозы, автор «Новой науки» поясняет, что история «рассуждает строгим геометрическим методом, посредством которого от истинного переходит к непосредственно истинному и таким образом делает свои выводы»⁵.

Можно предположить, что в значительной степени выбор геометрического метода для познания истории основан, как это ни парадоксально, на твердом убеждении Вико в абсолютной познаваемости социального мира и бытия человека. Подобная взаимосвязь, на первый взгляд, выглядит совершенно абсурдной, однако при ближайшем рассмотрении она перестает быть таковой. Логическая цепочка, выстраиваемая Вико, выглядит следующим образом: если история и культура наций вполне познаваемы, то наилучшим методом для их изучения (то есть методом, напрямую ведущим к рационально неопровержимым, аподиктическим суждениям) является тот, который не допускает каких бы то ни было логических отклонений или неоднозначных трактовок — а таковым, без сомнения, является метод математический или, более узко, геометрический. Вико считал, что человек может обладать истинным и совершенно достоверным знанием лишь о тех вещах и явлениях, которые являются непосредственным результатом его собственной деятельности, то есть произведением человеческого духа — а таковыми, бесспорно, следует признать общество, культуру, право и различные социальные институты в процессе их становления и развития: «... где творящий вещи сам же о них и рассказывает, там получается наиболее достоверная история»⁶. По той же причине Вико утверждает, что природа, не являясь творением рук человека, в этой связи не может быть познана его разумом в полной мере, то есть подлинное знание о физическом мире доступно лишь богу — а потому все свои усилия человечество должно на-

править на саморефлексию и постижение собственной истории и культуры. В отечественной и зарубежной историографии ⁷ постулат Вико о том, что полное и абсолютное знание об объекте доступно лишь его творцу и создателю — и никому иному, получил достаточно меткое название «верум-фактум» (*Verum et factum convertuntur*), что в переводе с латыни означает «истинное и сделанное совпадают». Квинтэссенция подобного подхода содержится в следующей цитате неаполитанского мыслителя: «... все Философы совершенно серьезно пытались изучать Науку о Мире Природы, который был сделан Богом и который поэтому он один может познать, и пренебрегали размышлением о Мире Наций, т.е. о Мире Гражданственности, который был сделан людьми и Наука о котором поэтому может быть доступна людям» ⁸.

Вообще необходимо отметить, что история у Вико тесно переплетается с элементами философии и поэтического искусства, благодаря чему его научное исследование, по словам самого мыслителя, производит «свою работу совершенно метафизически и абстрактно по своей Идее» ⁹. Возможно, именно стремлением к максимальному синтезу истории, философии и искусства и обусловлен столь необычный, самобытный и при этом достаточно непростой для восприятия стиль изложения, характерный для «Оснований новой науки об общей природе наций». Текст Вико полон метафор, реминисценций, аллегорических отсылок, а зачастую и прямых фигур умолчания, что в традиции литературного стиля барокко призвано было подчеркнуть одновременно и сложность, и подлинную широту и всеохватность рассматриваемой темы.

Великий неаполитанец был абсолютно убежден, что человеческие моральные, психологические, социальные и этические установки подвержены существенным изменениям от эпохи к эпохе. Единственное, что остается неизменным с течением веков — это социальная сущность человека: «Природа людей обладает той основной особенностью, что они общественны» ¹⁰, — подчеркивает Вико, практически дословно повторяя известное изречение Аристотеля: «Человек есть существо общественное» ¹¹. Из этого постулата напрямую вытекает идея неаполитанского мыслителя о близком подобии — если не сказать абсолютном тождестве — исторических этапов развития каждого отдельного общества и индивидуальных стадий развития человеческой личности, когда детство человека соответствует периоду зарождения цивилизации, юность — ее становлению, зрелость — расцвету и т.д. Можно сказать, что идея уподобления индивидуально-личностного микрокосма социально-историческому макрокосму в определенной степени роднит концепцию Вико со взглядами античных философов и, прежде всего, Сократа и Платона ¹². Однако в остальном, с точки зрения автора «Оснований новой науки об общей природе наций», нравственный и этический облик человека есть не что иное, как продукт той или иной эпохи — и в данном положении Вико категорически расходится как с целым рядом философов Античности, убежденных в принципиальной неизменности и внеисторичности человеческой природы (например, с Сократом, Платоном, Аристотелем), так и с некоторыми мыслителями эпохи Возрождения и раннего Нового времени (в частности, с Никколо Макиавелли, Томасом Гоббсом и Гуго Гроцием) ¹³. Твердая убежденность Вико в принципиальном непостоянстве и изменчивости человеческой природы напрямую определяет его исследовательскую методологию, так как при-

водит мыслителя к убеждению, что в корне неверно подходить к рассмотрению каких бы то ни было исторических событий с позиции современности. В частности, автор «Новой науки» заявляет, что коренная ошибка исследователя состоит в том, «что там, где люди не могут составить никакого представления о далеких и неизвестных вещах, они судят о них по вещам известным и имеющимся налицо»¹⁴, то есть по сути речь идет о критике метода, заключающегося в оценке отдаленных от нас во времени и пространстве исторических событий с точки зрения современных исследователю реалий.

Вико полагал, что для полноценного понимания исторического процесса, напротив, необходимы внутренняя интуиция и своего рода творческая фантазия, призванные помочь исследователю в мысленном воспроизведении событий и исторических характеров давно минувших эпох. Однако Вико не абсолютизирует разработанную им методологию и сразу же ставит ей определенные пределы, вполне резонно отмечая ее относительную ограниченность и подчеркивая, что подобное «вживление» современных исследователей и историков в сознание и образ мысли людей из других эпох сопряжено с огромным количеством затруднений, преодолеть которые (особенно при изучении первобытных времен) зачастую не представляется возможным: «... теперь нам самой природой закрыт доступ в неукротимое Воображение первых людей; сознание которых было совершенно лишено абстрактности, не утончено, не спиритуализировано, так как они были целиком погружены в чувства, возбуждены страстями, погребены в телах. Поэтому мы выше и сказали, что теперь с трудом можно понять и совершенно нельзя себе представить, как мыслили Первые люди, основавшие Языческую культуру»¹⁵.

Касаясь темы синтеза истории, философии и искусства в творчестве Вико, необходимо отметить и огромное влияние религии на исследовательский метод неаполитанского мыслителя. Представляется несомненным, что автор «Новой науки», будучи ортодоксальным католиком, искренне считавшим христианство «религией истинного Бога»¹⁶, «которая предписывает милосердие по отношению ко всему Роду человеческому»¹⁷, не мог позволить себе, даже ради интересов научного познания, в той или иной степени поставить под сомнение непреложные догматы Священного Писания, даже если они противоречили его исторической концепции и широкому массиву эмпирических данных¹⁸. Более того, целый ряд собственных тезисов Вико напрямую выводит или же подтверждает посредством многочисленных отсылок к тексту Ветхого или Нового Завета. Так, его идея о том, что обособление и последующая дивергенция языков предшествуют и до определенной степени обуславливают окончательное разделение прежде единых народов на отдельные этносы (а не наоборот, как полагал целый ряд античных и средневековых историков), напрямую выводится мыслителем из текста Священного Писания: «Разделение... рас не могло произойти раньше Вавилонского Смешения [языков], так как это явно противоречит тому, на что указывает Священное Писание в книге Бытия»¹⁹. В данном контексте представляется уместным упомянуть о том, что зачастую в рассуждениях Вико, так или иначе связанных с религиозной тематикой, образуется некое подобие герменевтического круга, когда частное доказывается, исходя из гипотетического общего, а затем уже общее выводится из только что доказанного частного. Для наглядного уяснения подобной неоднозначной логической цепочки,

используемой неаполитанским мыслителем, можно привести следующий фрагмент из его работы, в котором формулируется одна из аксиом всего исследования: «А Священная История нам подтверждает, что Возраст Мира оказывается почти что юным по сравнению с той старостью, в которую верили Халдеи [Ассирийцы], Скифы, Египтяне и в которую до сих пор верят Китайцы. Это — сильное доказательство Истинности Священной Истории»²⁰.

Интересно отметить и тот факт, что если бытие христианского бога автор «Новой науки» полагает само собой разумеющимся и самоочевидным фактом, не требующим никакого иного подтверждения и доказательства, помимо авторитета Священного Писания, то идею о существовании языческих богов он рассматривает с сугубо материалистических и в некотором роде даже атеистических позиций²¹ — как результат фантазии, воображения и действия психологических механизмов, вызванных удивлением и страхом первобытных людей перед неизвестными им явлениями природы или же иными, более могущественными людьми: «незнание было для них матерью удивления перед всем... они представляли себе причины ощущаемых и вызывающих удивление вещей как Богов»²². Более того, в подтверждение данной точки зрения Вико перечисляет многочисленные факты политеистических представлений у античных народов (греков, римлян, египтян, ассирийцев и т.д.), у кельтских и германских племен, а также у современных автору примитивных народов Америки (например, у индейцев и патагонцев). Кроме того, для обоснования своей позиции неаполитанский мыслитель приводит яркую цитату из сочинения Лактанция Фирмиана, которая в полной мере раскрывает его собственную точку зрения: «Грубые [т.е. дикари] первоначально называли богами людей либо из удивления перед их доблестью (так и до сих пор думали люди грубые и простые), либо, как это бывает, из удивления перед наличной их властью, либо из-за благодеяний, которые привели их к культуре»²³.

Несмотря на в целом религиозную и метафизическую направленность историософского творчества Вико, невозможно не заметить, сколь часто он прибегает и к подлинно научным методам познания — в частности, к методу критического анализа самого широкого круга античных источников и сочинений как исторического, так и философского характера: например, «Анналов» Тацита; «Истории» Геродота, которая, правда, судя по неточности цитирования, была доступна Вико лишь в изложении более поздних историков; «Иудейских древностей» Иосифа Флавия; диалогов Платона; «Политики» Аристотеля; «Истории Пелопоннеской войны» Фукидида; трактатов Полибия, Марка Теренция Варрона, Тита Ливия, Страбона, Тита Лукреция Кара, Цицерона, Гая Саллустия Криспа, Диодора Сицилийского, Филона Александрийского, Сенеки, Аппиана, Плутарха, Диона Хризостома, Климента Александрийского, Диогена Лаэртского, Оригена, Ямвлиха, Блаженного Августина и др. Нередко обращается неаполитанский мыслитель и к изучению художественных произведений древнегреческих, древнеримских и средневековых авторов, например, Гесиода («Теогония»), Сапфо, Еврипида, Аристофана, Плавта, Теренция, Горация, Вергилия, Ювенала, Апулея, Лукиана, Данте Алигьери, Франческо Петрарки, Джованни Боккаччо и, особенно, Гомера.

Значительное внимание уделяет Вико и критическому анализу исторических и историософских исследований эпохи Возрождения и

раннего нового времени — в частности, трудов голландского мыслителя Эразма Роттердамского, английских философов Томаса Гоббса и Джона Локка, французского историка и экономиста Жана Бодена. Особенно часто неаполитанский мыслитель обращается к творчеству нидерландского юриста и философа Гуго Гроция — автора трактатов «Свободное море» («*Mare Liberum*», 1609) и «О праве войны и мира» («*De jure belli ac pacis*», 1625), который традиционно считается основоположником концептуальных основ международного права. Вико увлеченно полемизирует с Гуго Гроция на протяжении практически всего своего произведения, что, впрочем, не мешает ему полностью соглашаться с отдельными положениями голландского исследователя — например, о специфике римской и греческой колонизации в период Античности ²⁴ или о не столь значительной, как полагало большинство историков того времени, роли фактора силы в международных отношениях и всемирной истории.

И, конечно же, необходимо отдельно упомянуть о доскональном знакомстве Вико с произведениями английского философа Фрэнсиса Бэкона — и, прежде всего, с такими его трактатами, как «Новый Органон», «О достоинстве и приумножении наук» и «О мудрости древних». Неаполитанский мыслитель всю свою жизнь почитал Бэкона за образец подлинного исследователя и искренне восхищался тем огромным вкладом, который последний внес в развитие европейской науки раннего Нового времени, разработав эмпирико-индуктивный метод научного познания, который сам Вико широко использовал в собственном творчестве (правда, не акцентируя на этом особого внимания). Автор «Новой науки» характеризовал Фрэнсиса Бэкона как «человека в равной мере несравненно мудрого и в тайной, и простонародной мудрости (то есть, и в теории, и в практике. — *А.Е., О.П.-Б.*), так как обе они вместе образуют человека универсального...» ²⁵ Возможно, именно авторитет Фрэнсиса Бэкона — автора сочинения «О мудрости древних» — побудил Вико обратиться в своем творчестве к изучению такого социально-исторического и культурного феномена, как миф и мифология.

Аналогичным образом, во многом в виде подражания известной бэконовской концепции о четырех «идолах» или «призраках» ²⁶, затуманивающих человеческое понимание и стоящих на пути постижения истины, Вико выдвинул собственную теорию о двух «тщеславиях» — «тщеславии наций» и «тщеславии ученых», которые препятствуют исследователю в осознании объективной исторической картины прошедших эпох. «Тщеславие наций» — это масштабный комплекс представлений, свойственный каждому из народов и заключающийся в твердой убежденности наций в их исключительности и абсолютном превосходстве над всеми прочими цивилизациями; в том, что каждая из них — «самая древняя из всех и что именно она сохраняет свои воспоминания от самого начала мира» ²⁷. И далее (Аксиома III): «О тщеславии Наций выслушаем следующее золотое изречение Диодора Сицилийского: все нации, будь то греческие или варварские, кичились тем, что они раньше всех других открыли удобства человеческой жизни и что они сохранили воспоминания о своей истории с самого начала мира» ²⁸. Подобный порок Вико особенно охотно приписывал таким народам, как египтяне, халдеи (ассирийцы), скифы и китайцы. Второй вид тщеславия, по мнению неаполитанского мыслителя, — это «тщеславие ученых», выражающееся в стремлении

последних судить о прошедших эпохах: во-первых, с высоты научных достижений современности и, во-вторых, согласно своим собственным, чисто субъективным взглядам и суждениям, а также распространённым в их культуре морально-этическим, нравственным и ценностным нормам и критериям. С точки зрения Вико, «оба вида тщеславия проистекают от невежества»²⁹ и формируют абсолютно неверную картину прошедших событий и всего исторического процесса. Таким образом, представляется несомненным, что в формулировке приведенной выше теории о двух видах тщеславия Вико во многом следовал за Фрэнсисом Бэконом, в то же время творчески адаптируя научную методологию последнего к специфике исторических и общественных наук.

Столь глубокое знакомство с произведениями историков, ученых, философов и писателей самых разных стран и народов свидетельствует не только о бесспорной эрудиции неаполитанского мыслителя, но и о его стремлении опираться в собственном творчестве на историографическое наследие предшествующих эпох, при этом не отказываясь от его критического анализа и переосмысления. Более того, Вико в некотором роде абсолютизировал роль авторитета в историческом познании, утверждая, что критерий подлинно успешного исторического исследования состоит, с одной стороны, в его согласии с точкой зрения великих предков, среди которых он называет Платона, Тацита³⁰, Варрона, Марка Антония, Цезаря, Цицерона и др., а с другой — в высокой оценке научных изысканий со стороны потомков: «я спрашивал — как восприняли бы те вещи, о которых я рассуждаю, Платон, Варрон, Квинт Муций Сцеволла? Второй практический способ заключался в том, что я спрашивал — как воспримет те вещи, о которых я пишу, потомство?»³¹

И, наконец, необходимо отметить, что в своем творчестве Вико широко применял и необычные для своего времени лингвистические методы исследования, рассматривая этимологию как важнейший метод исторического познания и уделяя значительное внимание изучению эволюции языка древних, античных и варварских народов — и в этом, бесспорно, заключается великое новаторство неаполитанского мыслителя, значительно опередившего свое время. В частности, Вико выдвинул исключительно интересную теорию о поэтапном формировании словарного запаса всех существующих ныне языков: с его точки зрения, начало языку было положено односложными словами — сначала междометиями, порожденными страхом и удивлением, затем местоимениями и частицами, вслед за которыми появились односложные имена существительные и опять же односложные повелительные наклонения глаголов, а уже затем последовало образование более сложных языковых конструкций, причем (и в этом заключается подлинное своеобразие точки зрения Вико) поэзия появилась значительно раньше прозы. Кроме того, нельзя не упомянуть о том, что неаполитанский мыслитель в своем творчестве фактически предвосхитил многие положения аналитической философии и, в частности, философии лингвистического анализа XX в., целый ряд представителей которой (например, Людвиг Витгенштейн) рассматривали мышление и сознание скорее как продукт или следствие эволюции языка, нежели как первопричину и фактор его возникновения. В одной из своих ранних работ — «О современном методе исследования» (1708 г.) — Вико фактически сформулировал гипотезу лингвистической от-

носительности, в концептуальном виде появившуюся лишь в конце XIX в., согласно которой язык — это не просто инструмент и средство для описания объективной действительности, а полноценная система, оказывающая преобладающее воздействие на формирование идей, мысленных образов и представлений человека об окружающем мире. Так, в упомянутой выше работе Вико утверждает, что «мыслительные способности формируются в зависимости от языка, а не язык в зависимости от мыслительных способностей»³².

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что исследовательский метод Вико, конечно же, не был — да и не мог быть в силу объективных обстоятельств той эпохи — подлинно научным, однако при изучении творчества неаполитанского мыслителя необходимо иметь в виду два немаловажных момента. Во-первых, Вико, будучи сыном своего времени, вряд ли был способен полностью отделить науку (в ее современном понимании) от разного рода религиозных и метафизических элементов; кроме того, избавиться от господствовавших в ту эпоху суеверий также было делом очень нелегким, если вообще выполнимым. Справедливость требует признания того факта, что подобный протонаучный синкретизм наблюдался в творчестве не только Вико, но и практически всех историков, ученых и философов той эпохи: Галилео Галилея, Рене Декарта, Блеза Паскаля («Мемориал»), Фрэнсиса Бэкона, Эдварда Гиббона и др. В данном контексте представляется необоснованным ожидать от Вико строгого следования тем критериям научной объективности, которые в концептуальном плане были окончательно сформулированы много десятилетий спустя после его кончины. И во-вторых, следует отметить, что автор «Новой науки», при всей его безусловной набожности, тем не менее рассматривал текст Священного Писания не только и даже не столько как сакральную, неприкосновенную догму, не подлежащую какой бы то ни было критике, а скорее как в высшей степени надежный и авторитетный источник, тем не менее нуждающийся в научном осмыслении, уточнении и даже аллегорическом (то есть не буквальном) истолковании.

Движущей силой человеческой истории, по Вико, является не сила, но дух или, в его терминологии, «сознание»: «неверно, будто мир всегда принадлежал наиболее сильному телу или оружию; истинно же то, что мир всегда принадлежал народам с наибольшей силой сознания (в нем истина) и потому с наибольшей гражданской доблестью»³³. Нельзя сказать, что неаполитанский мыслитель полностью отвергает фактор силы в человеческой истории, однако он явственно ставит его в подчиненное, полностью зависимое от «сознания» положение, подчеркивая, что сила и оружие — это не более чем послушные инструменты в руках духа, то есть божественного провидения. В данном контексте чужеземное завоевание того или иного государства воспринимается автором «Новой науки» как своего рода «лекарство»³⁴, то есть очищение и искупление погрязших в собственных грехах и пороках народов: ведь если они, по витиевато-му выражению Вико, «были настолько испорчены уже раньше, что стали по самой природе рабами своих разнузданных страстей, роскоши, изнеженности, скупости, зависти, гордости и спеси и под влиянием наслаждений своей развратной жизни погрязли во всех пороках, свойственных презреннейшим рабам (то есть лжецам, плутам, клеветникам, ворам, трусам и притворщикам), то они становятся ра-

бами по естественному праву народов, вытекающему из этой природы наций, и оказываются подданными лучших наций, завоевавших их посредством оружия...»³⁵

Бесспорно, приведенная выше цитата дает самый широкий простор для всевозможных трактовок и толкований, однако, принципиально важно отметить три ключевых и в то же время в значительной степени противоречащих друг другу момента, которые и делают рассматриваемый аспект историософии Вико достаточно неоднозначным. С одной стороны, тезис о господстве духа и разума над грубой силой в значительной степени сближает позицию автора «Новой науки» с концептуальными установками классического либерализма (и, как следствие, с возникшей позднее либерально-идеалистической парадигмой международных отношений). В частности, точка зрения неаполитанского мыслителя о сущности и основополагающих чертах международных отношений и роли фактора силы в человеческой истории удивительно близка политическим и историософским идеям Гуго Гроция, Джона Локка, французских просветителей XVIII в. (прежде всего, Руссо и Монтескье) и, конечно же, Иммануила Канта.

С другой стороны, справедливость требует признания следующего факта: из идеи о том, что неблагочестивые и давно погрязшие во грехе нации зачастую — и вполне заслуженно — становятся жертвами завоевания со стороны народов более развитых и духовных, напрямую следует достаточно бесчеловечный вывод о том, что любое насилие оправданно, а порабощение и угнетение являются не чем иным, как справедливой карой и вполне закономерным итогом развития человеческой истории, против которого бороться не только бесполезно, но и в высшей степени аморально. Так, в «Заключении» своей работы Вико достаточно безапелляционно заявляет, что в смирении и покорности своей судьбе «сияет двоякий свет Естественного Порядка: во-первых... тот, кто не может управлять собою сам, должен предоставить править собою другому, могущему это делать; во-вторых... в мире всегда правят те, кто лучше по природе»³⁶. В связи со всем вышеизложенным кажется просто поразительным, как два столь различных — если не сказать прямо противоположных — следствия вытекают из одной точки зрения о несомненном господстве духа над силой оружия.

И, наконец, третий момент, который исключительно важно отметить при анализе взглядов Вико на фактор силы в мировой истории, заключается в том, что восприятие духа одновременно в качестве и цели, и причины, и движущей силы цивилизационного прогресса (и, как следствие, всей истории) роднит позицию автора «Новой науки» как с поздними историософскими концепциями Шеллинга и Гегеля, так и с традиционным христианским провиденциализмом. Подобная аналогия кажется еще более обоснованной в свете того, что дух, или «сознание» в понимании Вико представляют собой не некое абстрактное первоначало, тождественное безличностным силам судьбы или рока, направляющим человеческую судьбу и историю, а рассматриваются неаполитанским мыслителем с сугубо теистических позиций и именуются им «Божественным Провидением»³⁷ или, что одно и то же, «Царем дел человеческих»³⁸, «Божественным Умом-Законодателем»³⁹ и «Вечной Идеальной Историей»⁴⁰ (в последних двух формулировках явственным образом чувствуется влияние платонизма), согласно которому и «совершают свой бег во времени все Нации в своем зарождении, движении вперед, состоянии, упадке и конце»⁴¹.

Неаполитанский мыслитель многократно подчеркивает, что божественное провидение — это основной и по сути единственный двигатель цивилизационного прогресса и всей человеческой истории ⁴²; более того, идея божественного промысла и предопределения самым естественным образом присуща абсолютно всем народам и цивилизациям: «Все это (имеется в виду понятие справедливости и правосудия. — *А.Е., О.П.-Б.*) может проистекать только благодаря врожденному представлению о Провидении, существующему неизменно у всех наций: ему они должны были подчиняться, когда видели угнетенными справедливых и преуспевающими злодеев» ⁴³. Основываясь на подобной телеологической точке зрения о несомненном существовании божественного промысла, Вико называет свой исследовательский подход, позволяющий понять замысел и конечную цель истории, «Рациональной Гражданской Теологией Божественного Провидения» ⁴⁴.

По мнению автора «Новой науки», божественное провидение напрямую не вмешивается в ход всемирной истории, однако косвенно, посредством человеческих действий реализует свой собственный замысел, который нередко противоречит изначальным целям и устремлениям тех великих личностей — политиков и государственных деятелей — которые невольно выступают проводниками божественной воли. И этот тезис Вико удивительно напоминает концепцию Гегеля, согласно которой великие личности зачастую используются Абсолютным духом «вслепую», то есть без какого бы то ни было понимания с их стороны тех долгосрочных последствий, к которым ведет осуществляемая ими деятельность (например, с точки зрения Гегеля ⁴⁵, Наполеон стремился объединить Европу, а в итоге достиг обратного эффекта, породив своей политикой мощный всплеск национализма) ⁴⁶. В данном контексте кажется удивительным, насколько по-гегелевски звучит следующая пространная цитата, данная Вико в «Заключении» своего произведения и представляющая собой своего рода квинтэссенцию твердой убежденности неаполитанского мыслителя в наличии парадоксальной и логически необъяснимой подчиненности всей человеческой деятельности конечным целям божественного провидения: «Ведь в то время как люди хотят удовлетворить свою скотскую похоть и растерять своих детей, они, наоборот, создают чистоту браков, из которых возникают Семьи; в то время как Отцы (то есть родовая аристократия древних времен. — *А.Е., О.П.-Б.*) хотят пользоваться чрезмерной Отцовской Властью над Клиентами — из этого возникают Города; в то время как Правящие сословия Благородных хотят злоупотреблять Господской Свободой по отношению к Плебейам, они попадают в рабство законов, которые создают Народную Свободу; в то время как Свободные Народы хотят освободиться от узды своих законов, они оказываются в подданстве у Монархов; в то время как Монархи хотят принизить своих подданных всеми теми пороками распушенности, которые делают их положение более прочным, — они тем самым готовят их к тому, чтобы переносить рабство Наций более Сильных (имеется в виду, что неумелая политика монархов, нацеленная на укрепление государства, зачастую приводит к прямо противоположному эффекту и порождает реальную опасность чужеземного завоевания. — *А.Е., О.П.-Б.*); в то время как Нации хотят сами себя привести к гибели, они спасают своих потомков в том Одиночестве, откуда они снова возрождаются, как Феникс» ⁴⁷.

И, наконец, исключительно важно подчеркнуть, что существование «Вечной Идеальной Истории»⁴⁸, то есть Божественного промысла, направляющего весь ход мировой истории, совершенно не тождественно, с точки зрения Вико, абсолютной предопределенности и историческому детерминизму. Божественное провидение, по мнению неаполитанского мыслителя, оставляет значительный простор для свободы человеческой воли, реализуемой на каждом этапе развития и становления цивилизации: «человек не может существовать без Признания Свободной Воли, которой естественно помогает Бог своим Провидением»⁴⁹. В этой связи не должно вызывать удивления, что Вико ожесточенно критиковал исторический детерминизм философской школы стоицизма, а также своих современников — Джона Локка и Бенедикта Спинозу, подчеркивая, что «оба они отняли у человека всякий выбор и собственное намерение»⁵⁰. Справедливости ради необходимо отметить, что если историософская концепция Бенедикта Спинозы действительно предельно детерминистична, то в отношении Джона Локка упреки Джамбаттисты Вико лишены каких бы то ни было оснований, так как английский мыслитель, не совсем правомерно называемый Вико последователем древнегреческого философа Эпикура, никоим образом не отказывал как всему человечеству, так и отдельному индивиду в праве выбора и, еще шире, в абсолютной свободе воли.

Описывая первобытное, естественное состояние человека, Вико не скупится на темные, мрачные краски; для него период детства цивилизации — это не прекрасная, изобильная и поистине благословенная пора «золотого века» человечества, не его райская и в высшей степени благодатная эра, а, напротив, темная эпоха «скитания»⁵¹, «звериного блуждания»⁵² и мрачного «лесного существования»⁵³ первых человеческих сообществ, когда люди были «безбожными, не знавшими никакого божества; нечестивыми, — ибо раз они не различали родства посредством браков, то часто сыновья возлежали с матерями и отцы с дочерьми»⁵⁴. Поэтому правомерно будет сказать, резюмирует неаполитанский историк, что первобытные люди, находившиеся в «злодейской и гнусной общности скотского и звериного состояния»⁵⁵, были «в высшей степени грубы и дики»⁵⁶, «слабы и, в конце концов, жалки и несчастны»⁵⁷; они располагали «чрезвычайно слабой способностью разумения», «неограниченной фантазией» и «неистовыми страстями»⁵⁸, в силу чего Вико характеризует их как «некультурных, незрелых, жестоких, диких, спесивых, требовательных и упрямых в своих делах»⁵⁹ варваров, не лишенных, правда, и некоторых моральных достоинств, которые, впрочем, опять же были не чем иным, как следствием их наивности, дикости и неразвитости разумного начала. Так, по словам Вико, «вследствие того же самого недостатка рефлексии они были искренними, великодушными и благородными, какими Гомер описывает Ахилла, величайшего из всех Героев Греции»⁶⁰. Бесспорно, подобная точка зрения на естественное, доисторическое и догосударственное состояние человека (и, прежде всего, негативная сторона приведенного выше описания) сближает позицию неаполитанского мыслителя с теорией общественного договора Томаса Гоббса, под несомненным влиянием которого Вико находился и которого почтительно именовал в своем произведении «Философом». Так, вышеприведенная характеристика первобытного состояния человека у Вико концептуально, а в ряде случаев и почти дословно переклика-

ется с описанием естественного состояния как «войны всех против всех» в «Левиафане» Гоббса, где «нет места для трудолюбия, так как никому не гарантированы плоды его труда,... нет общества, а... есть вечный страх и постоянная опасность насильственной смерти, и жизнь человека одинока, бедна, беспросветна, тупа и кратковременна» ⁶¹.

Естественное состояние в описании Вико резко контрастирует с состоянием общественным, цивилизованным, гражданским, во время которого людей уже можно охарактеризовать как «благочестивых, целомудренных, сильных и, следовательно, могущественных, уже объединенных в общество семей» ⁶². Зарождение общественных отношений и начало подлинно исторической эпохи (или, как выражается Вико, достижение «Человечности» ⁶³, то есть цивилизованного состояния) рассматривается мыслителем в качестве результата, порожденного сочетанием четырех факторов, первым из которых выступает переход доисторических человеческих общностей от собирательства к земледелию, и, как следствие, к оседлому образу жизни, результатом чего становится возникновение частной собственности — сначала на землю и орудия труда, а затем и на все прочие вещи. Аллегорически данный процесс и последующее образование первых государств описывается у Вико следующим образом: «сначала были леса, потом — возделанные поля и хижины, после — маленькие дома и деревни, затем Города, наконец, Академии и Философы» ⁶⁴.

Вторым фактором, обусловившим начало истории, по мнению Вико, стало возникновение религии, о чем он напрямую пишет в XXX аксиоме: «Мир народов начался с Религией. Это — первое из трех Оснований нашей Науки» ⁶⁵. И далее (аксиома XXXI): «Где народы настолько озверели от войн, что у них уже больше не действуют человеческие законы, там единственным могущественным средством обуздать их является Религия» ⁶⁶. Вообще, мысль о религии как о естественной внешней силе, способной усмирить человеческие пороки, красной нитью проходит через все произведение неаполитанского мыслителя; лишь она одна, с точки зрения Вико, «может поставить определенные границы силе там, где нет человеческих законов, или, если они и существуют, где их недостаточно, чтобы обуздать силу» ⁶⁷. С зарождением у первых народов религиозного самосознания и мистического мировосприятия было неразрывно связано и возникновение представления о божественном промысле как своего рода двигателе и конечной цели всей человеческой истории: «все нации возникли на основе убеждения о существовании Божественного Провидения» ⁶⁸; «... оно прежде всего привело людей, которые имеют в виду поступать совершенно иначе, к страху перед Божеством, а Религия — это первая и основная база Государств» ⁶⁹. В свою очередь, из религии впоследствии родилось искусство («из Религии возникли Искусства Культуры» ⁷⁰ и далее: «... без религии, основавшей государства, люди не могли бы иметь никакой идеи ни о Науке, ни о доблести!» ⁷¹), а из последнего — наука и философия: «таким образом, первые народы, как бы дети Рода Человеческого, прежде всего основали Мир Искусств, впоследствии Философы, появившиеся через много лет, следовательно, как бы старики наций, основали мир Наук; тем самым Культура была полностью завершена» ⁷². Более того, Вико твердо придерживался той точки зрения (полемизируя при этом со взглядами древнегреческого историка Полибия ⁷³), что без религии вообще не существовало бы ни философии, ни науки, ни нрав-

ственности: «... ведь если бы не было Религий, а следовательно, и Государств, то вообще на свете не было бы и Философов; и если бы Божественное Провидение не расположило именно в таком порядке вещи человеческие, то у нас не было бы никакой идеи ни о Науке, ни о Добродетели» ⁷⁴. И уже в самом конце произведения, в «Заключении», Вико вновь возвращается к идее религии, подводя итог всему предшествующему анализу: «если народы потеряют Религию, то у них не останется ничего, что заставляло бы их жить в обществе, никакого щита для защиты, никакого средства, чтобы посоветоваться, никакого основания направиться в ту или другую сторону, никакой формы, в силу которой они вообще могут существовать в мире» ⁷⁵.

Третьим элементом, предваряющим, согласно автору «Оснований новой науки об общей природе наций», образование государства и переход человечества от его естественного состояния к гражданскому, становится существенное усложнение социальной структуры первобытных общин, выражающееся в возникновении традиционных (патриархальных) семей, являющихся, по меткому выражению неаполитанского мыслителя, «питомниками Государств» ⁷⁶: «Божественное провидение расположило дела человеческие соответственно тому установлению, что сначала закладываются семьи при посредстве Религий, а на основе этих семей потом должны возникнуть Государства при посредстве Законов» ⁷⁷. В свою очередь, возникновение традиционных семей сопряжено, с точки зрения Вико, с появлением обычая торжественного захоронения мертвых и официального заключения браков: «Наблюдая все Нации, как варварские, так и культурные, отделенные друг от друга огромнейшими промежутками места и времени, различно основанные, мы видим, что все они соблюдают три следующих человеческих обычая: все они имеют какую-нибудь религию; все они заключают торжественные браки; все они погребают своих покойников; и нет среди наций, как бы дики они ни были, такого человеческого действия, которое совершалось бы с более изысканными церемониями и с более священной торжественностью, чем религиозные обряды, браки и погребения» ⁷⁸.

И, наконец, четвертым фактором, делающим возможным появление общества и государства, становится возникновение законодательства, которое, по словам Вико, позволяет обуздать человеческие страсти и эгоистические устремления и направить их на достижение общего блага: «Так из свирепости, скупости и честолюбия (эти три порока пронизывают насквозь весь род человеческий) оно (законодательство. — *А.Е., О.П.-Б.*) создает войско, торговлю и двор, т.е. силу, богатство и мудрость Государств. И из этих трех великих пороков, которые, несомненно, уничтожили бы поколение людей на земле, оно создает Гражданское Благополучие» ⁷⁹.

Согласно автору «Новой науки», божественное провидение как своего рода высший, метафизический двигатель человеческой истории задает бесконечную цикличность становлению и развитию всех без исключения мировых цивилизаций, каждая из которых последовательно проходит 3 основных этапа: 1. Век Богов 2. Век Героев 3. Век Людей (Век Человечества). Вот как сам мыслитель объясняет сущность данной триады: история (или, в метафорической терминологии Вико, «система естественного права» ⁸⁰) «проходит совершенно одинаково и с полным постоянством через три Века... а именно: Век Богов, когда языческие люди думали, что живут под божествен-

ным управлением и что все решительно им приказывается ауспициями или оракулами — самыми древними вещами языческой истории; Век Героев, когда последние повсюду царствовали в Аристократических Республиках, на основе, как они полагали, превосходства своей природы, отличающейся от природы их плебеев; и наконец, Век Людей, когда все признали, что они равны по человеческой природе; потому в этот век сначала процветали Народные Республики, а под конец — Монархии»⁸¹.

Век Богов — это своего рода «Детство Мира»⁸², начальный этап развития цивилизации, во многих чертах еще совпадающий с ее естественным, доисторическим состоянием. В этот период человек еще не осознает себя в качестве личности, а его гражданские качества и добродетели находятся в зачаточном состоянии. Возникает вопрос: почему же неаполитанский мыслитель назвал этот достаточно примитивный и дикий этап в развитии цивилизации столь высокопарно — Веком Богов? Как ни странно, ответ на него следует искать, как и в случае с объяснением геометрического метода исторического познания, во взглядах автора на природу человека. Дело в том, что, с его точки зрения, Век Богов — это эпоха, в течение которой наиболее явственно проявляется именно естественная, первобытно-природная сущность человека, на которую пока еще не оказывают сколь-нибудь серьезного влияния различные политические, экономические и социальные институты, находящиеся в стадии становления.

С точки зрения Вико, изначальная природа человека противоречива — и в этой связи нельзя говорить ни об имманентной злонамеренности человеческого существа (как это делали, к примеру, Никколо Макиавелли, Мартин Лютер, а впоследствии — Фридрих Ницше⁸³), ни о его естественном благородстве и добродетельности (как полагали Сократ, Платон, Аристотель, а в эпоху Просвещения — Жан-Жак Руссо и философы-утилитаристы). Пожалуй, идеи Вико, всю жизнь считавшего себя ортодоксальным христианином, ближе всего взглядам Блаженного Августина, трактат которого «О Граде Божием» («De Civitate Dei») ⁸⁴ неаполитанский мыслитель несколько раз упоминает в своей работе. Подобно Отцу христианской церкви, Вико утверждает, что человеческая природа, хотя и испорчена первородным грехом, тем не менее внутренне стремится к благу, совершенству и справедливости, а препятствием на этом пути ей может служить лишь собственная слабость: «... человек не абсолютно несправедлив по самой своей природе, но... он несправедлив вследствие своей падшей и слабой природы»⁸⁵. И теперь нам становится ясным, почему вопрос об изначальной сущности человеческой природы был для Вико далеко не праздным — напротив, речь фактически идет о важнейшем моменте всей его историософии, поскольку, с точки зрения автора «Новой науки», на заре всемирной истории слабость человеческой природы породила потребность в создании жестоких и строгих языческих культов, способных стать своего рода внешней принудительной силой для пока еще слабого духом человечества. Отсюда, согласно Вико, проистекает абсолютная убежденность первобытных людей в том, что весь их мир населен богами, духами и прочими сверхъестественными существами, что «Небо... царствует на земле и... совершает великие благодеяния для Рода Человеческого»⁸⁶ — и в данном контексте столь красочная метафора, как «Век Богов», приобретает совершенно иное, в высшей степени

гармоничное звучание, так как она отражает суть рассматриваемой исторической эпохи.

Второй этап становления цивилизации — Век Героев — характеризуется постепенным переходом от господствовавшего ранее общинно-родового строя к первым государственным или протогосударственным образованиям, что неминуемо влечет за собой нарастание социального антагонизма и имущественных противоречий в рамках по-прежнему относительно примитивного земледельческого общества. Карл Маркс назвал бы эту эпоху первым в истории человечества периодом обострения классовой борьбы, Вико же именуется ее более возвышенно и поэтически — веком «героических распрей»⁸⁷, под которыми он понимает процесс зарождения, развития и разрешения конфликта между родовой аристократией (патрициями) и плебеями. При этом патриции зачатую именуется Вико «Благородными»⁸⁸ и «Героями»⁸⁹, ввиду чего можно сделать вывод, что, с точки зрения автора «Оснований новой науки об общей природе наций», Век Героев — это эпоха безусловного господства нобилитета, выражающаяся в доминировании таких форм государственной власти, как аристократическая республика. Однако с течением времени постепенное смещение баланса сил в пользу плебеев приводит к тому, что спустя столетия они полностью уравниваются в гражданских правах с патрициями, что знаменует собой наступление новой эпохи — эпохи «Народной Свободы»⁹⁰, или Века Людей — характеризующейся повсеместным распространением демократических республик, а затем и монархий, неминуемо устанавливающихся после тяжелых периодов хаоса, анархии и безвластия⁹¹.

Принципиально важно подчеркнуть, что, по мнению Вико, «поступательное движение всех наций единообразно»⁹², и подобный путь (Век Богов — Век Героев — и, наконец, Век Людей) являет собой абсолютную историческую и социальную закономерность: по нему проходят все без исключения народы и государства, а по завершении последней эпохи происходит неизбежная гибель цивилизации, сопровождающаяся повторным запуском нового цивилизационного цикла и наступлением очередного периода варварства⁹³. Существует, однако, и иная, достаточно распространенная и, с точки зрения Вико, даже желательная альтернатива — завоевание стареющей, переживающей духовный, нравственный и культурный упадок цивилизации иным народом, находящимся на восходящей стадии собственного развития. Именно это и имеет в виду неаполитанский мыслитель, когда говорит, что погрязшие в пороке народы могут оказаться «подданными лучших наций, завоевавших их посредством оружия...»⁹⁴ При этом важно понять, что в контексте данной цитаты Вико вкладывает в понятие «лучший» не только и, возможно, даже не столько собственную морально-этическую оценку завоевателей, сколько объективную характеристику той или иной цивилизации как находящейся в стадии расцвета и, соответственно, полной сил и жизненной энергии. Таким образом, получается, что завоеватели, по мысли Вико, покоря стареющую, дряхлую, готовую к гибели цивилизацию, тем самым спасают ее, инкорпорируя культурные достижения и ценности завоеванного народа в живое тело собственной цивилизации — и примером тому, с точки зрения неаполитанского мыслителя, может служить судьба целого ряда покоренных Римом народов (например, Древней Греции). Тем не менее, со временем и сами завоеватели вступают в полосу культурной деградации, характерную для завершаю-

шего периода Века Людей, ввиду чего гибель их цивилизации, а также цивилизаций некогда «спасенных» ими народов, все же представляется исторически неизбежной.

В свете всего вышеизложенного представляется важным подчеркнуть один ключевой, принципиально важный момент: не стоит думать, что, с точки зрения Вико, подобного рода цикличность мировой истории в той или иной степени отрицает культурный, научный и цивилизационный прогресс человечества — напротив, неаполитанский мыслитель, являя собой пример одного из ярчайших талантов эпохи Просвещения, был исключительно далек от подобного историко-софского скептицизма, не сомневался в способности человека к духовному росту и самопознанию и, как следствие, в возможности построения в будущем более совершенного, справедливого, процветающего и благополучного общества. В то же время Вико была чужда и иная крайность, заключающаяся в достаточно примитивной идее линейного и непрерывного прогресса человеческой цивилизации, не сопровождающегося периодами упадка и деградации — идея, которая была столь широко распространена среди философов-просветителей XVIII века. Концепция неаполитанского мыслителя была гораздо более взвешенной и многогранной: по завершении цивилизационного цикла той или иной нации (то есть после окончания Века Людей) неминуемо наступает долгая, мрачная и тягостная эпоха культурного упадка, характеризующаяся полным разрушением государства и разрывом всех социально-экономических связей — и только спустя несколько столетий над миром воцарившегося варварства вновь занимается заря нового возрождения. Таким образом, развитие человечества одновременно и прогрессивно, и циклично, то есть идет по спирали — и это положение являет собой важнейший момент, своего рода квинтэссенцию всей «Новой науки» Джамбаттисты Вико — и, кроме того, во многом сближает точку зрения неаполитанского мыслителя с историко-софской концепцией Георга Вильгельма Фридриха Гегеля.

Однако вернемся к рассмотрению эволюции человеческого сообщества, его культуры и цивилизации по мере движения «Вечной Идеальной Истории»⁹⁵ от Века Богов через Век Героев к Веку Людей. Одним из ключевых отличий между тремя вышеуказанными эпохами является постепенная гуманизация государственного законодательства: если в Век Богов царствовала так называемая «Мистическая Теология»⁹⁶, жестко регламентировавшая все сферы жизни общества и подчинявшая их воле языческих жрецов, выполнявших в то же время роль «Отцов Семейств»⁹⁷ (или, по образному выражению Вико, «Поэтов-Теологов»⁹⁸ или «Семейных Монархических Царей»⁹⁹)¹⁰⁰, то в последующие эпохи — в Век Героев и Век Человечества — законодательство постепенно становилось все более «милостивым и гибким»¹⁰¹, во все большей степени отвечающим как частным потребностям отдельных граждан, так и требованиям всеобщего блага и общественной справедливости. Кроме того, по мере развития человеческой истории эволюционировало и само понимание права: первоначально, в период варварства, оно носило религиозный и, если так можно выразиться, иррационально-эзотерический характер, то есть воспринималось обществом как воплощение воли высших, сверхъестественных сил, управляющих человечеством посредством дарованных ему священных, непреложных и незыблемых законов, заповедей и канонов («ауспиций»¹⁰² в терминологии Вико). В этой

связи на ранних этапах развития цивилизации народы склонялись к строгому и в то же время дословному, буквальному соблюдению всех имеющихся предписаний, так как любое, даже малейшее отступление от буквы закона могло быть чревато карой богов и уничтожением всей нации: «Люди неразвитые считают правом лишь то, что выражено в словах»¹⁰³. Однако впоследствии, по мере роста интеллектуальных способностей человека, развития его духовной и материальной культуры, а также постепенного усложнения социально-иерархической структуры общества, все сильнее возрастала потребность в логичном и рационально обоснованном законодательстве, проистекавшем не из туманных мистико-религиозных заветов и предписаний древних эпох, а из универсальных соображений человеческого разума. Непосредственным результатом подобной ценностно-мировоззренческой эволюции общества стало широкое осознание того факта, что на первый план должно выходить соблюдение уже не буквы, но самого духа закона, а это, в свою очередь, вело к тому, что право становилось все более всеобщим и универсальным, приобретало императивные, то есть общезначимые и общеобязательные для всего народа черты. Таким образом, развитая правовая система позднейших эпох являла собой разительный контраст по сравнению с узко понимаемым и сугубо индивидуализированным законодательством времен Драконта, Солона, Ликурга и первых римских царей: «Ведь самые древние законы, по нашим наблюдениям, воспринимались как приказание или запрещение одному единственному [человеку], впоследствии же они распространились на всех»¹⁰⁴.

Параллельно со смягчением и постепенным изменением природы законодательства и в тесной взаимосвязи с ним происходила и моральная, нравственно-этическая эволюция человека: «Природа народов сначала жестока, потом сурова, затем мягка, после утончена, наконец, распушена» (Аксиома LXVII)¹⁰⁵. Кстати, именно изнеженность и распушенность человеческой природы, нарастающие по мере приближения государства к концу его цивилизационного цикла, приводят, с точки зрения Вико, к нравственному упадку, духовной деградации и полному моральному разложению общества, которые, в свою очередь, влекут за собой крушение цивилизации, исчезновение народа и наступление эпохи «нового варварства». Аналогичным образом, по мере развития цивилизации меняются и представления человека о его личной сфере ответственности и гражданском долге, причем с течением времени все более наблюдается тенденция к распространению космополитизма: «человек в зверином состоянии любит только свое собственное сохранение; взяв жену и произведя детей, он любит свое сохранение вместе с сохранением семьи; достигнув гражданской жизни, он любит свое сохранение вместе с сохранением Города; когда же власть государства распространится на много народов, он любит свое сохранение вместе с сохранением Наций; а когда нации объединятся в войне, в мире, в союзах и торговле, он любит свое сохранение вместе с сохранением всего Рода Человеческого»¹⁰⁶.

Джамбаттиста Вико умер в январе 1744 г., не дожив всего нескольких месяцев до публикации третьего и, как оказалось, последнего издания «Новой науки». Пройдет всего четыре года — и в свет выйдет эпохальная работа Шарля Луи Монтескье «О духе законов» (1748), которая мгновенно и вполне заслуженно обретет всеевропейскую популярность и сохранит имя своего автора в веках. К сожалению

нию, совсем иная участь ждала произведение Вико: в бурном потоке эпохи Просвещения оно оказалось на долгие десятилетия забытым, будто бы стертym из памяти грядущих поколений — и все это даже несмотря на то, что, при всей несхожести позиций неаполитанского мыслителя и французского философа, многие из их концепций (например, о дуализме исторического детерминизма и свободы воли; о социальной и культурной обусловленности различных форм правления и т.д.) были удивительно созвучны между собой. К сожалению, большинство современников великого неаполитанца оказались неспособны отделить действительно достаточно архаичную, запутанную, нередко очень противоречивую и сложную для восприятия стилистическую и композиционную форму «Новой науки» от ее глубинного, подлинно самобытного и удивительно богатого содержания. Пожалуй, именно в этом и состоит величайшая трагедия и в то же время подлинное величие творчества Вико. Только к середине XIX столетия пришло запоздалое осознание того факта, что «Новая наука» — это не последний отголосок средневековья — своего рода застывшее изваяние давно минувшей эпохи, как полагали многие современники неаполитанского мыслителя, но, напротив, исключительно талантливое произведение, на много десятилетий опередившее свое время.

Впрочем, широкому кругу читателей имя и творчество Джамбаттисты Вико по-прежнему практически неизвестны. Между тем, вклад его в развитие как философии, так и исторической науки поистине огромен — и, более того, вполне сопоставим с историософскими достижениями иных мыслителей эпохи Просвещения — Джона Локка, Дэвида Юма, Шарля Луи Монтескьё, Вольтера, Жана-Жака Руссо и даже Иммануила Канта. Неаполитанский мыслитель был подлинным новатором в самых разных аспектах теории и практики исторического познания, и полноценное раскрытие его богатейшего наследия по-прежнему остается делом будущих поколений.

Примечания

1. Речь идет о следующих пяти разделах: I. Об установлении оснований; II. О Поэтической Мудрости; III. Об открытии Истинного Гомера; IV. О поступательном движении, совершаемом нациями; V. О возвращении человеческих вещей при возрождении наций.
2. См. вступление к «Основаниям новой науки об общей природе наций» Джамбаттисты Вико: ИВАНОВА Ю.В., СОКОЛОВ П.В. *Ad Lectorem Aequanimum*. В кн.: ВИКО Д. Основания новой науки об общей природе наций. М. 2018, с. 3—34.
3. Так, Андрей Губер, переводчик текста «Оснований новой науки об общей природе наций» на русский язык, в своих комментариях к произведению давал следующую характеристику особенностей художественного стиля Вико: «Помимо указанной кропотливой работы с текстом, подлежащим переводу, много трудностей представлял и самый язык Вико. Совершенно особая, чисто индивидуальная терминология, выработанная в целостную систему во время почти полного уединения Вико и культурного упадка Неаполя, ставшего к тому времени грустной провинцией для наук и литературы, бросалась в глаза уже современникам Вико (см., например, высказывания Леклерка, который судил о латинских трудах Вико, написанных как раз превосходным языком)». «Очень много говорилось о “темноте” и непонятности Вико, о его бесконечных потворениях, о его неспособности выразить свои мысли». ВИКО Д. Ук. соч., с. 651— 652.
4. Там же, с. 130.

5. Там же, с. 81.
6. Там же, с. 190.
7. См., напр.: КИССЕЛЬ В.А. Вико. М. 1980; LOWITH K. Vicos Grundsatz: verum und factum convertuntur: seine theologische Pramisse und deren sakulare Konsequenzen. Heidelberg. 1968.
8. ВИКО Д. Ук. соч., с. 178.
9. Там же, с. 80.
10. Там же, с. 38.
11. АРИСТОТЕЛЬ. «Политика». <http://litread.info/pages/150320/129610-131221>.
12. См., например, диалог Платона «Государство», в котором три ключевых сословия античного полиса — правители (философы), стражи (воины), земледельцы и ремесленники — уподобляются трем основным началам человеческой души — разумному, пылкому (то есть воле) и вожделеющему (то есть чувствам, эмоциям), а также трем человеческим добродетелям — мудрости, мужеству и умеренности.
13. В то же время в идее о социально-исторической обусловленности человеческой природы проявляются несомненные параллели между историософией Вико, с одной стороны, и гегельянской и марксистской концепциями — с другой. Так, Карл Маркс рассматривал природу человека как функцию (то есть производную) от уровня и специфики социально-экономического развития того или иного общества.
14. ВИКО Д. Ук. соч., с. 131.
15. Там же, с. 212.
16. Там же, с. 114.
17. Там же, с. 632.
18. Вообще, Вико не скупился на похвалы в адрес христианской религии, которая, по его словам, «учит столь возвышенным истинам, что для служения ей были приняты самые ученые Философии Язычества; и она пользуется для своих нужд тремя Языками, как своими собственными: самым древним в мире — Еврейским, самым изысканным — Греческим, самым величественным — Латинским. Таким образом, даже и для человеческих целей Христианская Религия оказывается наилучшей из всех Религий мира, так как она объединяет Мудрость, данную в откровении, с разумной Мудростью самого отборного учения Философов и самой глубокой Эрудицией Филологов». Там же, с. 634. При этом Вико, будучи сыном своего времени, основное достоинство христианства видел в его умопостигаемом (то есть по сути рациональном), а не чувственном характере: «существует следующее принципиальное различие между нашей Христианской Религией, истинной, и всеми другими, ложными: в нашей Религии Божественная Благодать заставляет поступать добродетельно ради Вечного и Бесконечного Блага, которое не может подлежать чувствам и для которого, следовательно, сознание побуждает чувства к добродетельным поступкам; обратно тому, в ложных религиях, поставивших себе целью блага конечные и тленные как в этой жизни, так и в жизни иной, где они ожидают блаженства телесных наслаждений, чувства должны увлекать сознание для свершения доблестных поступков». Там же, с. 648. Нетрудно заметить, что в последней цитате отчетливо прослеживается влияние платонизма и, еще шире, всей рационалистической традиции европейской философии со времен Античности.
19. ВИКО Д. Ук. соч., с. 98.
20. Там же, с. 131—132.
21. Можно даже сказать, с марксистских или, еще точнее, фейербаховских позиций. Ср. точку зрения Вико на происхождение языческих богов с критикой религии в работах Людвиг Фейербаха («Философия и христианство», «Сущность христианства», «Сущность религии», «Чтения о сущности религии») и Карла Маркса («К критике гегелевской философии права»). В то же время необходимо отметить принципиальные различия между подходом Вико к рассмотрению происхождения язычества и точкой зрения на данный вопрос французских материалистов эпохи Просвещения (например, Вольтера и Гольбаха): если последние воспринимали религию не только и даже не столько как плод суеверия человека, а скорее как следствие сознательного обмана высшими слоями населения низших ради достижения тех или иных политических и экономических выгод, то Вико напря-

- мую заявлял: «Ложные Религии возникают не от Обмана другими, а от собственного Легковерия». Там же, с. 146. И здесь мы опять же видим, что позиция Вико по данному вопросу удивительно близка точке зрения Людвига Фейербаха.
22. ВИКО Д. Ук. соч., с. 208.
  23. ЛУЦИЙ ЦЕЦИЛИЙ ФИРМИАН ЛАКТАНЦИЙ. Божественные установления, 8, 8.
  24. ВИКО Д. Ук. соч., с. 413.
  25. ВИКО Д. Ук. соч. Л. 1940, с. 489; цит. по: КИССЕЛЬ В.А. Вико. М. 1980, с. 33—34.
  26. Имеются в виду «призраки рода», «призраки пещеры», «призраки площади» и «призраки театра».
  27. ВИКО Д. Ук. соч. М. 1980, с. 93.
  28. Там же, с. 131.
  29. Там же, с. 132.
  30. Так, по данным Фаусто Николини, автора монографии о жизни и творчестве неаполитанского мыслителя, Вико прочитал «Анналы» Тацита никак не менее 35 раз! См.: NICOLINI F. *La Giovinezza di G.V. Vico*. Napoli. 1932, p. 145, КИССЕЛЬ В.А. Ук. соч., с. 20.
  31. ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 80.
  32. VICO G. *Le Orazioni inaugurali, Il de Itolorum Sapientia, e le Polemiche*. Bari. 1968, p. 116; цит. по: КИССЕЛЬ В.А. Ук. соч., с. 26.
  33. ВИКО Д. Ук. соч. М. 1980, с. 53.
  34. Там же, с. 643.
  35. Там же.
  36. Там же, с. 643—644.
  37. Там же, с. 73.
  38. Там же, с. 172.
  39. Там же, с. 133.
  40. Там же, с. 72.
  41. Там же, с. 156.
  42. Там же, с. 528.
  43. Там же, с. 550.
  44. Там же, с. 186.
  45. См.: ГЕГЕЛЬ Г. *Философия Истории* [https://www.litmir.me/br/?b=430181&p=1\\$](https://www.litmir.me/br/?b=430181&p=1$); ЕГО ЖЕ. *Философия права*. <http://e-libra.su/read/362194-filosofiya-prava.html>; ЕГО ЖЕ. *Феноменология духа*. <http://knigosite.org/library/read/87798>.
  46. Немного отступая от темы божественного провидения и творческой деятельности Абсолютного духа в произведениях Вико и Гегеля, хотелось бы отметить тот исключительно любопытный факт, что существует и целый ряд иных точек соприкосновения в историософских концепциях двух вышеуказанных философов. Так, в «Основаниях новой науки об общей природе наций» есть своего рода прототип гегелевских понятий диалектического синтеза и «снятия» (*Aufheben*), то есть отрицания с удержанием, касающийся, правда, исключительно политической сферы. Так, Вико вполне в гегелевском духе заявляет, что в каждой последующей форме государственного устройства имманентно сохраняются элементы предшествующей ей по времени и, соответственно, менее развитой и совершенной политической системы: «Однако, чтобы не оставлять никакого сомнения в том, что относится к такой естественной последовательности Политических, т.е. Гражданских Состояний, мы здесь покажем..., что позднейшие формы государств смешиваются с первоначальными формами правлений. Такое смешение имеет основание в следующей Аксиоме: изменяясь, люди придерживаются в течение некоторого времени своих прежних навыков». ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 577—578.
  47. ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 646—647.
  48. Там же, с. 72.
  49. Там же, с. 171.
  50. Там же, с. 78.
  51. Там же, с. 55.
  52. Там же.
  53. Там же, с. 179.

54. Там же, с. 50.
55. Там же, с. 391.
56. Там же, с. 440.
57. Там же, с. 50.
58. Там же, с. 440.
59. Там же.
60. Там же.
61. ГОББС Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. Гл. XIII. О естественном состоянии человеческого рода в его отношении к счастью и бедствиям людей. <http://lib.ru/FILOSOF/GOBBS/leviafan.txt>.
62. ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 50.
63. Там же, с. 49.
64. Там же, с. 56.
65. Там же, с. 143.
66. Там же.
67. Там же, с. 530.
68. Там же, с. 277.
69. Там же, с. 389—390.
70. Там же, с. 296.
71. Там же, с. 421.
72. Там же, с. 288—289.
73. Ср. у Полибия: «Правда, будь возможность образовать государство из мудрецов, тогда не было бы нужды в подобном образе действий (в религии); но так как всякая толпа легкомысленна и преисполнена нечестивых вожделений, неразумных стремлений, духа насилия, то только и остается обуздать ее таинственными ужасами и грозными зрелищами». ПОЛИБИЙ. Всеобщая история. VI, 56. <https://profilib.net/chtenie/154328/polibiy-vseobschaya-istoriya-154.php>.
74. ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 602—603.
75. Там же, с. 648.
76. Там же, с. 390.
77. Там же, с. 49.
78. Там же, с. 179.
79. Там же, с. 133.
80. Там же, с. 66.
81. Там же, с. 66—67.
82. Там же, с. 425.
83. Ср. у Макиавелли: «Ибо о людях в целом можно сказать, что они неблагодарны и непостоянны, склонны к лицемерию и обману, что их отпугивает опасность и влечет нажива: пока ты делаешь добро, они твои всей душой, обещают ничего для тебя не шадить: ни крови, ни жизни, ни детей, ни имущества, но когда у тебя явится в них нужда, они тотчас от тебя отвернутся» и далее: «Люди скорее простят смерть отца, чем потерю имущества». МАКИАВЕЛЛИ Н. Государь. Гл. XVII. <http://lib.ru/POLITOLOG/MAKIAWELLI/gosudar.txt>. См. также точку зрения Ницше на природу человека: «Видеть страдания — приятно, причинять страдания — еще приятнее: вот суровое правило, но правило старое, могущественное, человеческое-слишком-человеческое, под которым, впрочем, подписались бы, должно быть, и обезьяны: ибо говорят, что в измышлении причудливых жестокостей они уже сполна предвещают человека и как бы «настраивают инструмент». Никакого праздника без жестокости — так учит древнейшая, продолжительнейшая история человека, — и даже в наказании так много праздничного!» НИЦШЕ Ф. К генеалогии морали. http://lib.ru/NICSHE/morale.txt_with-big-pictures.html.
84. См: АВРЕЛИЙ АВГУСТИН (Блаженный Августин). О Граде Божиим (De Civitate Dei). http://az.lib.ru/a/avgustin_a/text_0427_de_civitate_dei-1.shtml.
85. ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 170.
86. Там же, с. 442.
87. Там же, с. 284.
88. Там же.
89. Там же, с. 352.

90. Там же, с. 646.
91. В терминологии Вико анархия характеризуется как «разнузданная народная свобода». (ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 461), или, что менее тривиально, в качестве «совершеннейшей тирании, самой худшей из всех», то есть тирании человеческих пороков и узкоэгоистических устремлений. Там же, с. 643.
92. Там же, с. 460.
93. Именно поэтому Вико нередко называет первобытное состояние человечества, предшествовавшее началу Античной эпохи, «первым варварством», а раннее средневековье, последовавшее за гибелью древнеримской цивилизации — «вторым», «последним» или «вернувшимся варварством». ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 501.
94. Там же, с. 643.
95. Там же, с. 72.
96. Там же.
97. Там же, с. 307.
98. Там же, с. 72.
99. Там же, с. 306.
100. То есть, говоря современным языком, это был период своего рода протогосударственной теократии, когда роль государственных институтов власти выполняли собрания «отцов семейств» — патрициев, которые одновременно выступали и в роли жрецов, и в качестве законодателей и верховных правителей племенных объединений.
101. ВИКО Д. Ук. соч. М. 2018, с. 75.
102. Там же, с. 49.
103. Там же, с. 174.
104. Там же, с. 290.
105. Там же.
106. Там же, с. 185.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii201811Shkola01

ББК 63.3(47)53/УДК 94(497) «191» И 861

Мюнхенское соглашение 1938 г.: пролог к новой мировой войне

П.А. Искендеров

Аннотация. Публикация посвящена Мюнхенскому соглашению, подписанному в ночь на 30 сентября 1938 г. Германией, Италией, Великобританией и Францией. Автор анализирует причины, побудившие западные державы пойти на стовор с Гитлером, а также последствия данного шага. Рассматриваются также альтернативные варианты развития событий в Европе в случае отказа Лондона и Парижа от заключения соглашения в Мюнхене.

Ключевые слова: Россия, Германия, Великобритания, Франция, Италия, Мюнхенское соглашение, Чехословакия, Польша, Венгрия, вторая мировая война

Abstract. The publication is devoted to the Munich Agreement signed September 30, 1938. The author analyzes the roots of the pro-Hitlerian policy by Great Britain and France as well as its aftermaths. Alternative ways of history process in the case of the failure of the Munich negotiations are also under examination.

Key words: Russia, Germany, Great Britain, France, Italy, Munich Agreement, Czechoslovakia, Poland, Hungary, World War I.

Соглашение, подписанное в Мюнхене в 1938 г., прочно вошло в отечественную историографию как «мюнхенский стовор» Великобритании и Франции с Гитлером. Данная оценка в целом представляется справедливой, однако подлинные причины политики всех вовлеченных в процесс сторон нуждаются в более внимательном и всестороннем анализе в рамках школьного курса новейшей истории. Представляется целесообразным акцентировать внимание учащихся на следующих основных вопросах:

1. Военно-политическая обстановка в Европе и в мире в целом к середине 1930-х гг.;
2. Итоги первой мировой войны в контексте причин и условий прихода к власти в Германии Гитлера и его планов по пересмотру европейских границ;

Искендеров Пётр Ахмедович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, главный редактор журнала «Вопросы истории». E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

Iskenderov Petr A. – M.A., senior researcher at the Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of “Voprosy Istorii” history journal. E-mail: iskenderov.petr@yandex.ru.

---

3. Корни соглашательской политики Великобритании и Франции. (Не)обоснованность их страхов перед вооруженным конфликтом с Германией во второй половине 1930-х гг. и расчетов на умиротворение Гитлера;

4. Причины отказа западных держав поддержать инициативы СССР по оказанию военной помощи Чехословакии и созданию превентивной антигитлеровской коалиции;

5. Последствия Мюнхенского соглашения 1938 г. для судеб Европы и всего мира.

Мюнхенское соглашение было подписано в ночь с 29 на 30 сентября 1938 г. в Мюнхене премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, его французским коллегой Э. Даладье и лидерами Германии и Италии А. Гитлером и Б. Муссолини ¹. На следующий день, 30 сентября, с текстом документа было ознакомлено чехословацкое правительство. Документ предусматривал «уступку» Чехословакией Германии населенной преимущественно немцами Судетской области, а также пограничных районов с Австрией, захваченных к тому времени Германией. Кроме того, ряд областей Чехословацкого государства были переданы Польше и Венгрии.

Чехословакия должна была отвести свои войска из передаваемых районов в срок с 1 по 10 октября 1938 года. При этом все находившиеся на указанной территории военные и промышленные объекты — укрепления, склады оружия и боеприпасов, заводы, фабрики, инфраструктура транспорта и связи — также передавались Германии без какой-либо компенсации с ее стороны.

Дальнейшие события развивались даже с опережением установленных сроков. Уже 1 октября германские войска заняли Судетскую область. В тот же день польские войска вошли в Тешинскую область Чехословакии. Под венгерский контроль в начале ноября перешли южные районы Словакии и Подкарпатской Руси (современная Закарпатская область Украины), где большинство населения составляли венгры ².

В общей сложности от Чехословакии было отторгнуто около 20% ее территории, где проживала четверть населения страны (5 млн чел., из которых около 1 млн 250 тыс. являлись чехами и словаками) и размещалось около половины мощностей тяжелой промышленности ³.

Одновременно с Мюнхенским соглашением Великобритания и Германия по итогам личной встречи Чемберлена и Гитлера подписали 30 сентября 1938 г. совместную Декларацию, представлявшую, по сути, соглашение о ненападении между двумя государствами. Инициатива по подготовке данного документа исходила лично от британского премьер-министра. Декларация подчеркивала стремление Лондона и Берлина «содействовать обеспечению мира в Европе». Она предусматривала, что подписанные ранее Мюнхенское соглашение, а также Англо-германское соглашение от 1935 г. символизируют желание двух народов «никогда более не воевать друг с другом», и выражалась решимость продолжать усилия по устранению возможных источников англо-германских разногласий ⁴. В декабре 1938 г. аналогичная декларация была подписана между Германией и Францией.

По прибытии в Лондон Чемберлен торжественно объявил, что он привез «мир для нашего поколения» — за 11 месяцев до начала второй мировой войны.

Смысл подписанных деклараций для Лондона и Парижа заключался в стремлении обезопасить свою территорию и свои интересы от возможной агрессии со стороны Гитлера, а для последнего — в гарантиях невмешательства Великобритании и Франции в его планировавшиеся операции в Центральной и Восточной Европе (первой из которых стал захват Чехословакии в марте 1939 года). Однако, как весьма обоснованно отмечает российский историк, доктор исторических наук О. Будницкий, проводившаяся Великобританией и Францией политика «умиротворения Гитлера» изначально была обречена на провал: «Победители Первой мировой войны проиграли свою победу без единого выстрела 30 сентября 1938 г.». «Прямым следствием Мюнхена стала утрата малыми странами Восточной и Центральной Европы веры в то, что Англия и Франция являются надежными союзниками. Некоторые из них начинают ориентироваться на Германию. Мюнхен продемонстрировал Сталину, что с ним в европейской политике не считаются, усилил его подозрительность в отношении западных демократий и побудил искать другие пути обеспечения безопасности СССР. В конечном счете это привело его к решению подписать соглашение с Гитлером, именуемое обычно пактом Молотова — Риббентропа, хотя они были лишь исполнителями воли своих хозяев. Несомненно, это соглашение было одним из последствий Мюнхена», — указывает исследователь ⁵.

При этом следует иметь в виду, что для самого Гитлера исходным пунктом реализации курса на пересмотр невыгодных для его страны итогов первой мировой войны стал ввод войск в Рейнскую демилитаризованную зону на границе с Францией, установленную Версальским мирным договором 1919 г., который не встретил адекватного ответа со стороны западных держав. К этому времени пограничный режим между Германией и Францией определялся комплексом Локарнских договоров от 1925 г., гарантировавших нерушимость европейских границ, сложившихся по итогам первой мировой войны. Данные документы вступили в силу после принятия Германией в Лигу Наций в сентябре 1926 года ⁶.

В системе Локарнских договоров ключевое значение имел парафированный 16 октября в Локарно и подписанный 1 декабря 1925 г. в Лондоне Рейнский гарантийный пакт о неприкосновенности государственных границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, установленных Версальским мирным договором, и сохранении демилитаризации Рейнской зоны. Гарантами указанного пакта выступали Великобритания и Италия.

Меморандум правительства Германии, уведомлявший западноевропейские страны о расторжении Берлином Локарнского договора был вручен послам Великобритании, Франции, Италии и Бельгии 7 марта 1936 года. В тот же день германские войска заняли Рейнскую демилитаризованную зону. По воспоминаниям современников, Гитлер спустя несколько дней после данного акта находился в ожидании сокрушительного военного ответа со стороны Великобритании и Франции.

Однако единственным международным институтом, осудившим действия Берлина, стала стремительно терявшая авторитет Лига Наций, принявшая документ с осуждением Германии. Что же касается ключевой для развития ситуации позиции Великобритании, то премьер-министр этой страны С. Болдуин заявил, что ввод частей вермахта в Рейнскую демилитаризованную зону «не содержит угрозы военного конфликта».

Именно данное событие проложило путь дальнейшей территориальной экспансии гитлеровской Германии в Европе. В марте 1938 г. последовал «аншлюс» Австрии. При этом Гитлер не только реализовывал собственный план «собираения» земель Третьего Рейха, но и фактически продолжал курс Берлина на «коренной передел мира», начатый еще в 1890-е годы ⁷.

Одновременно шаги Германии спровоцировали агрессивные действия со стороны фашистской Италии и дестабилизировали другие районы континента — в том числе Юго-Восточную Европу. Как справедливо отмечала российская исследовательница Н.Д. Смирнова, «возросшая в конце 30-х годов дипломатическая и военная активность в Европе фашистских государств создала непосредственную угрозу для Балкан. В рамках раздела сфер влияния между странами “оси Берлин — Рим” Италии отводились в качестве приоритетных направлений Балканы и Средиземноморье. Однако на практике гитлеровская Германия, претендовавшая на господство в этих регионах, не собиралась строго придерживаться достигнутой договоренности, вызывая небезосновательные подозрения у своего союзника. Аншлюс Австрии подтолкнул итальянские правящие круги на осуществление своих экспансионистских планов в Юго-Восточной Европе, к закреплению на албанском плацдарме» ⁸.

Вряд ли будет преувеличением сказать, что, как пишет Будницкий, «все версальские ограничения, наложенные на Германию, Гитлеру удалось ликвидировать без единого выстрела» ⁹. В британском парламенте У. Черчилль (позднее сменивший Чемберлена на посту главы правительства Великобритании) начал свое выступление в прениях о Мюнхенском соглашении словами: «Мы потерпели полное и абсолютное поражение». Известно, что еще в мае 1938 г. правительство Великобритании доверительно «рекомендовало» правительству Чехословакии пойти на максимальные уступки лидерам судетских немцев во главе с К. Генлейном и «отказаться от тезиса национального государства». В начале августа 1938 г. в Прагу была направлена миссия уполномоченного британского правительства лорда У. Ренсимена. В течение всего августа и первой половины сентября она выступала посредником на переговорах между правительством Чехословакии и судетско-немецкой фашистской партией Генлейна. Сам лорд Ренсимен не скрывал своих симпатий к лидерам судетских немцев. Под его давлением 7 сентября 1938 г. чехословацкое правительство приняло план создания на территории страны немецкого и венгерского автономных районов. Однако и это стало лишь промежуточным вариантом на пути расчленения Чехословакии. Гитлер последовательно реализовывал «завещание» Отто фон Бисмарка, подчеркивавшего, что «тот, кто держит Богемию, держит в своих руках Европу» ¹⁰.

По итогам работы миссии Ренсимена был принят Меморандум, в котором правительству Чехословакии «рекомендовалось» передать Судетскую область Германии ¹¹.

Из ведущих европейских держав лишь СССР решительно выступал против действий Германии и призывал к реализации идеи создания и «активации» антигитлеровской коалиции как средства предотвращения общеевропейской войны. В частности, народный комиссар иностранных дел М. Литвинов в своем выступлении в Лиге Наций 21 сентября заявил о готовности Москвы выполнить свои обязательства по заключенному ранее перекрестному соглашению о взаимопомощи с Францией и Чехословакией. Расквартированные вдоль юго-западной и западной границ СССР стрелковые дивизии, авиация, танковые соединения и части противовоздушной обороны были приведены в боевую готовность. Президент Чехословакии Э. Бенеш 19 сентября 1938 г. через советского полпреда в Праге обратился к правительству СССР с просьбой разъяснить его позицию в случае военного конфликта. Полученный из Москвы ответ гласил, что Советский Союз в случае войны с Германией готов выполнить условия договора с Чехословакией даже в случае отказа от его выполнения со стороны Франции.

Однако усилия СССР были не только не поддержаны, а по существу не замечены. В значительной степени это было связано с продолжавшимся курсом на игнорирование Советского государства, инициированным сразу после Октябрьской революции. Как позднее признавал в своих воспоминаниях будущий британский премьер-министр Черчилль, к советским предложениям «отнеслись с равнодушием, чтобы не сказать с презрением, которое запомнилось Сталину. События шли своим чередом так, как будто Советской России не существовало. Впоследствии мы дорого заплатились за это» ¹².

Внешняя политика Великобритании после первой мировой войны объективно выступала одним из ключевых факторов, питавших экспансионизм Германии. Как справедливо отмечает российский исследователь В.Л. Мальков, «не желая превращения Германии в союзницу СССР, с самого начала английская дипломатия не связывала себя признанием территориального деления, произведенного в Версале, окончательным и не подлежащим изменениям в рамках нового генерального соглашения, либо каким-нибудь иным мирным путем. Расходясь с Францией в определении характера внешних угроз и с раздражением взирая на ее попытки разного рода комбинациями создать контригру на востоке Европейского континента, в Лондоне в большей мере были склонны считать вопрос о восточных границах Германии открытым. Это отчетливо проявилось и в Локарно, и в более доверительных отношениях английской дипломатии с веймарской Германией, нежели с Францией, и в особенности в ходе встречи Д. Ллойд Джорджа и Гитлера 4 и 5 сентября 1936 года. Один из столпов Версальской системы оказался удивительно расположен рассматривать притязания фюрера на ее пересмотр за счет малых стран на Востоке и Юго-Востоке Европы, а также французских интересов в этом регионе. Именно из-за «гибкой» политики Лондона, а не из-за угроз Москвы к середине 1930-х гг. стало ясно, что существование малых стран Европы — детища Версаля — вне прочной, включающей

все без исключения европейские страны, построенной на доверии и закреплённой международными соглашениями (включая военные) системы коллективной безопасности с обязательным участием в ней России становится в высшей степени проблематичным. Однако признать это открыто никто не хотел»¹³.

На провокационную роль Великобритании указывали аккредитованные в западных столицах советские дипломаты. В частности, полномочный представитель СССР в Великобритании И.М. Майский в секретном письме народному комиссару иностранных дел Литвинову от 10 февраля 1939 г. называл Чемберлена «важнейшим союзником Гитлера и Муссолини»¹⁴.

В достижении Мюнхенского соглашения сыграли свою роль и США. Об этом Чемберлен откровенно заявил в октябре 1938 г., выступая в стенах британского парламента. «Есть и другое государство, которое не участвовало в конференции», но при этом «оказывало постоянное, все возрастающее влияние. Я, разумеется, имею в виду Соединённые Штаты».

Капитулянтскую по существу позицию заняло и руководство во главе с президентом Бенешем, сначала приступившее к проведению мобилизационных мероприятий, а затем под давлением Франции отказавшееся от сопротивления и принявшее условия Мюнхенского соглашения даже без одобрения Национального собрания. При этом сам Бенеш отнюдь не строил иллюзий по поводу будущего развития событий: «Это — конец. Вероломство наказывается. Уму непостижимо. Они думают, что спасут себя от войны и революции за наш счет. Ошибаются»¹⁵. А после нападения Германии на Советский Союз Бенеш стал одним из поборников сближения с СССР. Как справедливо подчеркивает российский историк А.В. Зорин, «Советский Союз долгое время находился в изоляции и крайне негативно воспринимался на Западе вплоть до 22 июня 1941 года. Но часть политических лидеров понимала необходимость развития отношений с Москвой. Одним из самых активных сторонников сближения с СССР можно считать президента Чехословацкой республики (ЧСР) в изгнании Э. Бенеша»¹⁶.

При этом следует признать, что межнациональные отношения в межвоенной Чехословакии действительно носили сложный характер и подпитывали недовольство нечешских этнических групп. По сути, «национальные трения, тлевшие все годы домюнхенской Первой республики, недовольство политикой Праги стали, если и не причиной, то подходящим поводом для вмешательства во внутренние дела Чехословакии, превращения чехословацкого вопроса в международный. Пик борьбы по национальному вопросу пришелся на 1938—1939 годы. Не только в Германии, но и в Польше, и в Венгрии Чехословакию характеризовали как “искусственно созданное государство”, у которого нет исторических традиций, которое не имеет оснований для существования. Всю свою внешнеполитическую деятельность эти государства сосредоточили на том, чтобы парализовать государственную деятельность Чехословацкой республики, разбить ее изнутри, создать общую границу в Карпатах. Расчленение и отторжение чехословацких территорий оправдывалось необходимостью “справедливого” решения в отношении немцев, поляков и венгров Чехословакии,

что привело к Мюнхенским соглашениям и ультиматумам ЧСР со стороны Польши и Венгрии»¹⁷.

Существовала ли реальная альтернатива «мюнхенскому стовору» с Гитлером. Сравнительный анализ военных возможностей вермахта с одной стороны и потенциальной антигерманской коалиции в составе СССР, Чехословакии, Великобритании и Франции с другой дает основания сделать вывод о том, что, угрожая англичанам и французам войной, Гитлер откровенно блефовал. Однако страх перед новой кровопролитной войной явственно перевешивал в глазах западных политиков и общественного мнения объективные военно-технические оценки и расчеты и заставлял абсолютизировать ценность соглашений по сравнению с военными мерами упреждающего характера, которые были востребованы прежде. Это относилось даже к научно-экспертному сообществу. «Версальский мир 1919 г. изначально закладывал иной маршрут, ведущий к возникновению науки, в большей степени ориентированной на исследование проблем мирного времени. Лозунгом тогдашнего научного сообщества было — “Никогда снова!” Это соответствовало линии, проводимой Лигой Наций, которая создавалась примерно в это же время. В тот период исследователи готовы были следовать заветам Нормана Энджелла, который еще до 1914 г. опубликовал работу “Великая иллюзия”¹⁸, объявляя войну оторванной от реальной действительности и старомодной», — обоснованно указывает в этой связи французский исследователь Б. Бади¹⁹.

Мюнхенское соглашение 1938 г. уже после второй мировой войны вылилось для судетских немцев в массовую депортацию, сопровождавшуюся конфискацией имущества и многочисленными актами насилия. Согласно декрету нового президента Чехословакии Бенеша, они лишались чехословацкого гражданства и подлежали депортации. Всего в 1945—1946 гг. из Чехословакии было депортировано более 3 млн чел., их собственность была конфискована.

Примечательно, что, несмотря на все обстоятельства заключения Мюнхенского соглашения 1938 г. и последовавшие вскоре кровавые события, включая вторую мировую войну, формально положения данного документа в определенной степени продолжали действовать на бумаге вплоть до 1973—1974 годов. Именно тогда ЧССР и ФРГ заключили договор о взаимных отношениях. Он был подписан 11 декабря 1973 г. в Праге и вступил в силу 19 июля 1974 года. Документ констатировал, что Мюнхенское соглашение 1938 г. «было навязано Чехословацкой Республике нацистским режимом под угрозой применения силы». Договор признал вышеуказанное соглашение «ничтожным». ЧССР и ФРГ подтвердили «нерушимость своих общих границ теперь и в будущем» и взаимно обязались «всемерно уважать территориальную целостность обоих государств», а также торжественно провозгласили, что «не имеют каких-либо территориальных претензий друг к другу и не будут выдвигать такие претензии и в будущем»²⁰.

Примечания

1. Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. 1. М. 1948, с. 287—299.
2. Документы по истории мюнхенского стовора, 1937—1939. М. 1979.

3. Дипломатический словарь. Т. II. М. 1986, с. 258—259.
4. Дипломатический словарь. Т. I. М. 1985, с. 57.
5. БУДНИЦКИЙ О. Как победители Первой мировой проиграли в Мюнхене. — Ведомости. 28.09.2018.
6. Подробнее см.: Локарнские соглашения. М. 1925.
7. История дипломатии. Т. 2. Дипломатия в Новое время (1872—1919 гг.). М. 1945, с. 5.
8. Краткая история Албании. М. 1992, с. 322.
9. БУДНИЦКИЙ О. Ук. соч.
10. SETON-WATSON H. Eastern Europe Between the Wars 1918—1941. Cambridge. 1945, p. 391.
11. Новые документы из истории Мюнхена. М. 1958.
12. БУДНИЦКИЙ О. Ук. соч.
13. МАЛЬКОВ В.Л. Версаль и его уроки. Российский взгляд. В кн.: Первая мировая война: Пролог XX века. М. 1998, с. 205—206.
14. Архив внешней политики Российской Федерации, ф. 069, оп. 23. П. 66, д. 4, л. 6—8.
15. МАРЬИНА В.В. СССР — Словакия 1939—1945 гг.: военно-политические аспекты. М. 2017, с. 42.
16. ЗОРИН А.В. Официальный визит президента Э. Бенеша в США в 1943 г. — Вопросы истории. 2017, № 5, с. 3—4.
17. СЕРАПИОНОВА Е.П. Национальные меньшинства в Чехословакии, Чехии, Словакии XX—XXI вв. В кн.: Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М. 2014, с. 335.
18. ANGELL N. The Great Illusion: a study of the military power to national advantage. New York. 1913.
19. БАДИ Б. Возобновление истории? — Международные процессы. 2016, № 2, с. 7.
20. Rudé právo. 12.12.1973.

Специфика ментальности советских граждан 1960-х гг. через призму продовольственного дефицита

О.Д. Попова

Аннотация. В публикации рассматриваются особенности общественного сознания в 1960-х годах. Работа основана на анализе неопубликованных писем граждан в Совет Министров СССР. Показана ментальная реакция народа на продовольственный дефицит начала 1960-х годов. Анализ писем свидетельствует о том, что советский народ плохо понимал законы рыночной экономики. Он требовал от руководителей страны наладить снабжение городов продуктами. Автор делает вывод о том, что в советском обществе сохранялись представления о «всесильном руководителе страны», который может решить все проблемы общества. Снабжение граждан продуктами рассматривалось народом как обязанность правительства. Письма граждан демонстрируют, что народ одобрительно относился к деятельности Н.С. Хрущёва по снижению международной напряженности. Однако помощь другим странам вызывала недовольство, недоумение и непонимание. Письма 1960-х гг. показывают, что в общественном сознании моделировался образ нового врага, на которого перекладывалась ответственность за снижение уровня жизни народа. Таким врагом был спекулянт и империалист.

Ключевые слова: общественное сознание, «письма во власть», продуктовый дефицит, недовольство властью, ментальность, образ врага, пропаганда.

Abstract. The work deals with the peculiarities of public consciousness in 1960–1963. This is the analysis of unpublished letters from citizens to the Council of Ministers of the USSR. The author of this publication shows the mental reactions of people on food deficit in the early 1960s. The made work has shown, that the Soviet people didn't understand the laws of market economy. The Soviet people demanded from heads of the country to adjust supply of the cities with products. The author of this publication shows that in Soviet society remained the idea about «all-powerful leader of the country», which can solve all the problems of society. Soviet citizens believed, that the government is obliged to supply the people with food. The letters of soviet citizens show that the Soviet people approved activities N.S. Khrushchev in the struggle for peace. But assistance to other countries has raised the discontent of citizens. The letters 1960 shows, that in the public opinion was created a new image of the enemy. Such an enemy was a speculator and an imperialist.

Key words: the public consciousness, “letters to the government”, food shortage, dissatisfaction with the government, the mentality, propaganda, image of the enemy.

Попова Ольга Дмитриевна — доктор исторических наук, профессор Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина, профессор Рязанского филиала Московского университета МВД им. В.Я. Кикотя. E-mail: od-popova@mail.ru.

Popova Olga D. — doctor of historical sciences, professor at the Ryazan State University named after S. Esenin, professor at the Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Kikot. E-mail: od-popova@mail.ru.

1960-е гг. явились переломными в жизни Советского Союза. Если в политическом развитии страны сдвиги, при всей их противоречивости, можно рассматривать как позитивные, то в экономической жизни постепенно начала набирать обороты стагнация. Как отмечает Г.И. Ханин, в 1959—1960 гг. проявились первые симптомы кризиса «советского чуда»¹. «Советским чудом» называли прорыв в экономическом развитии в 1930—1940-х годах. Серьезную часть пропаганды составлял провозглашенный в 1957 г. лозунг «перегоним Америку по производству мяса и молока». Однако намеченные планы не были реализованы, превратившись в навязчивую метафору. В конце 1950-х гг. заметно снизились темпы сельскохозяйственного производства, что сразу же отразилось на полках продовольственных магазинов. Особенно сложная ситуация была в провинции. В частности, в Орджоникидзе в начале 1960-х гг. значительно сократилась продажа хлебобулочных изделий. Для увеличения объема производимого хлеба к пшеничной муке нередко добавляли муку из гороха². Дефицит продовольствия ощутили даже в столичных магазинах. В 1958 г. план по заготовке молока был выполнен лишь на 87%, в результате перебои с поставками молока в магазины начали испытывать ленинградцы. О серьезности проблемы говорит тот факт, что об этом даже писали на страницах областной газеты. По утверждению Н.Б. Лебиной, именно из-за нехватки натурального молока молочные предприятия начали создавать новые варианты продукции с различными добавками, которые позволяли расширить объем производимого товара. И в этом плане ленинградцам повезло больше. Ленинградские технологи нашли более удачные наполнители, чем гороховая мука в хлебе. Одним из таких стал кисломолочный продукт «Снежок», с добавлением натуральных соков. Тогда же на прилавках появилась «Ряженка»³.

Таким образом, снижение темпов экономического развития — факт исторически установленный. Однако большой интерес представляют не только экономические и причинно-следственные аспекты этой страницы истории нашей страны, но и ментальные реакции народа. Очень важно понять, как общество реагировало на новую реальность в своей жизни, поскольку настоящие перспективы общественного развития России тесно связаны с понятием «гражданское общество».

Особенно существенно исследование ментальных переживаний повседневных практик в переломные моменты. Поэтому период хрущёвских реформ интересен не только своим содержанием, но и тем, как люди эмоционально ощущали эти трансформации. Интересным отражением ментальных переживаний продуктового дефицита начала 1960-х гг. стали письма, обращенные к руководству страны, которые в настоящее время вошли в историческую науку под названием «письма во власть». К высшим лицам государства обращались всегда, даже в самые суровые времена тоталитарного режима.

Письма, связанные с продуктовым дефицитом, больше всего подходят к категории писем-жалоб, причем жалоб на действия местных органов власти, поскольку проблемы снабжения населения у народа прочно ассоциировались с деятельностью властных структур на местах.

Такое обращение интересно не только своей сутью, но и формой. Очень ярко демонстрирует отношение общества к власти сама фор-

мулировка обращения, форма подписи автора, сюжетные и речевые особенности, виденье проблемы. Авторы, как правило, сопровождали свои письма собственными рассуждениями, порою весьма оригинальными и нетипичными по словесной форме.

В фондах архива Совета Министров СССР, Верховного Совета СССР накопился большой пласт обращений граждан к высшему руководству страны. По поводу нехватки продовольствия граждане писали самым высоким руководителям, поскольку местные власти в условиях плановой экономики были бессильны наладить снабжение магазинов.

Большой интерес представляет подборка писем, поступивших на имя Н.С. Хрущёва с 25 октября 1960 по 28 июля 1961 года. Люди из разных городов жаловались на резкое сокращение поставок продовольствия, на пустые прилавки магазинов. Например, жители Кирова в письме от 3 февраля 1961 г. сообщали: «Известно ли Вам, что масла здесь с сентября месяца нет совсем, правда, давали раза два по 250 грамм. Мясо тоже самое, а если и когда продают, то очередь стоит с 10 часов утра, и до закрытия магазина. Если бы сфотографировать эти очереди, которые растянулись в длину на три квартала может быть»⁴. О подобной ситуации писали жители Свердловской области в январе 1961 г.: «Люди ездят из города в город, в поисках купить продуктов, но везде одни и те же пустые продуктовые полки. Это так продолжается примерно за месяц до Нового года и по сей день. Люди думали и надеялись, что после Нового года будут продукты, но их нет»⁵.

За перо брались даже малообразованные слои советского населения. Очень показательно письмо рабочих из города Бобруйска, которое было написано печатными буквами, с грамматическими ошибками: «Мясо, сало, жиров в магазинах нет, спекулянты подняли головы и за мясо бьют (так в тексте. — *О.П.*) непомерную цену. Колбасных изделий в магазинах нет и уже продолжительное время. Очередя за ливерной колбасой»⁶. Письма приходили из Иванова, Омска, Кирова, Липецкой области, Выборга Ленинградской области. В них описывалась тяжелая жизнь жителей советской провинции: «... как Вы думаете хорошо ли здесь живется рабочему классу. Простоять семь часов у станка. И прийти с работы и убить еще 5 часов, пока ходишь по магазинам. Вот поэтому, наверное, мы десять лет своей жизни стоим в очередях. Не пора ли Вам обратить особое внимание на Кировскую область»⁷.

Один из психологических аспектов, который прослеживается в подборке писем с 25 октября 1960 по 28 июля 1961 г. — это неожиданность, смешанная с недоумением. В обращениях граждан очень часты такие обороты, как «что-то непонятное творится», «нам простому люду не понятно», «народ в недорозумении»⁸. Например, житель города Омска, пришивая к пальто пуговицы, которые ему оторвали в очереди за сливочным маслом, сообщал: «... омичи выражают недовольство и удивлены тем, что в области 100 маслозаводов, а масла нет в продаже хотя бы 1 раз в месяц. А если случайно в каком-нибудь магазине “выбросят” несколько ящиков масла, так можете сами представить что там творится»⁹.

К голосу взрослых жителей Омска присоединились даже дети. Например, Кира Калинина писала: «Я живу в городе Омске, учусь в 5

классе школы № 100. Омск красивый город. У нас в магазинах нет масла сливочного, подсолнечного, молока, кефиру, творога, мяса, смитаны (так в тексте. — *О.П.*), даже нет хлеба. Пойдешь в магазин, а там только консервы и печенье и нечего даже взять поесть»¹⁰.

Такое недоумение углублялось несостоявшимися ожиданиями народа. В 1947 г. были отменены карточки, после войны неоднократно снижались цены, все это создавало ощущение, что жизнь с каждым годом будет лучше.

Недоумение сопровождалось наивными попытками дать объяснение проблеме, которые очень ярко показывают специфику ментальности советского общества. Некоторые пытались объяснить происходящее перебоями транспорта: «Идут разные суждения, а некоторые только разводят руками и спрашивают себя: “В чем дело?” Или нет транспорта доставить продукты питания или не хватает вагонов для этого?»¹¹

У других всплывало традиционное объяснение сложностей строительства коммунизма — сознательное вредительство и враги народа. Например, жители р.п. Уруссу Татарской А ССР писали: «У нас уже сложилось мнение — нет ли какого вредительства со стороны местных руководителей торговли?»¹²

В письмах за более поздний период — 1963 г. — риторика становится более жесткой. Рабочий Токарев из Находки писал: «Послушали бы Вы сколько проклятий идет в Ваш адрес, когда стоят очереди за хлебом, черным хлебом, белого мы уже давно не видели»¹³. С подобной проблемой сталкивались и шахтеры из Новошахтинска Ростовской области, не пожелавшие поставить свои подписи: «В настоящее время в наших магазинах кроме хлеба “из опилок” как мы его называем, нет ничего. Ведь этот хлеб могут есть еще взрослые, а как же наши дети? Ведь нигде, ни в одном магазине, или столовой у нас не найдешь для них ни булочки, бублика или пряника. Мы взрослые еще можем терпеть, но нам жалко наших детей. Им нужно молоко — его нет, нужна манка — нет, нет нигде даже макарон, никаких круп, муки»¹⁴.

При анализе писем обращает на себя внимание не только сама констатация факта отсутствия продуктов в магазинах и низкого уровня жизни населения, большой интерес представляет именно виденье народом сложившейся ситуации. Тексты писем позволяют осознать, как в обществе понимались механизмы гражданского общества: взаимодействие между обществом и властью, проблема уровня жизни, осознание закономерностей функционирования экономических законов жизни.

Как отмечает А.Я. Лившин, «разделение центральной и местной власти в массовом сознании происходит до диохромии, до полного противопоставления»¹⁵. Фигура вождя порой мифологизировалась, а местная власть очень часто была объектом жалоб и недовольств. В частности, ряд авторов пребывали в полной уверенности, что Никита Сергеевич добросовестно заблуждается и не представляет, как живут люди в провинции. Авторы считали, что своими обращениями они доносят правду: «Слушая пленум ЦК партии, как можно не возмущаться тем, что говорят секретари партии, обманывая Вас и всех людей Советского Союза. Они докладывают, что в 1960 году выпуск

мяса, молока, масла и других продуктов выполнено в два раза больше, чем в 1959 году, а на самом деле этого нет, потому что в настоящее время не мяса, не молока нет в продаже»¹⁶. И.В. Даренская называет такую специфику российской ментальности — традицией «наивного монархизма», когда царь идеализировался посредством списания всех грехов на чиновников¹⁷. И с этим нельзя не согласиться.

Хотя одновременно следует отметить, что в 1960-е гг. наметилась тенденция к размыванию противопоставления местной и центральной власти. Образ В.И. Ленина все больше мифологизировался, приобретал черты мудрого и талантливого руководителя, а вот Хрущёв представлялся многим не очень успешным учеником «дедушки Ленина». Стрелы недовольства властью стали долетать и до высших руководящих эшелонов страны. В более поздних письмах — 1963 г. — авторы уже обвиняли самого Хрущёва в том, что он сознательно не интересуется реальностью, а черпает информацию только из официальных газет. Уже упомянутый Токарев писал: «Вы читаете газеты и, очевидно, думаете, что пользуетесь большим авторитетом среди Советского народа, т.к. в газетах Вас очень расхваливают, называют даже ленинцем. Но это далеко не так»¹⁸. В то же время дружеская форма обращения к главе государства — «Дорогой, Никита Сергеевич!» — сохранялась.

Пустые продуктовые прилавки многих вернули к воспоминаниям о военном времени. Одни авторы, понимая, что в условиях войны дефицит продовольствия — объяснимое дело, не могли понять, почему они не могут рассчитывать на нормальное снабжение уже в мирное время: «И до чего обидно становится: во время войны перенесли такое тяжкое бремя, голод и холод, но там другое было дело — война. А теперь-то почему мы должны страдать. За что тогда проливали кровь, отдавали свою жизнь наши отцы, братья и сестры?»¹⁹

Одновременно письма показывают, что в общественном сознании призрак войны, как одна из высших угроз, сохранялся. Рабочие из Бобруйска, говоря о настроениях народа, отмечали: «И вот кто что болтает среди простых людей, кто говорит, что будет скоро война, поэтому уже экономит правительство продовольствие»²⁰. Кроме того, опасений добовляла «холодная война» и усиленная пропаганда, создававшая образ врага в лице США. Угроза войны соседствовала с боязнью голода. Так, жительница города Выборга, обращаясь к Хрущёву, писала: «Дорогой Никита Сергеевич, неужели еще придется в мирных условиях голодать. Я очень боюсь третьей голодовки, да и нам стыдно за наш красавец-город перед иностранцами, у нас так много всяких туристов, вот все ходят и фотографируют пустые магазины и столовые»²¹.

Многие авторы в своих письмах на тему пустых прилавков, так или иначе, касались широко пропагандированной деятельности Хрущёва по смягчению международной напряженности. Многие авторы подобную деятельность одобряли. В частности, женщины-домохозяйки города Майкопа Адыгейской Автономной области писали: «Вы как верный ленинец, много времени и своих сил тратите на укрепление мира между народами. Мы Вас дорогой Никита Сергеевич поддерживаем в благородной борьбе за мир, за счастливую жизнь на земле всего человечества»²². Борьба за мир в глазах многих авто-

ров писем являлась основной деятельностью главы государства и была настолько важной, что некоторые из них извинялись перед руководителем государства за то, что беспокоили его по такому мелкому поводу как нехватка продовольствия. Они рассматривали свое обращение к власти как чрезвычайную меру: «извините, что обращаемся к Вам», «Желаем Вам Никита Сергеевич, хороших успехов в борьбе за мир во всем мире и хорошего здоровья»²³.

Однако в письмах 1963 г. активная пропаганда дружбы с социалистическими странами, которая сопровождалась широко рекламируемой продовольственной помощью, начала вызывать у граждан непонимание, которое постепенно переходило в раздражение. В частности, Токарев в 1963 г. спрашивал Хрущёва: «Неужели В.И. Ленин отправлял бы за границу зерно, продукты питания, медикаменты, сельскохозяйственные материалы и т.д. если бы всего этого не хватало самим?»

При этом очень ярко проявлялся патернализм советской ментальности: народ свято верил, что стоит только главе государства вмешаться, как ситуация тут же изменится. Типичными были такие обращения: «дайте указание выбросить продукты в магазины», «прошу, окажите помощь, может с вашим участием мы и раскусим этот орешек, а нам омицам (так в тексте. — *О.П.*) это не по зубам». При этом механизмы функционирования нормальной рыночной экономики народу были практически неведомы. В этом плане очень наглядно выглядит просьба одного рабочего: «Если у Вас есть божья искра, Вы направьте нам вагончик мяса... Вы, конечно, можете не поверить, что мы голодны»²⁴. Безусловно, автор этих строк не понимал, что вагончик мяса быстро кончится и понадобится другой. И, конечно, народ не осознавал, что плановая экономика не справлялась, а командные методы решения продовольственной программы давала сбой.

Слабое понимание законов рыночной экономики выразилось в реакции на рост цен на рынках. Дефицит в магазинах вызвал повышение цен у частников. ЦСУ СССР провело специальную регистрацию цен колхозной торговли на основные сельскохозяйственные продукты по 77 крупным городам и одновременно был проведен учет размеров продажи за 6—15 января 1961 г. и 6—15 декабря 1959 года. Цены на мясо и картофель выросли на 5%. Соответственно упали продажи: мяса — на 21%, картофеля — на 40%²⁵. Безусловно рост цен не вызывает радости и у людей, живущих в условиях рынка. Однако специфика реакции советских людей состояла в том, что, не понимая механизмов рыночной экономики, они считали, что именно власть может повлиять на ценообразование, и поэтому с возмущением требовали обуздать торговцев. Пенсионерка Ларионова из г. Горького писала: «До каких пор спекулянты овощами будут подымать цены на рынке. Например, зеленый лук стоит 1 руб. 70 коп. килограмм или 17 руб. старыми, а был 2—3 рубля или 20 коп. новыми. Также редис и другое все... а поскольку в магазинах лука нет, вот они и безобразничают. Разве правительство не может установить цены на сельскохозяйственные продукты?»²⁶ То, что подобное письмо пришло из Горького было не случайно. Именно там произошел наиболее заметный рост цен: стоимость говядины повысилась с 2 руб. 40 коп. до 2 руб. 74 коп., свинины — с 1 руб. 96 коп. до 2 руб. 48 копеек²⁷.

Общественность возвела в ряды врагов общества также магазины коопторгов, широко применяя к ним терминологию «спекулянт». Домохозяйка Цыганко из г. Омска жаловалась, что мясо можно достать только в коопторге, который скупает его у населения по 6—8 руб., а продает по 18—20 руб. (в старых деньгах). При этом автор приравнивала кооперативную торговлю к уголовным преступлениям: «Людей судят за спекуляцию, дают срок от 5 до 10 лет. Коопторг этим же пользуется свободно»²⁸. Не имея выбора, граждане были вынуждены покупать товары по повышенным ценам.

Ряд авторов возлагали надежды на то, что именно государство может повлиять на спекулянтов. Так, например, т. Попов из г. Запорожья писал: «Предлагаю установить потолок цен на все виды продуктов питания и категорически запретить торговлю продуктами питания частным лицам, так как большинство из них это барышники, всякого рода спекулянты»²⁹.

Лишь немногие в советском обществе могли проявить аналитические способности, слушая обещания скорого коммунизма. В этом плане большой интерес представляет обращение в редакцию журнала «Коммунист» директора автоколонны из Иваново Б.И. Леви. Автор сопоставил реалии города, в котором, по сообщению директора автоколонны, можно было купить масло примерно 1 раз в две недели по 0,5 кг, мясо — 1 раз в 2—3 месяца, мясопродукты — 1 раз в 7—10 дней, с обещаниями министра торговли РСФСР т. Павлова, что через 15—20 лет (то есть в то время когда должно быть изобилие) производство продуктов должно возрасти в 2,5 раза. В результате Леви задался вопросом: «Значит, я смогу покупать тогда мясопродукты не 1 раз в 3 недели — 1 месяц, а раз в декаду. Молочные продукты в 2 раза, значит, масло можно будет купить 1 раз в пятидневку. Так как понимать? Согласуется ли такой прогресс с понятием изобилие?»³⁰ При этом автор недоумевал, почему, несмотря «на широкое соревнование, массы обязательств, трудовые подвиги героев социалистического труда и т.д. столько лет производство сельхозпродукции не улучшилось, а ухудшается»³¹.

Данное письмо показывает, что далеко не все в советском обществе бездумно верили обещаниям скорого коммунизма. Однако усиленная критика капитализма не позволяла понять недостатки советской экономики, причины постоянных сбоев и, более того, заводила в тупик при осознании будущего своей страны. И это неудивительно. Одной из специфик российского сознания являлось то, что в нем никогда не было четкого понимания ценностей рыночной экономики. Более того, для большинства россиян свобода предпринимательства и равенство были понятиями не только слабосвязанными, но и противоположными³². Интересно, что в СССР труд К. Маркса «Капитал» был в общем-то широко известен. Однако эффективность пропаганды и устои российской ментальности были гораздо сильнее и не давали возможности народу принять ценности рыночного общества.

В общественном сознании проблемы плановой экономики понимались как случайные элементы, а не как порочность самой идеи централизованной системы распределения через продовольственные или промтоварные базы. Объяснение народом пустых прилавков не-

доработками в системе снабжения не было беспочвенным. Например, из докладной записки председателя правления Государственного Банка от 23 ноября 1963 г. в Совет Министров СССР следует, что за 10 месяцев 1963 г. невыполнение плана розничного товарооборота составило 780 млн рублей³³. При этом, в той же записке отмечалось, что это невыполнение было обусловлено сбоями в работе поставщиков: «во многих городах при наличии необходимых условий плохо организована торговля картофелем и овощами. Магазины №№ 4, 5, 12 и 20 плодоовощторга г. Кемерово с перебоями торгуют картофелем, луком, капустой свежей, морковью, тогда как на базах эти овощи имеются»³⁴. Кроме того, в записке говорилось, что на складах начали образовываться излишки промтоваров, которые не отвечают спросу населения: швейные изделия, обувь, ткани. Как отмечает Ханин, росло недовольство населения качеством потребительских товаров³⁵. Таким образом, к началу 1960-х гг. экономическое развитие страны снизилось до такого уровня, что стали явственно выходить на первый план недостатки плановой экономики. Однако ни в сознании отдельных граждан, ни на государственном уровне еще не было понимания того, что рыночные механизмы гораздо эффективнее могут решить проблемы товарного дефицита.

Итак, диалог между обществом и властью в указанные годы имел определенное своеобразие. Патерналистические традиции российской ментальности подпитывали определенные ожидания и традиции. На фоне активной пропаганды близкого коммунизма, уничтожения наиболее одиозных проявлений тоталитарного режима народ ожидал неуклонного повышения качества жизни. Поэтому начавшиеся перебои с поставкой продуктов вызвали у населения вначале чувство растерянности и непонимания, которое постепенно начало сменяться злостью и раздражением. Именно в этот период слегка пошатнулся ореол непогрешимости центральной власти. Однако вера в незыблемость советской идеологии, в светлое будущее, в коммунизм еще сохранялась. Непонимание законов рыночной экономики не позволяло обществу осознать порочность командно-административных методов работы.

При этом проблема продуктового дефицита очень явственно выветила и другие специфические черты советской ментальности. В частности, общество жило памятью о недавно закончившейся войне, помнило, какие лишения она принесла, и проблема товарного дефицита неизбежно связывалась с темой возможной войны. Поэтому пропагандировавшуюся деятельность правительства по смягчению международной обстановки народ одобрял.

Одновременно советская пропаганда создала очень прочный механизм перекалывания ответственности за проблемы в обществе на чьи-то плечи. Следует отметить, что процесс создания образа врага был коллективным творчеством — с одной стороны, народа, а другой — власти. В 1960-е гг. главными врагами были спекулянты и империалисты.

Примечания

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Эволюция ценностей и идей гражданского общества в ментальных установках российского общественного сознания» (№ 18-09-00130/18).

1. ХАНИН Г.И. Экономическая история России в новейшее время. Т. 1. Новосибирск. 2008, с. 171.
2. ЦОРИЕВА И.Т. Продовольственное снабжение советского города в контексте повседневности конца 1940—1960-х гг. (на примере Орджоникидзе). — Вестник Владикавказского научного центра. 2017, № 1, с. 30—31.
3. ЛЕБИНА Н.Б., ЧИСТИКОВ А.Н. Обыватель и реформы. Картины повседневной жизни горожан в годы НЭПа и хрущевского десятилетия. СПб. 2003, с. 233.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5446, оп. 95, д. 1125, л. 14.
5. Там же, л. 7об.
6. Там же, л. 1.
7. Там же, л. 14об.
8. Там же, л. 1, 7.
9. Там же, л. 12.
10. Там же, д. 910, л. 83.
11. Там же, д. 1125, л. 7об.
12. Там же, д. 910, л. 97.
13. Там же, оп. 97, д. 1196, л. 117об.
14. Там же, л. 115об.
15. ЛИВШИН А.Я. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917—1932 гг. М. 2010, с. 74.
16. ГА РФ, ф. 5446, оп. 95, д. 1125, л. 5.
17. ДАРЕНСКАЯ И.В. «Письма во власть» как источник анализа отношений власти и общества в 1920—1930 годы. — Вопросы всеобщей истории. 2013, т. 15, с. 33.
18. ГА РФ, ф. 5446, оп. 97, д. 1196, л. 117.
19. Там же, оп. 95, д. 910, л. 97.
20. Там же, д. 1125, л. 1об.
21. Там же, л. 84.
22. Там же, л. 45.
23. Там же, л. 14об.
24. Там же, л. 34об.
25. Там же, д. 901, л. 24.
26. Там же, оп. 97, д. 1196, л. 4.
27. Там же, оп. 95, д. 901, л. 25.
28. Там же, д. 1125, л. 38.
29. Там же, оп. 97, д. 1196, л. 4.
30. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 599, оп. 1, д. 211, л. 70.
31. Там же, л. 69.
32. ЛИВШИН А.Я. Ук. соч., с. 257.
33. ГА РФ, ф. 5446, оп. 97, д. 1232, л. 90.
34. Там же.
35. ХАНИН Г.И. Ук. соч., с. 175.

Преследование агентуры финской разведки после выхода Финляндии из второй мировой войны

С.Г. Веригин

Аннотация. В публикации исследуется процесс преследования советской контрразведкой агентуры финской разведки после завершения военных действий на Карельском фронте и выхода Финляндии из второй мировой войны. Показывается, что сведения о финской агентуре в период военных действий 1941—1944 гг. советская контрразведка получала из различных источников и, прежде всего, от своих агентов, внедренных в финские разведшколы. Работа подготовлена на основе анализа широкого круга архивных источников из фондов государственных и ведомственных архивов России и Карелии, многие документы впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: финская разведка, советская контрразведка, агентура, вторая мировая война, Великая Отечественная война, Финляндия, СССР.

Abstract. The publication examines the process of the persecution of the Finnish intelligence agents by the Soviet counterintelligence after termination of the military actions on the Karelian front and Finland's withdrawal from World War II. It is shown that information about the Finnish agents during military operations of 1941—1944 was received by the Soviet counterintelligence from various sources and, above all, from its agents inserted inside the Finnish intelligence schools. The work is prepared on the basis of an analysis of a wide range of archival sources from the funds of the state and departmental archives in Russia and Karelia, many documents are introduced into scientific discourse for the first time.

Key words: Finnish intelligence, Soviet counterintelligence, secret service, World War II, the Great Patriotic War, Finland, the USSR.

Осенью 1944 г. закончились боевые действия между войсками СССР и Финляндии. Финляндия вышла из войны 19 сентября 1944 г. на основе заключенного между двумя странами перемирия. Розыск агентуры и пособников противника начался сразу же после освобождения территории Карелии от финской оккупации еще до окончания войны с Финляндией, но значительно активизировался после прекращения военных действий. Он велся на всей территории страны, а иногда и за рубежом, прежде всего в Финляндии, и касался всех агентов

Веригин Сергей Геннадьевич — доктор исторических наук, профессор, директор Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета. E-mail: verigin@petsru.ru.

Verigin Sergey G. — PhD in history, professor, director of the Institute of History, Political and Social Sciences. Petrozavodsk State University. E-mail: verigin@petsru.ru.

финской военной разведки: выпускников финских разведшкол, созданных в полосе Карельского фронта; агентов 4-х разведрот 4-го отдельного разведбатальона, а также индивидуально подготовленной агентуры.

Сведения о финской агентуре в период военных действий 1941—1944 гг. советская контрразведка получала из различных источников: от своих агентов, внедренных в финские разведшколы, из допросов финских разведчиков, заброшенных в советский тыл и задержанных или сдавшихся органам контрразведки.

Так, в марте 1942 г. Особый отдел Карельского фронта внедрил в Косалмский разведывательный пункт Петрозаводской школы финской разведки (2-я разведрота 4-го разведбатальона) своего агента — Степана Дмитриевича Гуменюка. Он был завербован начальником Петрозаводской школы финской разведки майором Рейно Раски, прошел трехмесячную подготовку и в начале июня 1942 г. был заброшен на самолете в советский тыл в районе Беломорска. Перед Гуменюком были поставлены две задачи: во-первых, проникнуть в Беломорск, установить местонахождение штаба Карельского фронта и воинских частей, а также собрать сведения об установленном в гарнизоне режиме; во-вторых, войти в здание штаба Карельского фронта и подложить в удобном месте взрывное устройство с часовым механизмом. Благополучно приземлившись, Гуменюк пришел в Особый отдел фронта, где встретился с начальником отделения зафронтовой агентуры С.И. Холево и представил подробный письменный отчет о деятельности Петрозаводской школы финской разведки. С ним также встретились командующий Карельского фронта генерал В.А. Фролов и начальник Особого отдела фронта А.М. Сиднев ¹.

После «совершения диверсии» в Беломорске (подготовленной советскими контрразведчиками) 29 июня 1942 г. Гуменюк был переправлен советской контрразведкой через линию фронта из района г. Сегежа под видом агента разведки противника, возвращающегося на свою сторону после успешного выполнения задания в тылу советских войск. Перед ним была поставлена задача — продолжать сбор сведений о замыслах руководства разведшколы, об агентах, подготовленных к заброске в расположение и на коммуникации Карельского, Ленинградского и Волховского фронтов со шпионско-диверсионными заданиями.

После возвращения из советского тыла и тщательной проверки Гуменюк был зачислен в штат Косалмского разведотряда финской военной разведки на правах финского солдата. В сентябре 1943 г. в составе разведывательно-диверсионной группы из трех человек он был заброшен в район г. Сегежа, но связаться с Управлением контрразведки «Смерш» Карельского фронта не смог, так как группа, опасаясь задержания, отсиделась в лесу и вернулась обратно. Больше в советский тыл его не направляли.

После окончания военных действий между СССР и Финляндией Гуменюк нашел возможность посетить в Хельсинки Союзную Контрольную Комиссию и 16 мая 1945 г. его тайно на самолете вывезли в Ленинград ². По финским данным, Гуменюк уже 11 ноября 1944 г. был передан в СССР ³.

Возвратившись в Ленинград, Гуменюк представил в военную контрразведку ценные сведения о деятельности финских разведыва-

тельных органов, об известных ему официальных сотрудниках и, особенно, об агентах разведки противника, заброшенных или подготовленных к заброске на советскую территорию с подрывными заданиями. Он также сообщил сведения о возможных местах нахождения в Финляндии вывезенных финских агентов из числа советских военнопленных ⁴. В отчете Гуменюка указаны около 100 чел.: среди них — 21 кадровый сотрудник финской разведки, 22 чел. из числа обслуживающего персонала, 27 агентов и 21 член диверсионно-разведывательных групп ⁵.

В Рованиемскую разведывательную школу финской разведки (вторую по опыту и размаху деятельности после Петрозаводской) были внедрены и успешно работали агенты военной контрразведки Карельского фронта О.К. Сожинский и А.М. Крутиков. Так, Сожинский действовал в разведшколе с апреля по октябрь 1942 года. Его заброску осуществили военные контрразведчики Особого отдела НКВД Карельского фронта. Операцией руководили начальник контрразведывательного отделения ОО НКВД Карельского фронта Семён Иванович Холево и начальник КРО ОО НКВД 14-й армии Тимофей Анисимович Чижевский, который и рассказал об этом эпизоде в газете «Красная Звезда». Благодаря информации, полученной от Сожинского, военным контрразведчикам удалось парализовать деятельность разведывательно-диверсионных групп финской и немецкой военных разведок на Карельском фронте ⁶.

Советские разведчики, внедренные в финские разведывательные школы, передавали важную информацию, которая позволяла проводить задержание агентуры финских разведшкол в советском тылу в течение всей войны. В свою очередь, аресты агентов финской разведки, многие из которых сами добровольно являлись в органы безопасности, и их перевербовка, позволили карельской контрразведке уже к июлю 1943 г. получить информацию на 64 курсанта Петрозаводской разведшколы, из которых на 31 курсанта имелись полные биографические данные, на 18 агентов — часть сведений (псевдонимы и часть биографических данных), и только на 12 чел. информация отсутствовала. Более того, НКГБ КФССР располагал обширной информацией даже на тех агентов, которых только готовили для заброски в советский тыл ⁷.

Всего, по разным данным, в Петрозаводской разведшколе финской разведки за время ее существования было подготовлено от 80 ⁸ до 300 агентов ⁹. В ходе изучения архивов Карелии к настоящему времени автором установлено, что всего в Петрозаводской разведшколе числилось 149 человек ¹⁰. Точную численность подготовленных курсантов определить очень сложно хотя бы потому, что многие из них, например из Рованиемской разведшколы, проходили обучение в Петрозаводской разведшколе, и наоборот — курсанты Петрозаводской разведшколы завершали подготовку в разведшколе Рованиеми. При этом фамилии курсантов указывались в списках и той, и другой школы.

Согласно докладу союзной контрольной комиссии (СКК), составленному после окончания войны, численность отдела допросов военнопленных финской военной разведки Р. Раски (Петрозаводская разведшкола) в конце октября 1943 г. составляла 154 чел., из которых 138 были добровольцами-военнопленными. В розыском

списке МГБ КФССР за 1950 г. значатся арестованными 318 агентов финской разведки ¹¹. Меняющиеся цифры связаны с тем, что розыск агентуры финской разведки продолжался долгие годы и после окончания войны, что позволило выявить новых, ранее неизвестных агентов.

Примерно такие же цифры агентов Петрозаводской разведшколы даются и в финляндской историографии. Так, в монографии Э. Эльфвенгрена, М. Косонена и Э. Лайдинена «В тылу врага. Финская разведка в Советской Карелии в 1939—1944 гг.» отмечается, что во всех книгах отдела Раски (Петрозаводская школа финской разведки) во время войны-продолжения число агентов достигало 300 человек ¹². Однако вполне вероятно, что и это тоже не окончательная цифра: по мере рассекречивания архивных документов количество агентов финской разведки может увеличиться.

С осени 1944 г., после заключения перемирия, информацию о финских агентах органы советской контрразведки стали получать от вернувшихся из плена советских разведчиков, репатриантов, а также лиц, обслуживавших финские разведшколы и разведпункты.

В первую очередь, значительные усилия советской контрразведки после выхода Финляндии из войны были направлены на поиск и арест агентов 4-го разведбатальона финской военной разведки и особенно его 2-й роты под командованием майора Инто Куйсманена, которая в годы войны дислоцировалась на оккупированной территории Карелии — в пригороде г. Петрозаводска в дер. Косалма (Косалмский разведпункт финской разведки).

Сотрудниками НКГБ КФССР в июле 1944 г. одним из первых был арестован житель д. Наемово Иван Степанович Михалкин, который поддерживал тесные контакты с командиром 2-й роты Куйсманеном. Практически одновременно с арестом И.С. Михалкина была задержана и его дочь Анна Ивановна Михалкина, которую обвинили в причастности к агентуре финской разведки и содержании для нее конспиративной квартиры ¹³. Михалкин и его дочь на допросах рассказали о личном составе и характере деятельности 2-й разведроты 4-го разведбатальона.

Эти допросы показали, что практически все финские агенты, бывшие советские военнопленные, служившие в отряде Куйсманена, при отступлении финских войск из Карелии выехали с личным составом разведывательного пункта в Финляндию, никто из них не захотел остаться в СССР. Финские власти и сотрудники финской военной разведки в благодарность за сотрудничество оказывали им всяческую помощь в получении гражданства и финских паспортов. Так, агент И.П. Гоц после перемирия принял финское гражданство и 10 месяцев жил с женой на станции Волти. В ноябре 1944 г. ему выдали паспорт на имя Ииво Катала, который помог получить один из преподавателей Петрозаводской разведшколы капитан Мармо. В конце 1944 г. паспорта на имя финских граждан, вероятно и гражданство, получили и другие агенты 2-й разведроты 4-го разведбатальона финской разведки: П.В. Гандзий — на имя Пааво Кайсанена, С.И. Розевик — Рояла Симо, Н.Я. Кумбышев — Николая Кумпунена, С.Г. Файнатуллин жил в Хельсинки под фамилией Калле Кейнонен, Г. Семенец — Рику Синккинен, Д. Смагин — Янне Салминен, Н.И. Плуток стал Ниило Лутсом ¹⁴.

По требованию советской стороны, финская полиция начала розыск и задержание финских разведчиков из числа советских военнопленных в Финляндии, а затем и их направление в СССР. Для уточнения количественного состава 2-й разведроты 4-го разведбатальона финской военной разведки (Косалмского разведывательного пункта) 10 июня 1945 г. начальник государственной полиции Финляндии допросил ее командира — майора Куйсманена¹⁵. После этого большая часть финских разведчиков из числа советских военнопленных была задержана финской полицией.

Первую партию финских разведчиков в количестве 12 чел. 20 июля 1945 г. отправили из Финляндии в г. Выборг в принудительном порядке под строгим конвоем «как не желавших вернуться в СССР». В Советском Союзе следствие по финским агентам вело 4-е отделение ОКР «Смерш» 23-й армии¹⁶. Уже 11 октября 1945 г. Военный трибунал войск НКВД Ленинградского округа рассмотрел дело по обвинению... и приговорил их по статье 58-1«б» УК РСФСР (измена родине) к большим срокам наказания¹⁷: Гоца и Кумбышева приговорили к 25 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах; И.П. Гандзия, И.Г. Филя, С.И. Розевика и И.Г. Товстика — к 20 годам лишения свободы и пяти годам поражения в правах¹⁸.

Несколько позже были арестованы и получили различные сроки заключения еще около 20 советских граждан, служивших в отряде майора Куйсманена: Гайнатуллин, И.Е. Иванов, Н.Л. Кузьмин (Кузьминов), Н. Николаев, Н.Г. Парфимович, Плутук, Г.П. Семенец, С.И. Сироткин, Д. Смагин, Г. Соловенко, И.С. Яковец, А. Ясницкий и другие. Были осуждены также две женщины, работавшие в отряде на подсобных работах: Михалкина и А.А. Мохова (девичья фамилия Сташкова).

Часть членов отряда Куйсманена, боясь преследования советских властей, бежала из Финляндии в другие страны. Среди них были те, кто еще в 1930-е гг. ушел из СССР в Финляндию. Так, Тойво Васки, он же Тойво Матвеевич Васке, родился в 1918 г. в Тосненском районе Петроградской губернии. До войны бежал в Финляндию. В период войны Финляндии против СССР — с 11 апреля 1942 г. по июль 1944 г. — служил младшим сержантом в отряде Куйсманена. Окончил школу парашютистов-разведчиков, работал радистом. Неоднократно забрасывался в тыл РККА с разведывательными заданиями. В 1942 г. участвовал в налете на госпиталь Петровский Ям Медвежьегорской оперативной группы Карельского фронта и зверской расправе над ранеными красноармейцами и медиками. После советско-финляндского перемирия осенью 1944 г. бежал в Швецию¹⁹.

Михаил (Микко) Иванович Пелле (Пюлля) родился в 1916 г. в д. Старый Белоостров Петроградской губернии. В 1933 г. бежал в Финляндию. С 11 апреля 1942 г. по июнь 1944 г. служил прапорщиком во 2-й разведывательной роте. Окончил 2 разведшколы и спецшколу парашютистов. По заданию финских и немецких разведорганов неоднократно забрасывался в советский тыл, в том числе и в Ленинград, откуда передавал сведения по радиации. За выполнение заданий был награжден немецким железным крестом и финским крестом Маннергейма. После перемирия женился на дочери заместителя начальника военной разведки майора М.И. Котилайнена — Лене

Котилайнен, которая в 1944 г. также была в отряде Куйсманена. В 1945 г. Пелле служил в финской пограничной охране и жил у тестя в Хельсинки. Позже, опасаясь ареста, вместе с женой выехал в Швецию, а оттуда в Венесуэлу²⁰. И таких примеров финских разведчиков 2-й роты 4-го разведывательного батальона (отряд Куйсманена) можно привести много. Заметим, что выехать в другие страны им помогли сотрудники финской военной разведки.

Из Финляндии за границу, опасаясь преследования советских властей, бежали и многие разведчики из 3-й роты 4-го разведывательного батальона. Василий Еремеевич Богданов, 1912 г.р., уроженец с. Ухта Калевальского района Карелии перешел на сторону финнов в августе 1942 года. Учился в Суомуссалминской разведшколе, неоднократно забрасывался в составе разведгрупп 3-й роты в тыл РККА. В 1945 г. Богданов перебрался в Швецию. Его земляк Ефим Маркович Нифантьев сдался финнам в сентябре 1941 г. и в составе 3-й роты неоднократно отправлялся в советский тыл. После выхода Финляндии из войны также бежал в Швецию. В эту же страну при содействии финской разведки после советско-финляндского перемирия 1944 г. бежали и другие разведчики 3-й роты: Эйно Иванович Каява, 1920 г.р., ур. д. Койвара Всеволожского района Ленинградской области; Тимофей Дмитриевич Ремшу, 1915 г.р., ур. д. Толлорекка Калевальского района Карелии и другие²¹.

Проблема преследования советской контрразведкой финских разведчиков после окончания войны между СССР и Финляндией была затронута и в финляндской историографии. Так, в уже упоминавшейся монографии Эльфвенгрена, Косонена и Лайдинена «В тылу врага. Финская разведка в Советской Карелии в 1939—1944 гг.» отмечается: «Тяжелая доля ожидала после окончания войны тех советских военнопленных, которые боролись в финских группах дальней разведки или участвовали в шпионской деятельности. Вероятно, большую их часть передали Советскому Союзу. Например, работавший в отделе Марттина в качестве дальнего разведчика ингерманландец Вейкко Пиранен, а в отделе Куйсманена при выполнении тех же заданий — эстонский сержант Альфред Рандус были переданы СССР. Правда, некоторым — как, например, пришедшему в отдел Куйсманена преподавателю шведского языка Фёдору Песчаному — удалось, когда возникла угроза задержания, бежать в Швецию. Но, вероятно, большая часть людей, находившихся на службе в подразделениях финской разведки и исполнявших шпионские задания, а также их важных помощников была задержана советскими органами контрразведки. Советские органы контрразведки уже в годы войны-продолжения (так в финской историографии называют войну Финляндии против СССР 1941—1944 гг. — С.В.) получали от задержанных финских шпионов и разведчиков ценные сведения о финской разведывательной деятельности против СССР. После окончания войны на допросах финских разведчиков, возвращенных из Финляндии в СССР или задержанных в самом Советском Союзе, советские контрразведчики получали новые дополнительные сведения об этой работе»²².

В целом, можно отметить, что после освобождения территории Карелии от финских войск, на основании данных зафронтовой агентуры, было арестовано свыше 150 чел. — агентов разведывательных и

контрразведывательных органов противника, предателей и пособников финских оккупационных властей²³. Их розыск продолжался и после окончания второй мировой войны, как на территории СССР, так и в Финляндии и в других странах. В результате масштабных мероприятий советской контрразведки большая часть финских и немецких агентов была арестована.

Примечания

1. Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Республике Карелия (Архив УФСБ РФ по РК), фонд секретного делопроизводства (ф. СДП), оп. 1, д. 120, л. 26—28.
2. Там же, л. 9—10; фонд литературных дел (ф. ЛД), д. 25, ч. 2, л. 378—379.
3. Там же, ф. ЛД, д. 25, ч. 2, л. 37—379; Фонд трофейных документальных материалов (ф. ТДМ), д. 8277, л. 20.
4. ЛЕОНОВ И.Я., СМИРНОВ Н.Т. В стане врага. В кн.: Документы свидетельствуют. Армейская контрразведка в годы войны. М. 1994, с. 210.
5. Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, д. 25, т. 4, л. 10.
6. ЧИЖЕВСКИЙ Т.А. Псевдоним Звезда. — Красная звезда. 2008, 17 декабря; МАКАРОВ В.Г. Радиоигры советских спецслужб на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны. В кн.: Исторические чтения на ул. Андропова, 5. История органов безопасности: материалы V международной научной конференции. Петрозаводск, 22—23 мая 2014 года. Петрозаводск. 2014, с. 144.
7. Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, д. 25, ч. 2, л. 1—13.
8. HEISKANEN R. Saadun tiedon mukaam.... Raamajan johtama tiedustelu 1939—1945. Keuruu. 1989, s. 183.
9. Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, д. 25, т. 1—4.
10. Там же, т. 1, л. 6—30.
11. Там же, д. 29, т. 1, л. 6—16.
12. ELFVENGREN E., KOSONEN M., LAIDINEN E. Vihoillisen selustassa. Päämajan tiedustelu Neuvosto-Karjalassa 1939—1944. Keuruu. 2010, s. 255.
13. Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, д. 30, т. 1, л. 1, 2, 27, 30—32, 219—224; 230—232; 235—239.
14. Там же, ф. ТДМ, д. 8277, л. 19, 73, 84, 87, 121; Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Архангельской области (Архив УФСБ РФ по Архангельской области), д. 16 089, т. 2, л. 1, 11, 34, 57, 68—69, 85, 87.
15. Там же, л. 343—348.
16. Там же, т. 1, л. 11.
17. Уголовный кодекс РСФСР. М. 1950, с. 36.
18. Архив УФСБ РФ по Архангельской области, д. 16 089, т. 2, л. 447.
19. Архив УФСБ РФ по РК, ф. ЛД, д. 30, т. 1, л. 1—2, 27; ф. ТДМ, д. 8277, л. 95.
20. Там же, ф. ЛД, д. 30, т. 1, л. 235—239; ф. ТДМ, д. 8277, л. 387.
21. Там же, ф. ТДМ, д. 8277, л. 5, 30, 77.
22. ELFVENGREN E., KOSONEN M., LAIDINEN E. Op. cit., s. 203.
23. Архив УФСБ по РК, ф. СДП, оп. 1, д. 302, л. 2, 3.

Взгляды К. Маркса на присоединение народов и территорий к Российской империи

С.Р. Чеджемов

Аннотация. Проблемы образования Российской империи посредством присоединения к ней народов и земель, а также политико-правовая характеристика внутренней политики России не занимали ведущего места в творческом наследии Карла Маркса, но для жителей бывшего СССР на протяжении всего советского периода его высказывания по тому или иному вопросу имели принципиальное методологическое значение. Однако многие из них, сделанные в контексте общих рассуждений по различным вопросам мировой истории, не афишировались отечественными учеными. Автор настоящей публикации не ставит под сомнение воззрения Карла Маркса на трактовку проблем формационного развития институтов государства и права в истории человечества. Но так ли были научно безупречны его утверждения, в которых отдельные страницы нашей государственной и правовой истории подвергались уничижительной критике? Думается, что 200-летняя годовщина со дня рождения К. Маркса дает повод разобраться в некоторых из них, что и является целью настоящей работы.

Ключевые слова: Российская империя, К. Маркс, аккультурация, Кавказ, Осетия-Алания, обычное право, правовая культура, история государства и права.

Abstract. Problems of education of the Russian Empire through the accession of the peoples and Lands, and political and legal characteristics of the domestic policies of Russia hold far from the leading place in the creative heritage of Karl Marx, but for residents of the former Soviet Union at the throughout the Soviet period, his remarks on the subject have a fundamental methodological significance. But many of his statements made in the context of the overall discourse on various issues of world history not afishirovalis scientists. The author of this publication does not question the truly encyclopaedic views of Karl Marx on the interpretation of the formative development problems of the institutions of State and law in the history of mankind. But there have been scientifically flawless approval in which individual pages of our State and legal history exposed defamatory criticism? I think that the 200 year anniversary of the birth of Karl Marx gives reason to understand some of them, and that is the purpose of the present work.

Key words: Russian Empire, K. Marx, acculturation, Caucasus, Ossetia-Alaniya, customary law, legal culture, history of State and law.

Чеджемов Сергей Русланович — доктор педагогических наук, профессор ФГБОУ ВО «Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет)», профессор ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет им. К.И. Хетагурова. Владикавказ. E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Chedgemov Sergei R. — doctor of pedagogical sciences, professor at the Russian North Caucasus mining metallurgical Institute (State Technical University), professor at the North Ossetian State University named after K.I. Khetagurov. Vladikavkaz. E-mail: srchedgemov@mail.ru.

Статья К. Маркса «Парламентские дебаты» была написана на основе анализа текстов выступлений членов английского парламента, опубликованных на страницах лондонской газеты «Таймс»¹. Комментариям подвергались высказывания членов британского парламента, имена которых сегодня мало что говорят даже интересующемуся историей читателю. Это Ричард Кобден, Генри Драммонд и Томас Берри Хорсфолл.

Маркс отмечал: «Для России существует только одна признанная цель, говорит Хорсфолл, усилить свое политическое могущество посредством войны. Она преследует расширение своей территории; начиная с чудовищного обмана, которым был отмечен первый шаг российского самодержца в этом деле, и кончая ужасной бойней под Синопом, его деятельность характеризуется жестокостью, лживостью и преступлениями, необычными даже в летописях России, страны, вся история которой представляет собой сплошное преступление, и тем более ужасными, что царь позволяет себе кощунственно ссылаться на христианское учение, основы которого он так грубо попирает»².

Как видим, Маркс цитирует и в ходе дальнейших рассуждений не опровергает оценочные высказывания, которые, впрочем, отражали умозаключения не простых обывателей, а представителей британского истеблишмента, и были основаны на антирусских мифах о России. Они целенаправленно культивировались определенной частью правящих кругов и становились частью убеждений не только западноевропейского обывателя. Так, в российско-турецких отношениях симпатии многих были на стороне Османской империи.

Во времена Петра Великого распространение российского влияния на народы Кавказа было основано на определенной концепции их вовлечения в состав единого государства, многие положения которой в наши дни именуется «мягкой силой». Одним из ее разработчиков можно по праву назвать Василия Никитича Татищева. В 1749 г. в специальной работе «Напоминание на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно» он обосновал необходимость уделять внимание описанию «порядка правительства гражданского и духовного» у окраинных и сопредельных с Россией народов.

Данная концепция была развита в период правления Екатерины II. Г.А. Потёмкин по согласованию с императрицей еще в 1786 г. разработал «Положение о горских народах», которое стало программой действий центрального российского правительства на южных рубежах России. Политико-правовое содержание этого документа, регламентировавшего важнейшие вопросы административной практики на Кавказе, трудно переоценить. Кстати сказать, этот документ отражает не только мысли автора, но и Екатерины II. К сожалению до сих пор в исследованиях по истории политико-правовой мысли России его анализу не уделяется должного внимания.

В.В. Дегоев, рассмотрев содержание «Положения», выявил его основную идею — превращение горцев Кавказа в военно-служилое сословие по образцу казачьего войска с теми же функциями³.

Продвижение границ России на восток растянулось почти на 200 лет. Ему решительно противились Турецкая империя и Персия. Политико-правовая сущность стремления этих стран утвердить свое

господство в корне отличалась от российской. Она имела ярко выраженные особенности, главная из которых, на наш взгляд, заключалась в том, что только Россия рассматривала жившие там народы в качестве субъектов международного права, что, в частности, наглядно проявилось в конкретных исторических фактах — переговорах о вхождении, которые вела Россия с депутациями кавказских народов, в том числе и на высшем государственном уровне. Например, грузинские, осетинские и другие посольства были приняты Петром I, Елизаветой Петровной и Екатериной II.

Согласно академическому изданию истории народов Северного Кавказа, в 1557 г. в состав России вошли народы Кабарды и Адыгеи, в 1558 г. — часть Ингушетии, в 1614—1635 гг. — ханства и общества Дагестана, в 1774 г. — Осетия. Примечательно, что согласно этой же хронологии, вхождение некоторых народов растягивалось на столетия, причем имели место и повторные присяги на верность, так называемые переприсяги⁴. Правовая оценка повторных присяг не может быть однозначной, но в целом они свидетельствуют об обновлении имевшихся государственно-правовых отношений поскольку они имели место в случае, если первая присяга была нарушена. Известный историк Ш.А. Гапуров отмечает, что среди правительственных кругов России бытовало мнение о пользе переприсяг на том основании, что лучше принять коварную покорность народа и, «не полагаясь во всем на нее, доставлять этому народу возможные выгоды, ожидать, чтобы для собственной пользы он сделался привязанным к России, нежели совершенно отвергнуть уверения его в покорности и преданности»⁵.

Национально-государственные отношения народов Кавказа и России в конце XVIII — начале XIX в. с правовой точки зрения следует характеризовать как договорные. Причем это относится и к отношениям внутри самих кавказских обществ. Роль внутриобщинных договоров, заключенных по инициативе царской администрации на Северном Кавказе, играли сборники обычного права (адатов) горцев. Примечательно, что в условиях Кавказской войны со стороны мусульманского духовенства, выступавшего против России, предпринимались меры к их запрету. Так, например, Гази Магомед в 1829 г. призвал отказываться от адатов и утверждать нормы шариата⁶.

Своеобразие отношений внутри России хорошо просматривается и при анализе различных договоров, которые заключали представители царской администрации на Кавказе и представители кавказских народов. Их досконально анализировал видный российский дореволюционный историк Н.Ф. Дубровин⁷.

Правовой анализ этих договоров показывает, что предметом их изучения являлся комплекс отношений, складывавшихся в повседневной практике России уже после присоединения к ней народов Северного Кавказа. Это утверждение наглядно иллюстрирует и договор, заключенный в 1802 г. главнокомандующим российскими войсками на территории Грузии генералом Кноррингом с осетинскими князьями об урегулировании хозяйственных вопросов, а именно — об организации общественных работ и поддержании безопасности на Военно-Грузинской дороге от Моздока до Тбилиси⁸.

Особого анализа заслуживает правовая оценка как антирусских выступлений, так и карательных экспедиций, предпринимавшихся российской администрацией. Так, например, в том же 1802 г. часть представителей грузинской царской фамилии — царевици Юлон, Парнаоз, Александр, Таймураз — совместно с осетинским князем Ахметом Дударовым при финансовой и военной поддержке шаха Ирана пытались спровоцировать антирусские выступления на территории Грузии и Осетии. Законопослушная и патриотически настроенная часть грузинской и осетинской правящей элиты решительно размежевались с ними. Царевици бежали в Иран, а Дударов присягнул на верность России и ранее заключенным договорам.

Уже в конце XVIII в., в период царствования Павла I, обсуждалась идея создания федерации на Кавказе. В 1799 г. император высказал мысль об образовании федерации народов и государств в этом регионе. Несмотря на известные, подчас диаметрально противоположные подходы к решению важнейших государственных дел, политика в отношении Кавказа осталась прежней и при императоре Александре I. Он инициировал подписание в 1802 г. в Георгиевске Союзного и Оборонительного договора, который юридически оформил создание качественно новых отношений между Россией и народами Кавказа. Сущность этих отношений ясно просматривается в самом его названии — союзнические и оборонительные. Договор не был направлен против третьих сторон. Его положения являлись универсальными, и он был открыт для подписания иными сторонами. Так, например, впоследствии некоторые народности и государственные образования брали его содержание за основу договорных обязательств о присоединении к России.

Весьма интересны характеристики ислама, данные Марксом в статье «Объявление войны»: «Коран и основанное на нем мусульманское законодательство сводят географию и этнографию различных народов к простой и удобной формуле деления их на две страны и две нации: правоверных и неверных. Неверный — это “харби”, враг. Ислам ставит неверных вне закона и создает состояние непрерывной вражды между мусульманами и неверными. В этом смысле пиратские корабли берберских государств были священным флотом ислама»⁹.

В истории государства и права народов Юга России идеологи юрицизма рассматривали джихад как вооруженную борьбу — войну за веру. Однако, в собственно исламском философском понимании он подразделялся на несколько видов:

- 1) «джихад сердца» — борьба со своими собственными недостатками;
- 2) «джихад языка» — разрешение одобряемого и запрет порицаемого;
- 3) «джихад руки» — наказание преступивших закон и нравственные нормы;
- 4) «джихад меча» — вооруженная борьба с неверными.

Последний вид джихада в условиях Кавказа приобрел форму газавата (от арабского газва — набег)¹⁰.

Характеризуя политико-правовую сущность ислама на Кавказе, следует иметь в виду, что она не ограничивалась только вооруженной борьбой.

В связи с этим нельзя обойти вниманием деятельность и воззрения шейха Кунта Хаджи Кишиева (1830—1867), который не только призывал к толерантности в межнациональных отношениях, но и открыто заявлял: «Я не верю в сообщения, что из Турции придут войска для нашего спасения и освобождения...»¹¹ И это был далеко не единичный случай: пагубность войны, фактически гражданской, осознал в 1859 г. и имам Шамиль.

Определенным генерирующим фактором приобщения всего Кавказа к России следует признать роль христианства, в частности — православия. Однако говорить лишь о нем в качестве основной причины присоединения Кавказа к России не вполне корректно. Главной является социально-экономическая доминанта, состоявшая из двух составляющих. Первая заключалась в том, что Россия в значительной мере отличалась от иных стран национальной и религиозной терпимостью. Вторая обуславливалась наличием давних хозяйственно-экономических связей, способствовавших сближению.

Говорить о добровольном характере присоединения к России кавказских народов можно лишь в целом. Случаи вооруженного противодействия России со стороны некоторых слоев населения имели место еще до начала Кавказской войны. Политическая сущность этих выступлений заключалась, скорее всего, в неприятии идеи вхождения в состав христианского государства. Эти настроения щедро подпитывались не только правящими кругами мусульманских стран — Турции и Ирана — но и христианскими государствами несмотря на то, что между ними существовали серьезные противоречия. В этой антироссийской войне народам Кавказа отводилась роль бесправных объектов международного права.

Стиль управления государством либо отдельным регионом не зависит от этнической принадлежности. Многие видные представители российской администрации на Кавказе этнически не были русскими. Это были представители многих народов империи, в том числе и так называемых «порабощенных», если следовать терминологии западноевропейской историографии. Например о деятельности главнокомандующего на Кавказе генерал-лейтенанта П.Д. Цицианова говорилось следующее: «В 1804 году осетинские крестьяне, жившие в районе Военно-Грузинской дороги, в своей жалобе князю Волконскому писали: “В нестерпимый для человека холод заставили нас от Степанцминды до Ананура сгребать страшный снег и расчищать дорогу. Двух женщин запрягли в ярмо и привязали сани, а солдаты сзади подгоняли женщин плетью”». В конце жалобы крестьяне заявляли: «... предпочитаем умереть, чем мучиться, ждать смерти от плетей и видеть позор наших жен». Жестокое обращение с местным населением было санкционировано самим Цициановым. Он призывал «пороть и рубить осетин без пощады, жечь все их жилища».

Этот текст приводился в жалобе, адресованной князю Волконскому. Сам факт жалобы (апелляции) означает, что исцы сознавали противоправность подобного деяния¹². Могли ли появиться такие обращения, если бы народ не чувствовал стремление центральной власти навести порядок на местах?

Резюмируя вышеизложенное, можно отметить, что как любой исследователь, Маркс допускал определенные неточности в трактов-

ке тех или иных исторических процессов и явлений в истории Российского государства и права. Царская администрация на Кавказе стремилась наладить основы гражданской жизни, но это вступало в противоречие с мировоззрением и укладом некоторой части горцев. Свое вхождение в Российскую империю они представляли только исходя из собственных целей и соображений безопасности. Маркс не учитывал основополагающие начала складывавшегося государства как союза, где антагонизм между народами практически не ощущался, а идеи веротерпимости и национального сотрудничества фактически возводились в ранг государственной политики со времен императора Петра I, при котором, собственно, и образовалась Российская империя — по сути уникальное политико-правовое явление на политической карте мира тех лет.

Примечания

1. МАРКС К. Парламентские дебаты. В кн.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения. Т. 10. М. 1958, с. 77—91.
2. Там же.
3. ДЕГОЕВ В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М. 2003, с. 22.
4. История народов Северного Кавказа. Т. 1. М. 1987, с. 659.
5. ГАПУРОВ Ш.А. Северный Кавказ в политике России в начале XIX века. Нальчик. 2003, с. 78.
6. История Северного Кавказа. М. 1987, с. 143.
7. ДУБРОВИН Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. V. СПб. 1887.
8. Первоисточники данных договоров не сохранились, но ссылки на них имеются в ряде дореволюционных изданий, в том числе и в работе Н.Ф. Дубровина, а также в книге: Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1—4. Тифлис. 1901—1908.
9. МАРКС К. Объявление войны. В кн.: МАРКС К., ЭНГЕЛЬС Ф. Сочинения, т. 10, с. 167—168.
10. Введение в востоковедение. СПб. 2011, с. 256.
11. АКАЕВ В.Х. Толерантность в религиозно-философской системе Кунта-Хаджи Кишиева. Диалог культур как социальный императив межнационального взаимодействия. Материалы международной научной конференции. Владикавказ. 2012, с. 50—53.
12. Акты Кавказской Археографической Комиссии. Т. I—XII. 1869—1904 гг. Т. III. Тифлис. 1869, с. 311—312; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. Тифлис. 1904, с. 160.

Два аспекта Кавказской войны: генерал Ермолов и газават

Сечжин Чжун

Аннотация. Для того, чтобы понять Кавказскую войну, нужно изучить обе стороны: политические действия генерала Ермолова и аспект сопротивления (газават) народов Северного Кавказа. Газават на Северном Кавказе являлся только частью общего повстанческого движения горцев против царизма. Оформление мюридистского движения совпало с периодом систематического продвижения русского царизма в Дагестане, когда общее повстанческое движение горцев, будучи разрозненным, выковывалось мюридами под флагом мюридизма и газавата в то широкое движение, каким оно стало впоследствии.

Ключевые слова: Кавказская война, Северный Кавказ, газават, генерал Ермолов, Дагестан.

Abstract. In order to understand the Caucasian war, it is necessary to study both sides, the political actions of General Ermolov and the aspect of resistance, that is, the gazavat of the peoples in the North Caucasus. Gazavat in the North Caucasus was only part of the general rebellion of the mountaineers against tsarism. The Formalization of the Murid movement coincided with the period of systematic advance of Russian tsarism in Dagestan, when the general insurgent movement of the mountain people, being scattered, was forged by the murids under the flag of Muridism and Gazavat in the broad movement that it later became.

Key word: Caucasian War, North Caucasus, General Ermolov, Gazavat, Dagestan.

Кавказская война довольно отчетливо делится на три этапа. Первый — от П.Д. Цицианова (1802 г.) до отставки А.П. Ермолова (1827 г.), второй (смутный) с часто меняющимися командующими и бессистемными действиями — до 1845 г., когда наместником был назначен граф М.С. Воронцов, и третий — до окончания войны (20 лет)¹. Первый этап был связан с деятельностью русского полководца и политика генерала Ермолова (1816—1827). Это время может быть принято за начало перманентной войны против горцев.

В мае 1816 г. Ермолов был назначен главнокомандующим Кавказского корпуса и начальником Российского управления на Кавка-

---

Чжун Сечжин — профессор Университета Ханъянг. Республика Корея. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

Jung Sejin — professor at the Hanyang University. Republic Korea. E-mail: jsjstar2@hanmail.net.

зе. В то время (в 39 лет) он имел чин генерал-лейтенанта, был награжден орденами Св. Георгия и Св. Владимира и получил золотую шпагу с надписью «За храбрость». Ермолов пользовался всей полнотой власти и имел неофициальное, но грозное наименование «проконсул Кавказа». Он провел ряд преобразований, прежде всего позаботившись о войсках, — облегчил амуницию, увеличил размер провианта и денежных выплат военным, убрал гарнизоны из гиблых мест ².

Начав продвижение вглубь Чечни и Дагестана, Ермолов создавал оборонительные линии и военные опорные пункты, а на набеги горцев отвечал карательными экспедициями ³. Так, без особой военной необходимости был уничтожен целый ряд сел, в том числе и довольно крупные. При этом равно страдали и причастные, и не причастные к войне люди. В то же время большинство феодалов перешло на сторону царизма и с помощью армии усилило эксплуатацию крестьянства ⁴.

1817 г. следует считать началом агрессивных действий Ермолова в Чечне и Дагестане. Наступая на Чечню, он оттеснял местное население с занимаемых земель к горам, а в занятых районах закладывал военные укрепления, в том числе, усилил в верховьях Сунжи Назрановский редут и заложил крепость в 50 верстах вниз по течению реки ⁵.

В 1818 г. была основана крепость Грозная. Дальнейшее продвижение вглубь чеченской территории, покрытой густыми непроходимыми лесами, без предварительной подготовки стало невозможным ⁶.

Ермолов выдвинул простой план — полное подчинение, безоговорочное включение горцев в государственную структуру России или же их вытеснение и истребление.

По его приказу был уничтожен ряд селений, в том числе Башлы, жители которого выступили против царских властей и местных феодалов. Генерал Пестель доносил, что в Башлах дома, запасы хлеба, скрытые в ямах, и сено преданы огню. Ермолов, поощряя действия Пестеля, писал: «Доволен истреблением Башлы» и приказывал: «На “возвратном пути вашем не упускайте из виду наказать прочие близлежащие деревни, участвовавшие в возмущениях против нас”» ⁷.

Определяя Кавказ как крепость, которую нужно осаждать, Ермолов больше всего внимания уделял горским народам, населявшим главный Кавказский хребет.

Он сооружал новые военные укрепления и крепости. Причем для строительства были мобилизованы кумыки, чеченцы и другие народы. Против строптивых ханов применялась тактика выжженной земли ⁸.

Ермолов покорял Кавказ методически и постепенно, оставив после ухода с поста главнокомандующего вполне замиренные области Центрального Кавказа и прибрежного Дагестана ⁹.

Российская политика на Кавказе до Ермолова носила двойственный характер. С одной стороны, военные экспедиции в горы вызывали враждебные отношения горцев к России. С другой — налаживались мирные отношения с владетелями, которые поступали на российскую службу, получали жалованье, будучи как бы представителями российской власти в своих владениях, в обмен на различные подарки и уступки удерживали своих подвластных от нападений на укрепления и поселения на Кавказской линии ¹⁰. Создавая себе социальную опору, царское правительство поддерживало местных феодалов, охраняло их привилегии, защищало их интересы, оказывало всяческую помощь,

способствуя тем самым еще большему укреплению феодальных отношений.

Массовые антирусские выступления на Северном Кавказе по времени совпали с началом народно-освободительной, антиколониальной борьбы народов этого региона. Так, например, до 1818 г. в Дагестане и Чечне имели место набеги горцев на подвластные России территории, а также отдельные выступления против царизма ¹¹.

Наместник Кавказа Воронцов писал: «Правительство для собственной пользы должно не уничтожать, а поддерживать среди них издавна образовавшиеся высшие сословия, ибо правительству легче привязать к себе несколько частных лиц и, пользуясь их влиянием на народ, действовать по своим видам без крутых мер, чем непосредственно самому управлять сим народом» ¹². Кроме единовременных пособий, ценных подарков почти всей феодальной верхушке были определены «пожизненные пенсии», они награждались орденами и медалями.

Система Ермолова представляла собой грубую форму колониальной политики ¹³. Царизм не только оставил неприкосновенными все права беков и ханов, но и, создавая себе социальную опору, оказывал им всяческую помощь в получении офицерских и генеральских званий, выдаче крупных единовременных денежных пособий и установлении высоких жалований. Широко практиковалась раздача земель и деревень в управление шамхалам, князьям и бекам. Царское правительство организовывало карательные экспедиции для подавления крестьянских выступлений, направляло в горные районы регулярные воинские части, развертывало военные действия, причем расправа с местным населением осуществлялась по принципу круговой поруки ¹⁴.

Ермолов резко отзывался о представителях дагестанского и чеченского народов. Он писал: «Я не отступлю от предпринятой мною системы стеснять злодеев всеми способами. Главнейший есть голод, и потому добиваюсь я иметь путь к долинам, где могут они обрабатывать землю и спасать стада свои» ¹⁵. В результате создалось такое положение, когда все слои горского общества оказались в той или иной степени в оппозиции к самодержавной власти. Ермолов требовал беспрекословного подчинения горцев и тем самым вызвал волну недовольства, вылившуюся в 1818—1819 гг. в вооруженную борьбу — так называемое «ханское движение». Правители Дербента, Аварии, Мехтулы, Кайтага, Кази-Кумуза были изгнаны. Аварское ханство разделили на две части. Так же как Улусский магал Дербенского ханства, оно было передано в управление шамхалу Тарковскому. Период управления Ермолова, по определению дореволюционных историков, характеризовался «началом систематической войны против горцев» ¹⁶.

Ситуация была так накалена, что для повсеместного выступления «недоставало только связи между разными обществами» ¹⁷. Ермолов попытался учесть еще и психологию местных жителей, довольно быстро разобравшись в приоритете ценностей в местной шкале достоинств. По его словам, «я многих, по необходимости, придерживаюсь азиатских обычаев, и вижу, что проконсул Кавказа жестокость здешних нравов не может укротить мягкосердием» ¹⁸. Подобные прин-

ципы легли в основу того комплекса мер, которые он предлагал императору, стремясь стабилизировать ситуацию на вверенной его заботам территории¹⁹. В начале 1820 г. Ермолову было отдано в подчинение Черноморское (Казачье) войско. Вся территория от Азовского моря до земли войска Донского была включена в Кавказскую губернию²⁰. В то время он был уже достаточно известной личностью не только в российской армии, но и во всей Российской империи²¹.

К двадцатым годам XIX в. Ермолов сообщил императору о полном умиротворении горцев, а также о помощи России местной элиты. «Попытки народа подняться против Российского управления не удавались вследствие предупреждения владетельными лицами, которые были для нас связующим звеном с народом, хотя звеном, и не всегда надежным. Да и никто другой не мог допускать, что под его твердой рукой могла выпрямиться пригнутая и сторбленная им шея покорного населения»²². Таким образом, источники сообщают, что феодальные правители были тесно связаны с российскими властями. И русские правительственные власти решительно требовали от жителей безусловного повиновения феодалам. «Народ должен управляться беками и ханами, как и до сих пор», — писал в 1821 г. Ермолов в обращении к каракайтакскому народу²³. Эти власти, требуя от жителей повиновения владетелям, вместе с тем в письмах заверяли последних в том, что они получают помощь от правительства²⁴.

В 20-х гг. XIX в. по инициативе Ермолова в ответ на продолжавшиеся набеги были предприняты военные экспедиции в Чечню, Ингушетию, Северную Осетию, Кабарду и Закубанье, сопровождавшиеся уничтожением аулов. В результате вспыхнули новые выступления горцев, которые жестоко подавлялись русскими войсками. Это еще больше накалило обстановку. Усилилась антирусская пропаганда. В различных частях Северного Кавказа стали появляться пророки (или распространялись слухи о них), которые якобы должны были избавить население от русского владычества²⁵. В 1826 г. после подавления восстания в Чечне Ермолов объявил специальные правила для чеченского народа, которые регулировали взаимоотношения с кавказской администрацией²⁶. Даже царские генералы отмечали, что шамхал, поддерживаемый кавказским командованием, продолжает рубить и притеснять своих подвластных, не отдавая никому в том ответа²⁷. Такая политика не могла не иметь известных последствий и в значительной мере обострила социальные и национальные отношения на Северном Кавказе²⁸.

Ермолов, называемый «кавказским проконсулом»²⁹, придерживался твердого убеждения, что весь Кавказ должен стать и неизбежно станет частью Российской империи, что существование независимых и полунезависимых государств и обществ любого вида и вероисповедания, будь то христианство, мусульманство или язычество, в горах или на равнине, просто несовместимо с честью и достоинством российского императора, с безопасностью и благополучием его подданных. Говоря словами А.С. Грибоедова, генерал проводил политику «барабанного просвещения» горцев. Когда в 1830 г. вспыхнуло народное восстание, царское командование, для того чтобы использовать в своих целях феодалов и сотрудничавшее с ним духовенство, разъясняло им суть происходивших событий, инструктировало, как

воздействовать на массы. Генералы и офицеры уговаривали феодалов и духовенство, которое не примкнуло открыто к имамам, что, во первых, движение горцев противоречит их интересам, а во вторых, будто бы религиозные призывы имамов идут вразрез с основами мусульманской религии ³⁰.

Во времена Ермолова еще не было сколько-нибудь широкого тарикатского движения в вольных обществах Нагорного Дагестана. Связь между тарикатом и газаватом даже для горцев не представлялась несомненной. Движение ограничивалось муллами, главным образом, Южного Дагестана и Казикумуха. По этой причине Ермолов и избегал обычных для него жестких мер пока речь шла лишь о проповеди духовного совершенствования. А когда агитация начала расширяться, он сделал попытку противопоставить ей мусульманскую проповедь в пользу царизма ³¹.

Борьба горцев Кавказа проходила под лозунгом укрепления ислама, и это без сомнения вызвало симпатию мусульман, находившихся в российском подданстве. Как пишет известный кавказовед А.В. Фадеев, идеи мюридизма стали широко распространяться и получать политическое звучание лишь с того времени, «когда произошло соединение этих идей с массовым движением горцев Северо-Восточного Кавказа». Он считает, что это движение, основу которого составляло горское крестьянство с его антиколониальными и антифеодальными устремлениями, нарастало давно и независимо от деятельности мюридистских проповедников ³². Мюридизм в условиях социальной и антиколониальной борьбы приобретал все более политизированный характер. Первые выступления под знаменем мюридизма обнаружались еще в 1820-х гг. в Южном Дагестане. Мюридизм, как идеология антиколониальной борьбы горцев, стал знаменем освободительной борьбы. В условиях наступательной политики царизма, проявившейся в строительстве кордонных линий, лишении горцев удобных для хлебопашества равнинных земель, степных пастбищ, принуждении местных жителей к тяжелым работам по строительству дорог, крепостей и мостов, сопротивлению народных масс, в том числе и вооруженное, было неизбежным и закономерным.

Существует упрощенный подход к проблеме борьбы горцев, сводящий истоки мюридизма к духовным заботам Магомеда Ярагского. Мюридизм, как идеология Кавказской войны, порожденный поступательным общественным процессом, несомненно оказывал революционизирующее воздействие на социальные силы, поднимая их на слом старых и установление новых порядков ³³. Сам М. Ярагский свою программу кратко излагал так: кто считает себя мусульманином, для того первое дело газават и потом исполнение шариата. В его духовной проповеди в общую формулу, содержащую призыв к войне с неверными внутри Дагестана, привносилась новая идея — идея борьбы с русскими ³³.

Газават (от арабского газна — набег) — одно из предписаний ислама, связанное с джихадом и призывавшее к войне за веру, священной войне против неверных, то есть немусульман, до полного их уничтожения или обращения в мусульманство. Многие мусульманские народы рассматривают газават как одно из проявлений джихада — джихад меча, предполагавшего вооруженную борьбу за ислам, пав-

шие в которой обретают вечное блаженство в раю. Идея газавата широко использовалась в антиколониальной борьбе мусульман за независимость в традиционно исламских странах ³⁴.

Эта идея рождалась вовсе не из-за колониальной политики России. Горный Дагестан, где формировался мюридизм, оставался свободным от царской администрации, войск, налоговой системы и даже каких-либо повинностей ³⁵. В выступлениях идеологов газавата нередко звучали идеи антифеодального, антиколониального протеста и социальной справедливости. Так, Магомед Ярагский, обращаясь к горцам, говорил: «Первый закон нашей веры — это свобода во всех отношениях. Ни один мусульманин не должен быть подданным или рабом другого и, еще того меньше, жить поработенным чужими народами... Второй закон равноценен первому, ибо один без другого не может существовать» ³⁶.

Провозглашенный имамом с титулом гази (борец за веру) Гази-Мухаммед начал свою деятельность с настойчивых призывов к населению отказаться от адатов и повседневно утверждать нормы шариата ³⁷.

М. Гаммер подчеркивал: «Если внимательно отнестись к документам, то становится совершенно ясно, что джихад носил чисто теоретический, символический характер. На практике священной войне отводилось второстепенное место... На первое Мухаммед Ярагский и его последователи ставили утверждение шариата, искоренение адатов» ³⁸.

Первый имам Гази-Мухаммед, встретив упорное сопротивление со стороны Джамал-Эдина, возможно, отказался бы от мысли о джихаде, если бы не духовная поддержка Магомеда Ярагского.

Джамал-Эдин был крайне недоволен Гази-Мухаммедом, объявившим газават. Особенной остроты религиозно-политические вопросы достигли в годы Кавказской войны, которая со стороны горцев велась под руководством Шамиля под лозунгом газавата ³⁹. Магомед Ярагский писал: «Магометане не могут быть под властью неверных. Магометанин не может быть ничьим рабом или подданным. Кто мусульманин, тот должен быть равным. Кто считает себя мусульманином, для того первое дело — газават и потом исполнение шариата» ⁴⁰. История кавказского газавата, а также практических применений предписаний Корана о войне с неверными — русскими и покорившимися им мусульманами — может служить наглядным примером того, как при помощи религиозной идеологии можно держать в повиновении народные массы ⁴¹.

В средневековом мусульманском кодексе чести Футувва, ставшем своеобразным уставом бойцов за веру гази, сражавшихся против неверных, смелость и отвага являлись основой моральных идеалов ⁴². Священная война против неверных имела главной целью уничтожение феодальной раздробленности и освобождение от иностранного гнета. По сути, лозунги возрождения истинной веры использовались для решения актуальных социально-политических проблем и потому отвечали интересам не только правящей верхушки, но и всего общества в целом ⁴³.

Термины «джихад» и «война (харб)» в арабском языке не имеют единого смысла. Последний означает борьбу с врагом. Что касается значения данного термина с точки зрения шариата, то он подразумевает сражение с неверными после того, как они, сперва приняв ислам, затем отступили от него и объявили ему войну. Прекрасив борьбу

горцев за свою независимость в религиозные тона, снабдив ее лозунгом газавата, последователи мюридизма преподнесли массам движение Шамиля как войну за веру против неверных. В результате того, что в руководстве движения господствовали проповедники мюридизма, борьба горцев Дагестана оказалась изолированной от соседнего христианского населения⁴⁴. Причина газавата, по утверждению Шамиля, это грабительство и деспотизм туземных владетелей Дагестана⁴⁵.

Идея национально-освободительной борьбы под знаменем ислама, под лозунгами тариката и газавата была адекватной реакцией на завоевательную политику царизма на Кавказе. Н.И. Покровский считает, что в борьбе с горскими феодалами, как и в борьбе с завоевательной политикой царизма, тарикат стал идеологией движения, главным образом, благодаря общей исторической ситуации, сложившейся в горах Восточного Кавказа к началу XIX в., благодаря тому, что крестьянское движение признало своим лозунгом борьбу за мусульманство и газават. В такой обстановке тарикат, требовавший следовать пророку и строго исполнять шариатские законы, превращался в могучее средство борьбы со всеми неверными за распространение и укрепление ислама⁴⁶.

Газават на Северном Кавказе был только частью общего повстанческого движения горцев против царизма. Оформление мюридизма совпало с периодом систематического продвижения русского царизма в Дагестане, когда повстанческое выступление горцев, будучи разрозненным, выковывалось мюридами в то широкое движение, каким оно стало впоследствии⁴⁷. Как отмечалось, газават, направленный против ханов, беков и царского режима, довольно быстро, при помощи идеологов тариката, был повернут против русских как неверных, а также против мусульман, подчинившихся России. Оказалось, что он в сущности призывал к созданию теократического режима, который совершению чужд интересам горцев⁴⁸.

Примечания

1. ГОРДИН Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в кавказской войне XIX века. СПб. 2000, с. 97.
2. МАРКЕЛОВ Н.В. Русские на Кавказе. М. 2011, с. 54.
3. История России. М. 2008, с. 327.
4. МАГОМЕДОВ Р.М. Шамиль в отечественной истории. Махачкала. 1990, с. 26—27.
5. МАГОМЕДОВ Р. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. Махачкала. 1939, с. 29.
6. КУЛИКОВ А., РУНОВ В. Все кавказские войны России. М. 2013, с. 145.
7. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Т. VI. Ч. II. Тифлис. 1875, с. 57—59; РАМАЗАНОВ Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала. 1956, с. 17.
8. ДЖАХИЕВ Г.А. Северный Кавказ во внешней политике России, Ирана и Турции в начальный период движения горцев. В кн.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах XIX в. Материалы всесоюзной научной конференции. 20—22 июля 1989 г. Махачкала. 1994, с. 62.
9. ФАДЕЕВ Р.А. Кавказская война. М. 2003, с. 12.
10. ПАЛОВА Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом. — Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону. 1993, № 3, с. 57.
11. АКАК. Т. 5. Ч. 2. Тифлис. 1873, с. 377—378, 627.
12. ЦГИАЛ, ф. 1468, д. 234, л. 147.

13. ДЖАХИЕВ Г.А. Северный Кавказ во внешней политике России, Ирана и Турции в начальный период движения горцев. В кн.: Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20—50-х годах, с. 62.
14. ДАНИЯЛОВ Г.Д. О движении горцев под руководством Шамиля. — Вопросы истории. 1966, № 10, с. 20—21.
15. МАГОМЕДОВ Р.М. У истоков имамата. В кн.: Газимухаммед и начальный этап антифеодальной и антиколониальной борьбы народов Дагестана и Чечни. Махачкала. 1997, с. 21.
16. РОМАНОВСКИЙ Д.И. Кавказ и Кавказская война. М. 2001, с. 120.
17. Там же.
18. ПОГОДИН М.Н. Алексей Петрович Ермолов. Материалы для его биографии. М. 1863, с. 289.
19. КЛЫЧНИКОВ Ю.Ю. Российская государственность и Северокавказская архаика. В поисках преодоления противоречий (XVIII — начало XXI вв.) Исторические очерки. М. 2015, с. 85.
20. Документальная история образования многонационального государства Российского. Книга первая. М. 1998, с. 49.
21. КУЛИКОВ А. Все Кавказские войны России. М. 2013, с. 140.
22. ВОЛКОНСКИЙ Н.А. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом. — Кавказский сборник. Т. 10. Тифлис. 1886, с. 11, 19—20.
23. АКАК, т. 6, ч. 2, с. 64.
24. РАМАЗАНОВ Х.Х. Колониальная политика царизма в Дагестане в первой половине XIX в. Махачкала. 1956, с. 9.
25. История России XIX — начала XX вв. М. 2000, с. 198—199.
26. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб. 2005, с. 212.
27. ГИДУЛЯНОВ В.П. Сословно-поземельный вопрос и райятская зависимость в Дагестане. М. 1901, ч. II, с. 21—22.
28. ГАДЖИЕВ В.Г. Роль России в истории Дагестана. М. 1965, с. 212.
29. Военный Сборник. 1906, № 12, с. 247.
30. ПИКМАН А.М. К вопросу об идейно-политической борьбе царизма с движением горцев Чечни и Дагестана (30—50-е годы XIX века). Автореф. дисс. канд. ист. наук. М. 1969, с. 14—15.
31. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2009, с. 262.
32. ФАДЕЕВ А.В. Кавказ в системе международных отношений 20—50-х гг. XIX в. М. 1956, с. 19.
33. БЛИЕВ М.М., ДЕГОЕВ В.В. Кавказская война. М. 1994, с. 198—199.
34. БЛИЕВ М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. В кн.: История СССР. Т. 2. М. 1983, с. 61.
35. Исламский толковый словарь. Ростов-на-Дону. 2009, с. 41; ГЕОРГИЕВА Н.Г., ГЕОРГИЕВ В.А., ОРЛОВ А.С. Исторический словарь. М. 2012, с. 110.
36. ФАДЕЕВ А.В. О внутренней социальной базе мюридического движения на Кавказе в XIX веке. — Вопросы истории. 1955, № 6, с. 53.
37. Рукописный фонд Института истории АН СССР, д. 24, с. 805.
38. История народов Северного Кавказа (конец XVIII — 1917 г.) М. 1988, с. 143.
39. ГАММЕР М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. М. 1998, с. 76.
40. АВКСЕНТЬЕВ А. Ислам на Северном Кавказе. Ставрополь. 1984, с. 65.
41. Там же.
42. СМIRНОВ Н.А. Мюридизм на Кавказе. М. 1963, с. 171.
43. КАФАРОВ Т.Э. Нравственно-этическое наследие народов Дагестана (дисс. докт. филос. наук). М. 2001, с. 136.
44. СТЕПАНЯНЦ М.Т. Мусульманские концепции в философии и политике (XIX—XX вв.). М. 1982, с. 32.
45. МАГОМЕДОВ Р. О движении Шамиля. Махачкала. 1949, с. 18.
46. СКИДСКИЙ Б.В. Классовый характер мюридизма в пору имамата Шамиля. Владикавказ. 1930, с. 114.
47. ПОКРОВСКИЙ Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М. 2009, с. 243.
48. БУШУЕВ С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М. 1939, с. 67.
49. СМIRНОВ Н.А. Мюридизм на Кавказе. М. 1963, с. 178.

Сведения арабоязычных первоисточников о санарах

Р.Э. Агаев

Аннотация. Санары представляли собой один из этносов Южного и Северного Кавказа, занимавших в эпоху раннего средневековья своеобразное место и сыгравших заметную роль в жизни региона. До сих пор не определены предшественники и потомки санаров, ареал их распространения и значение для истории Кавказа. С этой точки зрения изучение сведений арабоязычных авторов раннего средневековья о санарах, об их отношениях с Арабским Халифатом дает возможность расширить рамки исследования этой проблемы.

Ключевые слова: санары, Арабский Халифат, Кавказ, вайнахи, аланы.

Abstract. Sanars are one of the ethnos that had a particular place and role in the early medieval history both of the South and North Caucasus. They continue to be one of the ethnos whose predecessors and successors, their area of spread have not been defined and their role in the Caucasian history have not been investigated yet. From this view of point, studying of the data about the Sanars in Arabic-speaking sources and their relationship with the Arab Caliphate can contribute to solving the problem.

Key words: The Sanars, Arab Caliphate, The Caucasus. The Vainakhs, The Alans.

В письменных первоисточниках встречаются названия некоторых этносов, живших в период существования Арабского Халифата на Кавказе и не входивших ни в одну из современных языковых семей. Пока исследователям не удалось ответить на вопрос: к какой языковой семье принадлежали эти этносы?

Одним из них, название которого часто встречается в письменных первоисточниках, являлись санары (цанары). Несомненно, санары занимали заметное место и играли своеобразную роль в раннесредневековой истории Северного и Южного Кавказа. Однако до сих пор ученые не провели фундаментальных исследований, связанных с историей санаров, опирающихся на достоверные сведения письменных первоисточников и отвечающих научным требованиям.

Агаев Рамил Эйюб оглы — доктор философии по истории, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджана. Баку. E-mail: ramilmahir@gmail.com.

Agayev Ramil E. — doktor of philosophy on history, leading researcher at the Institute of History named after A.A. Bakikhanov. National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku. E-mail: ramilmahir@gmail.com.

Сведения о «Санарии» и о санарах имеются в ряде различных письменных (античных, армяноязычных, грузинских и арабоязычных) источников.

Упоминания об этом интересном этносе встречаются также в сочинениях некоторых античных авторов. Например, по сведениям Гая Плиния Секунда, завершившего свое сочинение «Естественная история» в 77 г., «санары занимали территорию Дарьяльского ущелья и далее к югу»¹. Клавдий Птолемей, живший во II в., повествуя в своем сочинении «Географическое руководство» (в восьми книгах) о северо-западных границах Албании, писал: «За Албанией — санареи»².

Данные о санарах встречаются также в грузинских источниках. Например, в летописи «Картлис Цховреба» («История Грузии») при описании военно-политических событий, происходивших в начале VIII столетия в Гардабани, санары упомянуты несколько раз³. Титул владетелей санар именовался «хорепископ». Вначале, видимо, хорепископы объединяли духовную и светскую власть в своих руках. После того, как под главенством цанар осуществилось объединение Кахетии и образовалось грузинское государство — княжество Кахетия — титул хорепископа был воспринят князьями, главами этого государства, однако потерял свою теократическую функцию и полностью трансформировался в светского главу государства⁴. Грузинские письменные первоисточники свидетельствуют о том, что санары жили также на северо-западных территориях Албании, которую арабы называли «Арраном». Исследователи считают, что слова «санар» на грузинском языке имеет значение «мужественные горы»⁵.

Сведения о санарах имеются также в сочинениях армяноязычных авторов. Одним из таких первоисточников является «Армянская география VII века». По общему мнению исследователей, сведения о санарах в этом сочинении заимствованы из сочинения античного автора Клавдия Птолемея. Он указывает, что Аланский и Целканский горные проходы находились на землях санаров. Их соседями были туши и двалы⁶. В последнем издании сочинения «Армянская география VII века» говорится, что санары (цанары) расселялись в центральной части Кавказского хребта, видимо, в районе вершины Казбека и верховьев Терека. По сведениям того же источника, аланы называли санаров (цанаров) «целкан»⁷. По мнению Н.Я. Марра, вышеупомянутые «тушы» («тушины») были племенем чеченского происхождения⁸.

В сочинении «История династия Арцруни» автора X столетия Товма Арцруни (в современных русских изданиях иногда представляется как Фома Арцруни) имеется особая глава под названием «О событиях, происходивших между санарами»⁹. К.В. Тревер, опираясь на сведения этого источника, отмечала, что «цанары в Албанский союз племен не входили, но поскольку они обитали в горах Кавказского хребта по соседству с чилбами и лбинами, то общественный строй этих племен был несомненно сходен»¹⁰. Об образе жизни санаров Фома Арцруни пишет, что «они обитают в неприступных горных местах, пребывая в мире, беззаботно от внешних врагов, причем подати и налоги царские остаются при них, только одного кого-либо ставят править над собою по воле их самих, в согласии и единодушии живут и пребывают между собою и селятся по родам, отдаленно друг от друга»¹¹.

Более обширные сведения о санарах присутствуют в сочинениях арабоязычных авторов раннего средневековья. Это не случайно: санары вели длительную борьбу против войск Арабского Халифата и во многих случаях одерживали победу над значительно преобладавшими вооруженными силами арабов. Можно с уверенностью сказать, что после хазаров санары были второй основной силой на Кавказе, сумевшей оказать достойное сопротивление арабским войскам. В некоторых случаях санары выступали против арабов вместе с хазарами.

На основе сведений этих первоисточников можно прийти к выводу, что санарские племена накануне арабских завоеваний и в период существования Арабского Халифата жили на пространстве, охватывавшем территории с северо-западных рубежей Аррана (Албании), включавшие также Аланский проход, до центральных районов Кавказа, и часто сталкивались с арабскими войсками.

В сочинении «Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джаухар» («Золотые копи и россыпи самоцветов») известного арабского географо-путешественника X в. ал-Масуди имеется специальная глава под названием «Мамлакату-с-Санария» («Страна санаров»). Автор пишет: «Между пограничной областью Тифлис и уже упомянутой крепостью “Аланские ворота” лежит царство, называемое “Санария”. Правителя называют “корискус” и это общее название всех их правителей. Они христиане. Эти христиане утверждают, что произошли от арабов, а именно от Низара ибн Маада из мударов и принадлежат к одной из ветвей семьи Угайл. Они поселились там с давних времен и господствуют над многими народами»¹².

Продолжая свое повествование, ал-Масуди отмечает, что в Йемене, конкретно в Марибе, он встретился с одним человеком, принадлежавшим к этому роду: «Санары утверждают, что они отделились от низар с давних времен»¹³.

В.Ф. Минорский отмечал, что «санары, вероятно, были чеченского происхождения. Они, конечно не имели ничего общего с арабскими племенами»¹⁴. На первый взгляд между словами (точнее в произношении этих слов. — Р.А.) «Санария» и названием йеменского города «Сана» имеется некоторое сходство. Однако известно, что произношение и правописание этих слов заметно отличаются друг от друга. Тем более в вышеупомянутом эпизоде ал-Масуди конкретно не упоминает йеменский город «Сана». Не следует также забывать и то, что и в античных источниках, составленных намного раньше, встречается этноним «санар». Таким образом, все это ставит под сомнение предположение о том, что между словами «Сана» и «Санария» имеется какая-то связь.

Минорский, говоря о титуле «корискус», отмечал, что он мог иметь связь с греческим словом «хорепископос»¹⁵. По сведениям ал-Масуди и других авторов письменных первоисточников, можно утверждать, что на протяжении определенного времени санары даже имели независимое «Санарское правление».

Ал-Масуди отмечал, что при движении с севера на юг за царством Санар следовала «страна Шакин» («мамлакату Шакин») ¹⁶. Вышеупомянутый «Шакин» («Шеки») находился на севере Албании-Аррана (северная часть нынешней Азербайджанской Республики).

Ал-Масуди представил сведение о том, что в Арране — на месте слияния рек Кюр и Араз — находилось село под названием «Санара»¹⁷. Однако Н.М. Велиханлы отмечает, что это «сведение» ал-Масуди не является достоверным¹⁸. А некоторые исследователи отождествляли упомянутый ал-Масуди населенный пункт с местностью под названием «Сянгар», которая также находилась на месте слияния рек Кюр и Араз¹⁹. Минорский предполагал, что этноним «Санара» «соответствует современному Джаваду и не имеет ничего общего с Санарией, находящейся на севере от Тифлиса. Возможно, что название «Санара» просто ошибка или искажение названия места Джавад²⁰. Вместе с тем можно предположить, что арабы могли поселить плененных ими санаров на территории Аррана (Албании), в том числе в регионе, о котором писал ал-Масуди.

Ал-Масуди в сочинении «Китаб ат-танбих ва-ишраф» («Книга предупреждения и пересмотра») довольствовался упоминанием о санарах в ряду народов, живших в горах Кавказа²¹.

Анонимный автор X столетия в книге «Худуд ал-алам» представил следующие сведения о «Санаре»: «Санар является областью между Шеки и Тифлисом. Длина этой области составляет 20 фарсахов. Все (все население) неверующие»²².

Ал-Балазури в сочинении «Китаб футух ал-булдан» («Книга завоевания стран») сообщал о том, что в годы правления халифа Османа (644—656) Хабиб ибн Маслама наряду с другими территориями подчинил арабам также Санарию и Дуданию, после чего жители «Баб ал-Лана (Аланского — Дарьяльского прохода. — Р.А.), в том числе санары и дуданы, согласились платить дань арабам»²³. Кудама ибн Джафар в сочинении «Китаб ал-харадж ва синаат ал-китабат» («Книга о харадже и искусстве секретаря») также подтверждает сведения ал-Балазури о том, что Хабиб ибн Маслама захватил Хахит (Кахетию) и «Баб ал-Лан» («Аланские ворота») и заключил мирный договор с санарами и дуданами²⁴. Схожие сведения имеются в «Китаб ал-булдан» («Книга стран») Абу Бакр Ахмада ибн Исхак ибн ал-Факих ал-Хамадани²⁵.

Ал-Балазури отмечал, что в годы правления аббасидского халифа ал-Мансура (754—775) Йазид ибн Усайд покорил Баб ал-Лан, разместил там гарнизон, состоявший из лиц, получавших зарплату из казны Халифата (ахлу-д-диван), разгромил санаров и заставил их выплатить арабам дань²⁶.

По сведениям автора сочинения «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний») Асама ал-Куфи, в 70-х гг. VIII в., когда ал-Хасан ибн ал-Гахтаба после Йазиды ибн Усайда и Муслима ал-Угейла был назначен наместником халифа в Арране, в Джурзане (Грузии) началось восстание «неверных» санаров против власти Халифата. Ал-Хасан ибн Гахтаба не смог подавить это восстание и обратился с просьбой о помощи к халифу. Халиф ал-Мансур для подавления восстания санаров, живших в Джурзане, отправил 30-тысячную армию под командованием четырех полководцев²⁷. Асам ал-Куфи добавил, что «санары, объединившись с такими же «неверными» жителями Джавахети, создали большую армию, совершили наступление на арабов, началось сражение и Аллах подарил победу мусульманам»²⁸. Следует отметить, что Асам ал-Куфи иногда называет «ас-Санария» как «ад-Дая-

риба». В примечаниях к сочинению Асама ал-Куфи З.М. Буниятов отметил, что «часть санаров жила на территории современного Северного Азербайджана — севернее реки Ганых (Алазан), на северо-западе от Шеки, в регионе Илису»²⁹.

В сочинении «Тарих Баб ал-абваб» («История Баб ал-абваба») имеются сведения о том, что «Халид ибн Йазид, назначенный халифом ал-Мамунам (813—833) наместником Ширвана, выступил против грузин и сражался там с санарийцами»³⁰. Эти данные более подробно представлены в сочинении ал-Йагуби. Говоря о событиях, происходивших в 214 г.х. (829 г.), автор отметил, что в это время один из мутагаллибов — Мухаммад ибн Аттаб — поднял в Джурзане мятеж против центральной власти, к этому мятежу примкнули и санары. В этой сложной ситуации халиф ал-Мамун назначил Халида ибн Йазид из династии Мазядидов наместником Халифата в Азербайджане и Арране. Халид ибн Йазид остановился в Кисале (Газахе). После этого Мухаммад ибн Аттаб пришел к ново назначенному наместнику и добровольно сдался ему. Халид ибн Йазид пощадил пленного и спросил: «Подчиняются ли тебе санары?». Мухаммад ибн Аттаб ответил наместнику: «Санары мне не подчиняются». Тогда Халид ибн Йазид разгромил санаров и заставил их заключить мирный договор. Ал-Йагуби отметил, что несмотря на это поражение, вскоре санары поднялись на борьбу, к ним примкнули и кайситы. Однако Халид ибн Йазид вновь разгромил восставших и отправил часть плененных в распоряжение халифа ал-Мамуна. По сведениям ал-Йагуби, впоследствии эти пленные были включены в состав армии халифа ал-Мутасима³¹. Здесь следует особо отметить, что Халид ибн Йазид трижды назначался наместником Аррана и Азербайджана, поэтому сведения источников и мнения исследователей о длительности его наместничества, о его борьбе против санаров несколько противоречивы.

Ал-Йагуби сообщает также о сражении в Тифлисском регионе Халида ибн Йазид, назначенного халифом ал-Мутасимом (833—842) во второй раз наместником Аррана и Азербайджана, с санарами в 223 г.х. (837 г.)³². Однако вскоре Халид ибн Йазид лишился этой должности³³. Пришедший к власти халиф ал-Васиг (842—847) в третий раз сделал его своим наместником в Арране и Азербайджане, однако вскоре Халид ибн Йазид скончался. В 230 г.х. (844 г.) халиф ал-Васиг назначил на это место его сына — Мухаммеда ибн Халида, который, сражаясь с санарами, добился удачи³⁴. Буниятов предполагал, что это сведение ал-Йагуби неточное. Ибо по информации грузинских источников, в это время Мухаммед ибн Халид, потерпев поражение от санаров, был вынужден отступить в Барду³⁵.

По сведениям ал-Йагуби, в 238 г.х. (852 г.) в Тифлисском регионе санары оказали серьезное сопротивление арабским войскам под командованием тюркского полководца Буга ал-Кабира и принудили их к бегству³⁶.

Сведения о местности под названием «Санария» имеются и в сочинении «Китаб ал-масалик ва-л-мамалик» («Книга путей и государств») ибн Хордадбеха³⁷.

Известно, что со второй половины IX столетия начался длительный процесс упадка и развала Аббасидского Халифата (750—1258). В этот противоречивый, сложный период Азербайджан и Арран вначале

были объединены в пределах государства Саджидов (879—941), а впоследствии Саларидов (941—981).

В годы существования СССР армянские и грузинские историки исследовали политическую историю и историческую географию Восточной Грузии и Северо-Западного Азербайджана IX—XI вв., посвятив этим вопросам ряд трудов³⁸. В работах азербайджанских историков также имеются определенные параграфы, посвященные вышеупомянутым вопросам³⁹. В этих трудах содержатся положения, связанные с «возобновленным Албанским царством», с царствами Эрети и Кахето-Эрети, а также о тождестве Эрети с Шеки и Санарии с Кахетией, о границах этих царств, об участии санаров в политических процессах IX—X веков. Следует отметить, что исследователи опирались в основном на христианские источники указанного периода. Не вникая в детали, отметим, что между суждениями ученых, а также сведениями христианских, арабоязычных и персоязычных источников IX—XIII вв. имеются некоторые противоречия, и это обстоятельство требует особого исследования.

По сведениям ибн Хаукала, в X в., в период ослабления Арабского Халифата, на северных рубежах Аррана, на горных территориях Кавказа определенную власть имели многие правители. Ибн Хаукал, повествуя о них, отмечал: «Самым великим из этих правителей является Ширваншах Мухаммед ибн Ахмад ал-Азди, а после него правитель Лахиджана. Его владения объединяются с некоторыми частями Габгских (Кавказских. — Р.А.) гор, и область известна как “Лахиджанша”. Ас-Санари, правитель которого известен как Санхариб, граничит с этой областью»⁴⁰.

В другом месте своего сочинения ибн Хаукал также говорит о правителе Санхарибе. Например, повествуя о тех, кто платил дань Саларидам в 344 г.х. (955 г.), он пишет: «Правитель Руба Санхариб, известный под именем “ибн Севаде”, согласился выплатить три тысячи дирхамов»⁴¹.

По мнению А.Е. Крымского, в этом случае под названием «Руб» подразумевалась «Санария»⁴². М.Х. Шарифли также был согласен с этим мнением Крымского⁴³. Однако оно кажется несколько спорным.

По мнению Крымского, опиравшегося на сведения автора X в. Фомы Арцруни, в конце X в. земли Санарии были присоединены к Шекинскому владению⁴⁴. Крымский предполагал, что этот процесс происходил на основе взаимного согласия сторон, ибо между населением Шекинского владения и санарами были тесные связи, а санары в борьбе против арабов всегда оказывали помощь населению этого региона.

Арабоязычные авторы, называя санаров «неверными», не представили последующим поколениям сведения об их этнической принадлежности. Отсутствие или необнаружение до сих пор в первоисточниках прямых сведений об этнической принадлежности и языке санаров не дают возможность исследователям ответить на вопрос: предшественниками каких современных народов являлись санары? Вместе с тем, в научной литературе существуют мнения о том, что санары и дурдзуки были предками чеченцев и ингушей. А.Н. Генко считал дурдзуков предками ингушей⁴⁵. Некоторые исследователи полагают, что они являются предшественниками всех народов, вхо-

дящих в нахскую группу ⁴⁶. В последние годы ученые выдвинули гипотезу о том, что под выражением «санары и дурдзуки» подразумевались «горцы, входившие в Вайнахскую группу» ⁴⁷. Следует отметить, что топоним «Ворота Дурзукийа», соответствующий этнониму «дурдзук», часто встречается во многих сочинениях арабоязычных авторов, в том числе у ал-Балазури ⁴⁸. Этот этноним упоминается и в грузинских источниках ⁴⁹. Отметим, что в отличие от этнонима «санар» «дурдзук» в той или иной мере встречается в письменных источниках и официальных документах вплоть до XIX века. Можно предположить, что санары и дурдзуки являются обозначением одного и того же этноса в разных исторических эпохах.

В научной литературе существует также мнение о том, что «потомками дурдзук и санаров являлись кавказизированные еще в средневековье этнографические группы горных грузин: хеви, пхови, хевсури, туши-чагма, мохевцы» ⁵⁰.

Скорее всего часть санаров слилась впоследствии с грузинами и тюрками, а другая часть отошла в центральную часть Кавказа, приняв самое активное участие в этногенезе народов, входивших ныне в Вайнахскую группу. На основании изучения регионов, в которых в эпоху средневековья происходили события, связанные с санарами, можно утверждать, что они несомненно были одним из горских народов Кавказа, а слово «санар» — не самоназвание, а чужое для этого этноса наименование раннего средневековья и отражает эпитет исследуемого этноса. В научной литературе существуют также мнения о том, что слово «цана» («сана») в нахских языках означает более или менее пологие пастбища и покосы в горной местности ⁵¹.

Сведения источников дают возможность утверждать, что история санаров была тесно связана с историей аланов. Имея в виду тот факт, что в VII—VIII вв. аланы были в сфере влияния Хазарского Каганата, можно также отметить, что санары вместе с аланами зависели от хазаров. Иными словами, в определенном смысле аланы и санары имеют общую историю.

Хочется особо отметить, что для определения этнического происхождения того или иного народа необходимо также исследовать его этнопсихологические особенности. К сожалению, в этноисторических исследованиях эта сторона проблемы упускалась из виду или ей не уделялось достаточного внимания. Иными словами, каждый народ имеет своеобразные этнопсихологические особенности, и у этих особенностей есть исторические корни. Без исследования этнопсихологических особенностей народа в историческом плане невозможно подробно изучить его прошлое, ибо формирование народа не может произойти за пределами эволюции этнопсихологических особенностей его предшественников. С этой точки зрения особенности санаров сближают их с современными народами, входящими в вайнахскую языковую группу.

Таким образом, по сведениям, почерпнутым из раннесредневековых источников, в VII—IX вв. санары наряду с горными склонами Центрального Кавказа и Кахетии занимали также северо-западные рубежи Аррана (исторической Албании), жили вдоль границ Азербайджана и Грузии, имели вековые тесные связи с населением региона и не подчинялись никакой политической власти. Они сыграли

большую роль в борьбе против арабских завоевателей на Южном Кавказе и выступили как решающая сила в образовании Кахетинского княжества.

Дальнейшие исследования, посвященные изучению данной проблемы, выявят новые факты и создадут возможность для более глубокого изучения истории санаров и их взаимоотношений с Арабским Халифатом.

Примечания

1. ВОЛКОВА Н.Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М. 1973, с. 125.
2. АЛИЕВ К.Г. Писатели античности об Азербайджане. Баку. 2001, с. 68.
3. Карглис Цховреба (История Грузии). Тбилиси. 2008, с. 135.
4. Там же, с. 167.
5. ВЕЛИХАНЛЫ Н.М. Арабские географы-путешественники X—XI вв. об Азербайджане. Баку. 1974, с. 72; МИНОРСКИЙ В.Ф. История Ширвана и Дербенда X—XI веков. М. 1963, с. 210—211.
6. ВОЛКОВА Н.Г. Ук. соч., с. 125.
7. Там же, с. 126.
8. МАРР Н.Я. Племенной состав населения Кавказа. Пг. 1920, с. 23.
9. БУНИЯТОВ З.М. Азербайджан в VII—IX вв. Баку. 1989, с. 15.
10. ТРЕВЕР К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.-Л. 1959, с. 184.
11. Там же, с. 184.
12. АЛ-МАСУДИ. Мурудж аз-захаб ва маадин ал-джаухар. Ал-джуз ал-аввал. Бейрут. 2005, с. 155.
13. Там же, с. 156.
14. МИНОРСКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 211.
15. Там же, с. 211.
16. АЛ-МАСУДИ. Ук. соч., с. 156.
17. Там же.
18. ВЕЛИХАНЛЫ Н.М. Ук. соч., с. 74.
19. ВАЛИДИ А.З. Историческая география Азербайджана. Баку. 2009, с. 57.
20. МИНОРСКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 214—215.
21. АЛ-МАСУДИ. Китаб ал-танбих ва-л-ишраф. Лейден. 1967, с. 184.
22. Худуд ал-алам мин ал-машириг ила ал-магриб ке бе сал-е 372 хиджри талиф шоде аст. Бе кушеше доктор Манучехр Сетуде. Техран. 1983, с. 162.
23. АЛ-БАЛАЗУРИ. Китаб футух ал-булдан. Бейрут. 2000, с. 125.
24. КУДАМА ИБН ДЖАФАР. Китаб ал-харадж ва сынаат ал-китабат. Багдад. 1981, с. 327.
25. ИБН АЛ-ФАКИХ АЛ-ХАМАДАНИ. Китаб ал-булдан. Беурт. 1996, с. 589.
26. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 129.
27. АСАМ АЛ-КУФИ. Книга завоеваний. Извлечения по истории Азербайджана VII—IX вв. В кн.: Материалы по истории в средневековых арабских источниках. Баку. 2005, с. 76.
28. АСАМ АЛ-КУФИ. Китаб ал-футух. Ал-джуз ас-саби ва ас-самин. Бейрут. 1991, с. 366.
29. ЕГО ЖЕ. Книга завоеваний..., с. 98.
30. МИНОРСКИЙ В.Ф. Ук. соч., с. 44—45.
31. АЛ-ЙАКУБИ. Тарих. Ал-муджаллад ас-сани. Бейрут. 1959, с. 463—464.
32. Там же, с. 474.
33. БУНИЯТОВ З.М. Ук. соч., с. 192.
34. АЛ-ЙАКУБИ. Ук. соч., с. 481.
35. БУНИЯТОВ З.М. Ук. соч., с. 194.
36. АЛ-ЙАКУБИ. Ук. соч., с. 490.
37. ВЕЛИХАНЛЫ Н.М. Ук. соч., с. 18.
38. МУСХЕЛИШВИЛИ Д.Л. Из исторической географии Восточной Грузии (Шаки и Гогарена). Тбилиси. 1982; ЛОРДКИПАНИДЗЕ М.Д. Политическое объединение

- феодалной Грузии. Тбилиси. 1963; МКРТУМЯН Г.Г. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII—XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван. 1983.
39. БУНИЯТОВ З.М. Ук. соч., с. 176—181; ШАРИФЛИ М.Х. Феодальные государства Азербайджана во второй половине IX—XI вв. Баку. 1978, с. 49—90; ГАДЖИЛИ Ш. Северо-западный Азербайджан: Ингилойцы. Баку. 2007, с. 116—169.
40. ИБН ХАУКАЛ. Китаб сурат ал-ард. Ал-гисм ас-сани. Лейден. 1939, с. 48.
41. Там же, с. 354.
42. КРЫМСКИЙ А.Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Шеки. В кн.: Сборник памяти академика Н.Я. Марра (1864—1934). М.-Л. 1938, с. 375.
43. ШАРИФЛИ М.Х. Ук. соч., с. 70.
44. КРЫМСКИЙ А.Е. Ук. соч., с.375.
45. ГАДЛО А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л. 1979, с. 166.
46. Там же, с. 166—167.
47. АХМАДОВ Я.З. Нахский этномассив Закавказья: дзурдуки/дурдзуки, ваьппи. — Вестник Академии Наук Чеченской Республики. № 2 (31), 2016, с. 20—30; ЧОКАЕВ К.З., АХМАДОВ Я.З. Дурдзуки (дзурдзуки), санары (санары). В кн.: Энциклопедия культур народов Юга России. Т. I. Народы Юга России. Ростов-на-Дону. 2005, с. 96.
48. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 120.
49. Картлис Цховреба (История Грузии)..., с. 27.
50. ЧОКАЕВ К.З., АХМАДОВ Я.З. Ук. соч., с. 96.
51. Там же, с. 96.

Л.Ю. ПОСОХОВА. *Православные коллегиумы на пересечении культур, традиций, эпох (конец XVII — начало XIX в.)*. М. Политическая энциклопедия. 2016. 550 с., илл.

В последнее время увеличился интерес к обширной теме истории производства знаний, студенчества, профессии ученого, современного университета. В научной литературе и публицистике звучат призывы обратиться к опыту истории университетов и научных учреждений для более адекватного понимания современных реалий в сфере высшего образования и науки. Во многих исследованиях по истории «школьной жизни» авторы стремятся рассматривать разнообразные аспекты существования человека прошлого в целостном единстве, фокусируя внимание преимущественно на изучении «индивидуального, уникального, случайного»¹. К данной группе научных работ относится рецензируемая монография доктора исторических наук, профессора Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина Людмилы Юрьевны Посоховой.

Книга представляет собой авторский перевод на русский язык оригинального научного издания², который, по словам автора, «не является дословным переводом украиноязычной версии, он был дополнен, а в ряде случаев в него были внесены необходимые уточнения» (с. 5). В центре внимания историка — исследование форм, внутреннего содержания, характерных черт и «специфики» образовательной «модели православных коллегиумов», а также роли и значения данного «типа учебного заведения» в истории культуры и образования «в период их существования» (с. 8).

Монография логично структурирована и состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы, 17-ти приложений, списков сокращений и иллюстраций, указателя имен. Во введении изложены цель и задачи исследования, а также обзор историографии и источников. Православные коллегиумы конца XVII — начала XIX в., по удачному метафорическому определению автора, «возникли на перекрестке культур, традиций, эпох» (с. 8). Как полагает Посохова, данный фактор оказал существенное влияние на процессы основания, становления и последующего существования рассматриваемых в книге Черниговского, Харьковского и Переяславского православных коллегиумов (с. 435). Историк пишет о заметном разнообразии оценок в отношении уровня и содержания образования, социального состава учащихся, происхождения и концептуализации «модели православных коллегиумов» в литературе, что говорит скорее о недостаточной изученности образовательных учреждений раннего Нового времени (с. 8—13).

В истории историографии вопроса исследовательница выделяет следующие этапы: XIX — начало XX в., советский и последние три десятилетия. Если в отношении исходного периода речь идет о впечатляющем накоплении фактографии, многочисленных публикациях источников и первых значимых обобщающих трудах, то в советское время констатируется

разрыв с «предшествующей историографической традицией» (с. 14). По наблюдению автора, многие оценки советских ученых, нередко носящие характер идеологической конъюнктуры и не основанные на научном изучении источников, продолжают влиять на современных исследователей. В книге преобладают ссылки на российские дореволюционные и особенно новейшие публикации прежде всего украинских, а также — российских и западных специалистов.

Книга опирается на объемную репрезентативную источниковую базу (законодательные акты, делопроизводственные материалы, учебные пособия и научные труды, которые использовались в учебном процессе, эго-документы, произведения художественной литературы, экономико-географические издания, записки ученых-путешественников, географические словари, а также «изобразительные источники, архитектурные памятники»), собранную историком во многих архивных и библиотечных собраниях (с. 18—21). В монографии использовано внушительное количество опубликованных документов (с. 444—455). Ключевое значение при изучении «академической повседневности» и «повседневных практик» руководства, профессоров и студентов коллегиумов отведено материалам официального делопроизводства из многочисленных фондов архивов Киева, Харькова, Львова, Чернигова, Белгорода, Курска, Санкт-Петербурга, Москвы. Историк подробно изучила документы фондов, связанных с деятельностью Синода (ф. 796, 802, 835) РГИА в Санкт-Петербурге, в большинстве случаев, не сохранившихся «в архивах консисторий соответствующих епархий и коллегиумов» (с. 20). Автор активно привлекает архивные источники, которые в последние годы были введены в научный оборот украинскими специалистами, но, по словам ученого, «преимущественно остались неизвестными» российским историкам (с. 4).

В первой главе рецензируемой монографии рассказывается о тенденциях в сфере университетского образования в Европе, культурных процессах в украинских землях, ранней истории православных коллегиумов. Характеризуя вошедшую в обиход из публикаций второй половины XIX — начала XX в. дихотомию «византийско-славянского» и «латино-

польского» течений в культурной жизни Восточной Европы XVII—XVIII столетий, Посохова справедливо отмечает, что толкование этих терминов современниками носило конфессиональный, а не культурно-идеологический характер. Между «грекофилами» и «латинянами» не существовало непреодолимых преград и «формирование на этой основе единого античного канона было сильнее и ярче» (с. 46).

Источником культурного трансфера в отношении православных коллегиумов служили иезуитские коллегиумы, однако, в качестве посредника рецепции выступала Киево-Могилянская академия, основанная в 1632 г. киевским митрополитом Петром Могилой. Ее организатор ориентировался на пример иезуитских коллегиумов, начавших открываться на землях Речи Посполитой со второй половины XVI века. Долгое время преподавателями православных коллегиумов являлись наставники или выпускники главным образом Киево-Могилянской академии, и официально неоформленный в первой половине XVIII в. внутренний строй этих учебных заведений основывался на вынесенных их профессорами из Alma Mater академических обычаях (с. 63). Рассматривая историю основания православных коллегиумов, автор останавливается на анализе содержания «Духовного Регламента» Феофана Прокоповича в отношении духовных учебных заведений, затрагивает проблемы ранней истории Киево-Могилянской и Московской академий. Основателями и «полновластными хозяевами» рассматриваемых в книге православных коллегиумов были местные архиереи, а государство на протяжении XVIII — начала XIX в. достаточно туманно формулировало свои цели и ожидания в отношении учреждений духовного образования. Архипастырям долго удавалось проводить независимую культурную политику и обращаться к средневековым университетским традициям с целью повышения статуса и общего уровня православных коллегиумов.

Экономическое устройство коллегиумов вплоть до 1760-х гг. напоминало хозяйственную систему Киевской академии: основным источником их обеспечения служили доходы монастырей, архиерейского дома и собственные земельные владения, происхождение которых было бы немыслимо без фигуры ме-

цената (с. 64). К примеру, благодаря пожертвованию гетмана Ивана Мазепы в 1705 г. было сооружено «шесть каменных училищ под одной крышей» (с. 65) Черниговского православного коллегиума. Генерал-фельдмаршал М.М. Голицын подарил Харьковскому коллегиуму «несколько сел» и — наряду со своими потомками — оказывал учебному заведению личное покровительство (с. 65—66).

Исследованию учебной повседневности коллегиумов посвящена вторая глава монографии. Реконструируя учебный процесс на всех этапах обучения в православном коллегиуме — грамматические классы, классы поэтики, риторики, философии, богословия — автор приходит к выводу, что в ее основе лежал план иезуитских образовательных заведений «Ratio atque Institutio Studiorum Societatis Jesu», хотя «ориентация на эту программу не была задекларирована» (с. 264). Актуальность данного подхода также связана с недостаточной изученностью содержания учебных курсов европейских образовательных институций раннего Нового времени. Опираясь на многочисленные источники, автор предлагает научное описание содержания учебного процесса, «воспитательных практик» и «обычной» повседневности. Примечателен подход историка — не замыкаясь в избранном историко-культурологическом ракурсе изучения, подробно рассказать об используемой учащими и учащимися литературе, их философских и научных воззрениях, восстановить забытые имена профессоров и сотрудников православных коллегиумов, привести новые и/или исправить прежние сведения из биографий ректоров, профессоров и известных выпускников. В итоге — перед читателем открывается панорамная картина до недавнего времени малоизвестной страницы истории просвещения и культуры Российской империи XVIII — начала XIX столетий.

В частности, в классах поэтики и риторики один из замечательных методов обучения «чистому русскому и латинскому стилю» состоял в чтении студентами вместе с педагогами газет на русском и латинском языках (с. 153—154). Изучив сведения реестров студентов, Посохова приходит к выводу, «что с 1770-х гг. и в последующие десятилетия, историю изучали все, в то время как “новые” языки посещали по желанию» (с. 168). Опираясь на ком-

плексные данные двух реестров личных библиотек профессоров и библиотечных записей книг, выдававшихся в коллегиумах студентам и преподавателям, ученый устанавливает круг используемых ими учебных пособий и научных трудов по истории и географии (с. 170—173). Читатель найдет в монографии, выясненные по архивным источникам, сведения о наиболее ранних преподавателях истории и географии: Иване Афанасьевиче Переверзеве (ум. 1794), читавшем в Харьковском коллегиуме в 1773/74 и, возможно, в 1774/75 учебных годах «историю и географию, как отдельный предмет» (с. 173) и Андрее Семёновиче Прокоповиче (1757—1826), преподававшем здесь эти дисциплины в начале 1780-х гг. (с. 174). Можно согласиться с автором, что программа высшего класса философии коллегиумов была сопоставима с содержанием артистического факультета средневекового университета, а программа высшего богословского класса коллегиумов — с программой богословского факультета европейского университетского курса конца XVIII века. По обоснованному заключению Посоховой, переход в коллегиумах к изучению «рациональной философии Лейбница-Вольфа» выражал важную тенденцию, связанную с процессами формирования «модернизированного» университета», отчетливо обозначившуюся во второй половине XVIII столетия (с. 265).

В третьей главе книги даны коллективные портреты учащихся и преподавателей православных коллегиумов. Используемый автором биографический метод позволил выявить количественную динамику в группах, их сословный состав, культурные практики и «модели» повседневности. Автор неизменно иллюстрирует свои наблюдения и выводы постраничными ссылками на источники и литературу. В первом разделе главы, посвященном учащимся, вниманию читателя предлагается развернутое историческое описание социальных процессов, академических практик, наполнения отдыха («рекреаций»), а также сценариев выбора жизненного пути по окончании учебных заведений. Красной нитью проходит мысль об органичной связи «локуса православных коллегиумов» XVII—XVIII вв. со многими явлениями, характерными для европейского университетского пространства. Так, например, о

популярности в XVIII в. среди студентов православных коллегиумов возникшей в Средние века традиции «академического путешествия» (*Peregrinatio academica*) свидетельствуют судьбы Афиногена Тигровского, «сына крестьянина», учившегося «в начале 1730-х гг. ... в Чернигове, Киеве, в иезуитском коллегиуме в Овруче» и Никиты Крыжановского, крестившегося «еврея из Рогатина», на протяжении десяти лет «искавшего науку» «в Киеве, Черниговском и Харьковском коллегиумах» (с. 293).

Посохова приходит к выводу, что особенность системы комплектования коллегиумов студентами заключалась, с одной стороны, в следовании требованиям государственного законодательства об обязательном обучении детей духовенства; с другой стороны, — вплоть до реформы духовных учебных заведений 1808 г., — в сохранении сословного состава учащихся, что заметно выделяло эти учебные заведения Российской империи на фоне православных духовных семинарий, в которые почти не принимались выходцы из светских сословий (с. 313). Другое важное отличие православных коллегиумов от семинарий и духовных академий заключалось в праве учащегося или выпускника занять не только духовную, но и светскую должность, что открывало возможности социальной мобильности на фоне усиления сословной замкнутости российского общества во второй половине XVIII века. Кроме того, студенты коллегиумов могли переходить не только в другие духовные, но и в светские — российские и иностранные — учебные заведения (с. 314). Замечательной традицией православных коллегиумов было участие меценатов и населения в оказании помощи бедным студентам (с. 314).

Не менее красочно показана группа преподавателей. Исследовательница обстоятельно анализирует проповеди, которые сочиняли и читали перед студентами профессора (с. 343—349). По обоснованному наблюдению автора, до последнего времени некоторые исследователи продолжали считать, «что в архивах нет материалов с указанием о численности школ, учащихся и преподавателей в губерниях Российской империи в XVIII в.» (с. 272). Важной новостью для специалистов-историков станут опубликованные в рецензируемом изда-

нии сведения о численности учеников трех православных коллегиумов за 1725—1808 гг. (приложение 1, с. 490—492), а также уникальная база данных: «Преподаватели православных коллегиумов», в которой содержатся обнаруженные исследовательницей служебно-биографические сведения по 19-ти основным параметрам о каждом из 255-ти представленных в выборке коллегиумских преподавателях (приложение 2, с. 493—529).

Преобладающий тип преподавателя коллегиума — это образованные монахи, рекомендованные к учительской должности епархиальным начальством, работавшие в течение нескольких лет и затем, нередко, занимавшие высокую должность настоятеля монастыря. Следующий тип — выпускник коллегиума, который в дальнейшем становился его преподавателем, а спустя несколько лет получал место священника в одной из украинских или великорусских епархий. Наконец, третий тип: «профессиональный преподаватель» — часто принадлежал к светским лицам и на протяжении всей жизни преподавал в коллегиумах и других учебных заведениях Российской империи (с. 437—438). Последнее обстоятельство свидетельствует о процессе постепенного формирования профессиональной и интеллектуальной общности преподавателей православных коллегиумов, прерванного их реорганизацией в ходе реформы 1808 года.

Четвертая глава рецензируемой монографии посвящена изучению аспектов взаимодействия коллегиумов и общественной среды. В данном контексте автор рассматривает православные коллегиумы как «территорию просвещения» своих городов и регионов. Ритм жизни коллегиумов задавался православной церковной традицией и прежде всего «системой церковных праздников» (с. 385). Православные коллегиумы являлись органичной деталью городского ландшафта, а также местной культурной и интеллектуальной жизни, благодаря выработанным формам взаимодействия с обществом. Эти учебные заведения не стали вполне «закрытым» пространством в силу их расположения в центральной части города и приверженности многим традициям университетской культуры.

В ходе непосредственных контактов и через выпускников «латинская ученость» про-

никала в городскую жизнь, привнося в нее новые элементы. С другой стороны, на эти процессы воздействовали народная культура и «специфика самой социокультурной среды соответствующих городов и регионов» (с. 410).

В книге ярко описываются устойчивые практики выстраивания коммуникаций носителей «коллегиумского локуса» с местной общественностью («академические праздники», театральные постановки, «эпетенции», «рекреации», участие в местных торжествах, репетиторство, «кондиции», «странствования» дьяков-учителей, сотрудничество преподавателей с местными типографиями) (с. 388—407). Как убедительно показывает Посохова, локус духовных семинарий Российской империи складывался в XIX столетии и «имел уже другие черты и характер функционирования в городской среде» (с. 387).

Изучению главным образом особенностей заключительного периода истории православных коллегиумов (вторая половина XVIII — начало XIX в.) посвящена пятая глава монографии. В екатерининскую эпоху были приняты важные меры, направленные на создание целостной государственной системы образования. И, хотя «с 1760-х гг. до 1804 г. насчитывается более десятка проектов и предложений по реформированию образования» (с. 413), историки не располагают отдельной детализированной программой реформ, посвященной православным коллегиумам Гетманщины и Слободской Украины. В книге рассмотрены хорошо известные проекты (Г.Н. Теплова, Ф.Г. Дильтея, П.А. Румянцева, И. Глебова), в которых затрагивались Киево-Могилянская академия и православные коллегиумы (с. 413—414). Источником, позволяющим реконструировать отношение местного дворянства к сфере образования, служат депутатские наказы шляхетства Малороссийской и Слободской губерний депутатам Уложенной Комиссии 1767—1768 годов. В частности, наказы содержат прошение открыть университеты в Киеве, Чернигове, Переяславле, Харькове, Сумах за счет средств дворянства, «не требуя помощи от государственной казны» (с. 415), что выражало определенную неудовлетворенность православными коллегиумами и востребованность модели университета и университетского образования среди местных дворян.

По наблюдению автора, характерной чертой истории коллегиумов с 1760-х гг. является обозначившееся противоречие между их «доклассической» организационной формой и внутренним содержанием, более ориентированным на запросы общества и государства эпохи Просвещения. Симптомы кризиса заметны в конфликтных ситуациях, возникавших между руководством коллегиумов и светскими властями, связанных с различным пониманием учебного процесса и перспектив образовательных учреждений в условиях усиления государственной сословной политики, возникновения новых типов учебных заведений и критики просветителями университетов.

Заслуживает внимание основанный на анализе историографии и источников вывод автора о том, что «кардинального преобразования православных коллегиумов в конце XVIII в. не произошло» (с. 425), и они в основном сохраняли свою идентичность и структуру до государственной реформы духовного образования 1808 г., направленной на унификацию учебных заведений. Как полагает автор, эта реформа явилась логическим завершением александровских образовательных реформ, начавшихся в сфере светского образования, о чем не всегда помнили их историки (с. 427). Примечательно замечание историка, что наличие проектов, предусматривавших преобразование православных коллегиумов в «полноценные» университеты «демонстрировало и фиксировало трансфер университетской идеи по «юго-западному» пути» (с. 434).

В заключении книги автор приходит к научным выводам, что модель коллегиумов в XVIII в. обладала внутренним потенциалом для их трансформации в «классический» университет, и для преобразования в «сословно-профессиональные учреждения», предназначенные для подготовки священнослужителей (с. 439). Однако в итоге «возобладала» последняя альтернатива, поскольку, несмотря на поиск коллегиумами на протяжении периода второй половины XVIII в. путей обновления своей образовательной модели, «новации не достигли той «критической массы», которая бы позволила преодолеть традиции и осуществить коренные изменения» (с. 440). В XVIII в. православные коллегиумы «олицетворяли юго-западный вектор продвижения европейского доклассичес-

кого университета» (с. 439), источником которого выступали иезуитские католические коллегии, а российские университеты второй половины XVIII — начала XIX в. выражали «северо-западный вектор», исходивший от уже в значительной мере «модернизированных» немецких протестантских университетов (с. 439—440). Другими словами, «классический университет на востоке Европы возник не на “пустом месте”» (с. 440).

К заслуге автора необходимо отнести прекрасный научный аппарат издания: в постраничных примечаниях содержатся подробные и нередко обзорные ссылки на историографию и источники; книга обладает интересными фотодокументами, напечатанными на цветной вклейке, обширным и систематизированным списком использованных документов и литературы (с. 441—489), многочисленными приложениями, списками сокращений и иллюстраций, указателем имен. Монография станет поистине «незаменимой» для специалистов по истории иезуитских коллегий.

Обилие фактического материала, цитат и интерпретаций, готовность автора занять позицию в научных дискуссиях по целому ряду рассматриваемых, либо затрагиваемых в монографии проблем, — едва ли делают ее чтение легким занятием. Однако — по прочтении книги внутреннее ощущение калейдоскопа деталей и идей сменяется представлением о стройной истории, важной, но, до недавнего времени, малоисследованной в историографии темы.

Е.В. КУНЦ

Примечания

1. РЕПИНА Л.П., ЗВЕРЕВА В.В., ПАРАМООНОВА М.Ю. История исторического знания. М. 2004, с. 277.
2. ПОСОХОВА Л.Ю. На перехресті культур, традицій, епох: православні колеґіуми України наприкінці XVII — на початку XIX ст. Харків. 2011.

И.Б. БАБУЛИН. *Смоленский поход и битва при Шепелевичах 1654 года.* М. Фонд «Русские витязи». Серия «Ратное дело». 2018. 228 с.

Исследование И.Б. Бабулина посвящено одной из слабо разработанных и до настоящего времени достаточно запутанных страниц истории взаимоотношений Российского государства с Речью Посполитой (и в частности, ее восточной частью — Великим княжеством Литовским). Можно согласиться с мнением автора о том, что до выхода рецензируемой работы в России не было «ни одного фундаментального научного исследования, посвященного основным событиям» русско-польской войны 1654—1667 годов (с. 11).

Исторические сочинения XIX — начала XX в., так или иначе затрагивающие военные действия середины XVII в. между Россией и Речью Посполитой, полны многочисленных ошибок и фантастических несуразниц, перекочевывающих из сочинения в сочинение различных авторов, большей частью так и не перепроверивших взятые на веру факты из работ предшественников. Бабулин тщательно проанализировал сочинения той поры и высказал вполне ре-

зонные соображения по их содержанию (с. 11—12, 122—123).

Определяя объем исследования, автор не ставил перед собой цель подвергнуть анализу все этапы войны 1654—1667 гг., ограничившись лишь событиями военной кампании 1654 г., справедливо считая, что именно они стали прологом и катализатором последующих действий обеих воюющих сторон. В связи с этим вызывает интерес предпосланная непосредственному описанию боевых действий глава, в которой он постарался очертить некую политико-идеологическую основу, на которой базировалась тогдашняя военная доктрина российского правительства по отношению к Речи Посполитой, а также оценить западные территориальные амбиции царя Алексея Михайловича и его окружения.

Бабулин отмечает, что начавшаяся в 1654 г. русско-польская война шла под эгидой конфессиональной борьбы за объединение «православного мира» (с. 7), с чем невозможно

не согласиться. При этом, однако, автор отмечает, что по сути лишь болезненность и острота смоленской проблемы (переход в начале XVII в. к Речи Посполитой смоленских земель) стали причиной войны. Не будь этого, боевые действия российской армии скорее всего велись бы на северо-западном шведском направлении (с. 7). Исследователь убежден, что, начиная войну, царь Алексей Михайлович вовсе не ставил перед собой задачу присоединения белорусских земель с православным населением, а «думал лишь о занятии спорной территории (Смоленщины), а затем наступательные операции велись в соответствии с обстоятельствами» (с. 9). В доказательство этому историк перечисляет вслед за А.Н. Мальцевым кроме Смоленска такие города как Полоцк, Витебск, Орша, Могилёв, Мстиславль. Как видим даже в таком ограниченном автором виде цели войны довольно далеко отстоят от возвращения завоеванной Речи Посполитой в 1609—1611 гг. Смоленщины (если только Бабулин не понимает под «смоленскими землями» территории, в XII—XIV вв. входившие в состав Смоленского княжества).

Думается все же, что правы процитированные исследователем авторы (Г.В. Вернадский, Б.Н. Флоря, Мальцев, К. Бобятыньский), считавшие, что целью боевых действий в изучаемой войне становились не только Смоленск, но и многочисленные белорусские территории Великого княжества Литовского как минимум на восток от реки Березины (с. 8—9).

Еще одним веским доказательством весьма ограниченных планов России автор монографии считает ее позицию при заключении Андрусовского перемирия 1667 г., когда Россия предпочла отказаться от всех занятых белорусских земель (с. 9—10, 184), исключая западно-смоленские. Однако следует отметить, что эти уступки со стороны царя Алексея Михайловича были продиктованы не приверженностью якобы весьма неамбициозным первоначальным планам, а бесперспективными попытками сохранить за собой первоначально завоеванные территории ввиду усиления военного отпора со стороны Речи Посполитой. К этому следует добавить и проблемы, возникшие у русских регулярных войск в связи с развернувшимся на землях Восточной Белоруссии антимосковским и одновременно

антишляхетским партизанским движением «шишей».

Описанию непосредственных боевых действий 1654 г. Бабулин предпослал две главы (с. 20—38), характеризующие состав и особенности построения армий противоборствующих в войне сторон. И это, нужно признать, оказалось совершенно нелишним, поскольку без этих необходимых пояснений для большинства читателей, не являющихся специалистами в данной проблематике, дальнейшее восприятие изложенного материала оказалось бы достаточно сложным. В середине XVII в. шел активный процесс переустройства вооруженных сил Российского государства, традиционно комплектовавшихся служилыми людьми «по отечеству» (вотчинные и поместные землевладельцы) и «по прибору» (добровольно нанятые стрельцы, пушкари, казаки). Появлялись так называемые полки нового строя (рейтарские, гусарские, драгунские), вначале комплектовавшиеся «по прибору», а затем большей частью путем принудительного набора. И это стало значительным шагом вперед как в усилении военной мощи армии, так и в развитии военной стратегии. Напротив, вооруженные силы Речи Посполитой в целом, и в частности ее восточной части — Великого княжества Литовского — не претерпели каких-либо серьезных структурных изменений. Это в определенной мере, как считает исследователь, и обеспечило превосходство российской армии в войне.

В качестве весьма положительной стороны рецензируемой работы следует отметить, что автор привлек большой пласт документов Разрядного приказа (ф. 210 в Российском государственном архиве древних актов), связанных со Смоленским походом 1654 г. и дальнейшими событиями русско-польской войны, значительная часть которых, по замечанию исследователя, не публиковалась и не привлекалась историками (с. 15). Их изучение позволило Бабулину подробно рассмотреть диспозицию московской армии накануне боевых действий и установить состав и численность полков, участвовавших в баталиях.

Непосредственное рассмотрение событий похода 1654 г. автор начал с боя на реке Колодне, произошедшего 25 июня (5 июля). Благодаря проведенному исследованию читатели

могут составить довольно обстоятельное представление не только о самом сражении, но и о его последствиях. Первая неудача похода выявила слабую координацию между отдельными полками русской армии, отсутствие четкого регламента устройства лагерей и их охраны, беспечность командного состава (с. 66—69). Все это, по мысли автора, и стало причиной успеха отряда Германа Ганскопфа, высланного из Орши великим гетманом Янушем Радзивиллом. К счастью, судя по приведенным в данной главе современным событиям документам и оценочным высказываниям историков, неприятный эпизод не имел каких-либо серьезных последствий для наступавших на Смоленск московских войск.

Не менее важными для первого периода войны стали действия юго-западных сил царской армии, расположенных в Брянске и руководимых боярином князем А.Н. Трубецким. Исследователь сосредоточил свое внимание на событиях, связанных с осадой Мстиславля, опираясь в основном на сообщения очевидцев и местных шляхтичей. Вслед за Л.С. Абецедарским он опровергает неоднократно высказывавшуюся в польских и белорусских исторических сочинениях точку зрения о том, что в результате устроенной после успешного штурма города «резни» все население было уничтожено. При этом автор монографии считает, что город был сильно разрушен, так как «русские не стали размещать в городе гарнизон», а обосновались на территории Тупичевского монастыря (с. 79). Что касается местного населения, то, по его мнению, оно вело себя слишком самонадеянно. «На что рассчитывала местная шляхта, бросая дерзкий вызов мощной армии неприятеля?» (с. 76). Думается на то же, что и защитники Козельска в лихую годину монгольского нашествия, смоленские оборонцы в 1609—1611 гг. или жители Дубровно в августе-октябре 1654 года. Вряд ли защитники Мстиславля уже успели забыть, чем закончилась для местных жителей осада Полоцка войсками Ивана Грозного в 1563 году.

Внешне может показаться достаточно абсурдным такое поведение московских служилых людей. Ведь мстиславцы были большей частью православными. Однако, с одной стороны, прав Бабулин утверждая, что «по “обычаю войны” той эпохи неприятельский город,

рискнувший оказать сопротивление, подвергался беспощадному штурму» (с. 78), с другой, — православные Московии уже более ста лет как считали православную веру в Великом княжестве Литовском испорченной, латинизированной, а самих ее носителей — явно обладавшими отдельными чертами скверных «латынян», «люторов» или «калвинцев». Отсюда и соответствующее отношение.

Приступая к изложению событий, связанных с осадой и взятием Смоленска, автор уделит серьезное внимание действиям русской армии по нейтрализации регулярной литовской армии и созданию условий, исключающих какую-либо помощь осажденной крепости. Здесь он остановился на двух сражениях: битве под Шкловом 2 августа и битве при Шепелевичах 14 августа.

Подробному анализу первого сражения способствовало использование исследователем помимо уже опубликованных новых источников из фонда Разрядного приказа, что позволило с высокой долей достоверности установить не только состав и количество участников, но и воссоздать последовательность действий (битва продолжалась около 5 часов), а также определить количество убитых, раненых и попавших в плен (воинов Великого княжества), в том числе в ряде случаев с пофамильным указанием. Оценивая итог сражения, Бабулин, опираясь на представленные факты, на наш взгляд вполне закономерно считает, что ни одна из сторон не добилась решающей победы (с. 118). Тем не менее в условиях явного численного перевеса войск противника гетман Радзивилл сорвал планы воеводы Я.К. Черкасского по уничтожению его армии и одержал тактическую и морально-психологическую победу несмотря на то, что вынужден был после ее завершения отступить на запад.

Что касается разработки в монографии темы битвы при Шепелевичах, то здесь автор сначала провел обширный анализ отечественной и зарубежной историографии, относящейся к сражению (с. 122—123). Географическую привязку битвы к Шепелевичам Бабулин тщательно обосновал, используя имеющиеся и вновь найденные им документы.

Реконструируя походные и боевые порядки русской армии, исследователь пришел к выводу, что сражение под Шепелевичами стало

первым сражением, которое воины царя Алексея Михайловича дали по «требованиям европейской военной науки того времени» (с. 183), использовав так называемый смешанный боевой порядок — чередование соединений пехоты и кавалерии — в условиях традиционно сильной кавалерии в войске Великого княжества Литовского, представлявшей главную военную угрозу. Благодаря этому, находившийся во главе армии кн. Трубецкой сумел выполнить стоявшую перед ним задачу — во что бы то ни стало разбить армию Радзивилла и исключить возможность ее помощи осажденному Смоленску.

Взятию Смоленска в книге уделено не так много места, как можно было бы предположить. Автор уже при анализе историографии указал, что ранее было опубликовано несколько работ, довольно подробно описывавших ход осады, и повторять все ее детали нет смысла. Он посчитал необходимым сконцентрировать внимание на таких вопросах, как направление нанесения главного удара (это позволил определить анализ раненых в различных полках и соединениях, окружавших город), выяснение деталей штурма 16 (26) августа,

приведших к его неудачному завершению, уточнение подробностей, связанных с капитуляцией гарнизона Смоленска 23 сентября (3 октября). В целом это позволило расширить представления о центральном событии кампании 1654 г. и получить достоверное представление о деятельности причастных к нему лиц.

Было бы неправильным не отметить большой и тщательно подобранный иллюстративный материал, сопровождающий текст книги. Довольно интересными для читателя несомненно окажутся выполненные автором современные фотографии тех мест, где проходили события первого года войны.

Общую благоприятную картину, сложившуюся от знакомства с исследованием, ни в коей мере не портят досадные повторы информации, иногда встречающиеся в работе (с. 100—101, 103, 109, 112, 156—157). Остается надеяться, что интерес Бабулина к войне 1654—1667 гг. не ограничивается ее началом, и мы вскоре сможем познакомиться с новыми работами, посвященными другим периодам русско-польского противостояния.

Г. ЛАСТОВСКИЙ

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P.A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941—1945). Articles: **S.V. Rybakov**. Ideas about historical process and their role in the events of 1917. Historical profiles: **A.A. Nepomnyashchy**. Arsenij Ivanovich Markevich. Historical publicistic: **V.V. Alekseev**. Thinking on the project “Russia is My History”. Contributions: **Kh.-M.A. Sabanchiev**. State policy in relation to deported people in first post-war years; **K.V. Bogatyreva**, **S.I. Resnianskiy**. Correspondence of N.A. Semashko with the VChK in the early 20th of the 21th century; **S.E. Vinogradov**. British company “Vickers Ltd” and the construction of 14-inch naval guns for Russia in 1914—1916. Diplomacy in history: **M.M. Panikar**, **D.R. Troitino**. Winston Churchill on European Integration. History and fates: **A.A. Eremin**, **O.K. Petrovich-Belkin**. The philosophy of history of Giambattista Vico: sources, essence and legacy. For teacher of history: **P.A. Iskenderov**. The Munich Agreement 1938: prologue to the new world war. People. Events. Facts: **O.D. Popova**. The specificity of the mentality of Soviet citizens of the 1960s through the prism of food shortage; **S.G. Verigin**. The persecution of the Finnish intelligence agents after Finland’s withdrawal from World War II; **S.R. Chedgemov**. Statements of K. Marx at the addition of peoples and territories to the Russian Empire; **Sejin Jung**. Two aspects in the Caucasian war: General Ermolov and Gazavat; **R.E. Agayev**. Information of Arabic-speaking sources about the Sanars. Historiography: **L.YU. Posokhova**. Orthodox colleges at the intersection of cultures, traditions, eras (late XVII — early XIX century) (by E.V. Kunts); **I.B. Babulin**. The Smolensk campaign and the battle of Shepelevichi in 1654 (by G. Lastovskiy).

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе,
М.А. Лагода, Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
В.В. Поликарпов, О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Присланные материалы после рецензирования не возвращаются
Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 11, 2018

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Долгоруковская улица, дом 23А, строение 1, офис 211. Москва, 127006.

Телефоны: (499) 978-20-82, (499) 978-61-03. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции. Компьютерное сопровождение: С.А. Терентьев

Подписано в печать 25.10.2018. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 2466-2018. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на первое полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»**

**Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**